

5

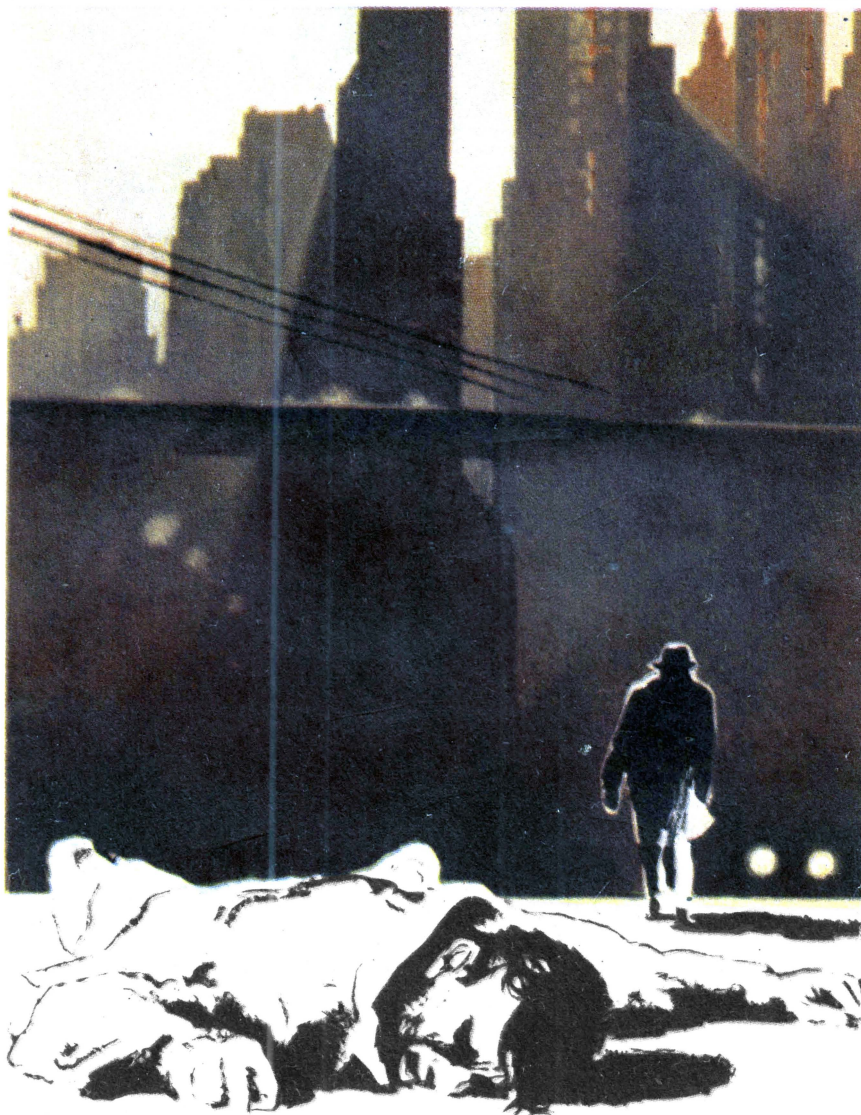
1964

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НАУКА-
-ПОИСК

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Гюнтер ПРОДЕЛЬ. Сливки общества	2
Валентин АККУРАТОВ. Коварство Кассиопей	22
Как мы были колумбами	30
Д. ПИПКО. Выше, дальше, быстрее...	39
Ник. КОРОТЕЕВ. Когда в беде по грудь	60
Владимир МИХАЙЛОВ. Спутник «Шаг вперед»	100
А. КОНАН-ДОЙЛЬ. Тайна старой штольни	142
Из блокнота «Искаателя»	158

№ **5** (23)

1964
ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ГЮНТЕР ПРОДЕЛЬ

Имя немецкого писателя Гюнтера Проделя уже известно читателям «Искателя». Сегодня мы печатаем главы из новой документальной книги Г. Проделя, которая вышла в прошлом году в Германской Демократической Республике.

Перевод для «Искателя» сделан Анатолием Сахаровым и Игорем Сахаровым.

Рисунки Д. ГРОМАНА

Американские газеты сообщали:

«Толпа ньюйоркцев молча, в оцепенении смотрела на мертвую девушку. Десять минут назад пятнадцатилетняя Тереза Джи была убита. В Манхэттен-Вест-Сайд банда юных гангстеров открыла дикую пальбу, жертвой которой и стала Тереза Джи. Расследование комиссии по уголовным делам показало, что стрельба явилась следствием обычной наркотической оргии — молодые преступники закурились марихуановых сигарет...»

Выстрелы в Терезу Джи были не единственным преступлением обезумевших юнцов. Несколько часов спустя на одной из детских площадок Манхэттена они зарезали шестнадцатилетнего Роберта Янга.

Полиция оказалась не на высоте... Только после многодневного расследования ей удалось обнаружить и задержать пятерых участников кровавого разгула.

Вот заключение полицейского отчета:

«...Все арестованные в течение уже нескольких лет являются наркоманами. С четырнадцатилетнего возраста они ежедневно курили марихуановые сигареты, так же как прежде жевали резинку...»

В Организации Объединенных Наций есть специальный отдел — «Постоянный Центральный Совет по борьбе с наркотиками». Задача его — контролировать изготовление и потребление яда. Кроме того, в американской федеральной полиции — ФБР, Французской — Sureté, в английском Скотланд-Ярд, западногерманском федеральном уголовном розыске, в полицейских аппаратах всех западноевропейских и южноамериканских стран, а также в западной международной полицейской организации «Интерпол» есть свои собственные специальные отделы по борьбе с торговлей наркотиками.

И несмотря на это, число наркоманов в западных странах растет и прибыли спекулянтов наркотиками повышаются из года в год. Полицейским удается задерживать лишь мелких торговцев, перепродающих наркотики.

Вот уже десять лет шефом отделения ФБР по борьбе с наркотиками является бывший офицер контрразведки, сорокапятилетний Чарльз Б. Сирагуза. Все эти десять лет Сирагуза разъезжал по миру, чтобы нащупать контрабандные пути международной торговли наркотиками. Где бы в западном мире ни задерживали спекулянтов ядом, в большинстве случаев туда немедленно прибывал на специальном самолете Сирагуза и сам вел допросы арестованных. За десять лет он налетал миллионы километров, составил бесчисленное количество актов, арестовал сотни спекулянтов, однако до сих пор обезвредить заправил международного наркотического бума не удалось.

В чем же дело?

Сирагуза знает крупных гангстеров — контрабандистов наркотиками не только по именам, но и лично, по многим вопросам. Ему, например, точно известно, что родившийся в 1897 году Чарльз Лаки Лючано в настоящее время руководит международным синдикатом контрабанды наркотиков. Живет этот король гангстеров в Неаполе, в белой вилле у моря. Италию контрабандисты используют как перевалочный пункт сырья для гашиша и опиума.

Регулярное потребление опиума и гашиша в медицинских целях составляет во всем мире в год приблизительно пятьсот тонн. Плантации мака и конопли, из которых добываются наркотики в странах Ближнего Востока, прежде всего в Греции, Иране, Иордании, Израиле и в Турции, дают по крайней мере двенадцать тысяч тонн опиума и гашиша в год. То есть одиннадцать с половиной тысяч тонн наркотиков путешествуют по темным каналам нелегальной торговли.

Контрабанду доставляют в самолетах крупных авиалиний, на небольших рыболовецких судах и частных яхтах, на верблюдах. Этим животных контрабандисты используют для перевозки наркотиков из районов возделывания к небольшим портам. Перед отправлением в путь в еду двух-трех верблюдов из двадцати подкладывают водонепроницаемые мешочки с наркотиком. Прибыв на место, животных убивают и мешочки извлекают из верблюжьих желудков. Вознаграждение за контрабандную перевозку окупает такие расходы с лихвой. Не удивительно, что отрядам моторизованной полиции редко удается добиться успеха в пустыне.

В итальянских средиземноморских портах опиум, гашиш, героин принимают люди Лючано. Они организуют дальнейший сбыт наркотиков во Францию, Западную Германию, Южную Америку и в основном в США.

Те, кому надлежит бороться с контрабандой наркотиков, все эти факты знают, но попытки задержать контрабандистов до сих пор успехом не увенчались...

Осенью 1959 года два итальянских торговца нелегально вывезли из Ирана героин стоимостью в 45 тысяч долларов. Они хотели доставить его в Нью-Йорк на океанском лайнере «Индепенденс».

Чарльз Б. Сирагуза узнал, что частная итальянская яхта «Марфа» в начале сентября 1959 года доставит в Ниццу груз героина. Здесь, в номере 333 отеля «Рул», героин должны были купить два американца — Маллроу и Беккер. Оба уже несколько дней жили в этом номере отеля. Паролем служили слова: «В баре вас ждет Джонни», на что покупатели должны были ответить: «Благодарю вас, мы уже говорили с Джонни».

Сирагуза приказал арестовать обоих скупщиков — Маллроу и Беккера под тем предлогом, что у них неправильно оформлены паспорта. Роль покупателей взяли на себя два агента ФБР. Для этого им было выдано 45 тысяч долларов, чтобы показать продавцам. Сирагуза знал: по обычаю контрабандистов торговцы будут передавать героин не сразу, а по частям, и плату требовать так же. Чтобы в нужный момент можно было вмешаться, Сирагуза с четырьмя другими агентами ФБР расположился в соседнем номере. До этого между обоими помещениями была вмонтирована установка для подслушивания. Сирагуза хотел задержать контрабандистов после передачи последнего пакета наркотика.

Как и предполагалось, 4 сентября «Марфа» прибыла в Ниццу. Таможенные формальности по указанию ФБР были только чуть соблюдены. Вечером вместе с другими матросами на берег сошли оба контрабандиста — Аунаи и Леани, о них уже знали. Оба были в матросской одежде и несли с собой обычные вещевые мешки. Расставленные в порту агенты ФБР опознали их. Задерживать их, конечно, не стали. Сирагуза был убежден, что доставят наркотик с борта судна каким-либо неизвестным ему способом. Но это его не интересовало — он был уверен, что пачки героина в конце концов появятся в отеле «Рул».

Но напрасно дежурил Сирагуза у аппарата подслушивания в своем номере — ни одного слова! В течение четверти часа он еще верил в случайную техническую неисправность, потом ворвался вместе со своими помощниками в номер 333. Он увидел своих агентов-«покупателей» лежащими без сознания и связанными. Аунаи и Леани исчезли так же бесследно, как и 45 тысяч долларов, которые были предоставлены в распоряжение агентов.

Сирагуза сразу отдал приказ тщательно обыскать яхту «Марфа». Ее обшарили всю, до последнего уголка. Были отодраны доски, разобраны трубопроводы, взвешены бочки с маслом, разрезаны канаты. В поисках тайника сотрудники Сирагузы

перевернули вверх дном все, но ни крупинцы наркотика не обнаружили. Иначе не могло и быть — ведь в предыдущую ночь весь груз наркотика был перенесен с яхты за пределами трехмильной зоны на рыболовецкий катер и переправлен прямо в Марсель. Яхту вовремя предупредили об операции ФБР по радио.

Чарльз Сирагуза узнал об этом лишь три дня спустя, когда французская береговая радиостанция, принадлежащая международной полиции, с трудом расшифровала перехваченную в ту ночь радиограмму.

Кто мог знать о намерении Сирагузы? Только шесть его сотрудников и служба в Вашингтоне, которой он был подчинен и которую ему пришлось перед началом операции уведомить о своих планах по телефону. Сирагуза знал, что на любого из своих сотрудников может положиться полностью. Никто из них не был предателем. Гангстеров предупредили из Вашингтона! О дальнейшем догадаться было нетрудно. Ведь в Неаполе, в белой вилле у моря, жил король торговли наркотиками Лаки Лючано. На крыше его дома установлена антенна коротковолнового передатчика...

Сирагуза знал, что пачки героина будут доставлены в Нью-Йорк на океанском лайнере «Индепенденс», который уже отплыл и должен был прибыть в Нью-Йорк 16 сентября. Этих данных было, конечно, недостаточно.

На таком океанском судне, как «Индепенденс», есть тысячи возможностей для устройства тайников. В Нью-Йорке его будут разгружать портовые рабочие из профсоюза, контролируемого гангстерским «синдикатом». Можно было считать, что след контрабандистов потерян окончательно.

Но помог случай.

...Преподобный О'Коннор, священник при администрации по делам эмигрантов, даже в будни не отказывал себе в посещении нью-йоркских «Кавер-Герл». Это частные фотостудии, в которых посетитель может фотографировать хорошенькую го-

лую девицу. Натурщицу предоставляет в распоряжение владелец студии, посетителю надо только отдать пять долларов за вход и захватить с собой фотоаппарат.

Студии «Кавер-Герл» — легальные заведения. Судя по колонкам газетных объявлений, в одном Манхэттене их около сотни. Завсегдаем одного такого заведения — «Секси-студио» на 51-й улице был преподобный О'Коннор.

Однажды его случайно увидел там лейтенант Пуэрс из службы таможенного досмотра Нью-Йоркской портовой полиции. Священник при администрации по делам эмигрантов был давно знаком лейтенанту. Сначала Пуэрс был только шокирован, увидев в таком месте служителя церкви, переодетого во фланелевый костюм и с фотоаппаратом. Потом в лейтенанте проснулось профессиональное недоверие.

Преподобный О'Коннор, рассуждал Пуэрс, будучи духовным наставником эмигрантов, может подниматься на все прибывающие пассажирские суда и покидать их, не подвергаясь обычному таможенному и полицейскому контролю. Совсем не исключено, что он злоупотребляет своим положением и занимается контрабандой.

Лейтенант Пуэрс сообщил своему начальству о посещении портовым священником студии «Кавер-Герл». С этого момента преподобный отец находился под постоянным наблюдением.

16 сентября 1959 года на борту прибывшего океанского лайнера «Индепенденс» преподобный О'Коннор приветствовал группу переселенцев из Италии и задержал их благочестивыми речами, призывая вести в благословенной стране жизнь умеренную и порядочную. В благодарность за сердечный прием один из эмигрантов, очевидно глубоко тронутый, неожиданно протянул священнику полуметровую деревянную статую апостола Павла.

Еще оставшиеся на судне работники ведомства по делам эмигрантов позволили О'Коннору дочитать до конца «Отче наш», а затем, когда священник со статуей апостола торопливо направился с борта судна в свой баркас, задержали его.

Деревянная фигура оказалась полой: «тело» святого Павла

было набито белым порошком — героинем. Его здесь оказалось столько, сколько нужно было для изготовления семи миллионов ампул самого сильнодействующего и дорогого наркотика. Каждая ампула героина продавалась на черном рынке по крайней мере за три доллара. Следовательно, «внутренности» апостола стоили 21 миллион долларов.

Чарльз Сирагуза, узнав об этом неожиданном улове, удовлетворенно потер руки — неудача в отеле «Рул» была компенсирована. Затем выяснилось — после проверки отпечатков пальцев, — что мистер О'Коннор уже известен полиции по дюжине убийств и афер с наркотиками. Это был гангстер Элмер Бурке, и за ним, несомненно, стояла хорошо организованная и широко разветвленная сеть контрабандистов — одно лицо не могло осуществлять такие дела.

Вновь появилась надежда через Бурке добраться до стоящих за ним заправил этих дел. Элмер Бурке не был тем мелким, незначительным исполнителем, который не знает своих руководителей. Он служил самим Лаки Лючано, Альберту Анастасиа, Вито Дженовезе. Надо было заставить его заговорить.

Для того чтобы «длинная рука» преступного мира не приняла Элмера Бурке преждевременно замолчать, арест его был скрыт от печати. В тюремную книгу и полицейские протоколы Бурке занесли под фальшивым именем. Только очень немногие работники ФБР знали о нем правду. Арестованного поместили не в центральную тюрьму Нью-Йорка, а отправили в Канзас-Сити, в каторжную тюрьму, оснащенную самыми современными техническими усовершенствованиями.

Допрашивал его лично Чарльз Сирагуза. Через восемь дней Элмер Бурке назвал имена распределителей и торговцев-перекупщиков, указал адреса подпольных лабораторий, в которых изготавливались ампулы героина, и, наконец, подтвердил, что заправилами этого бизнеса были все те же Лаки Лючано в Неаполе и Вито Дженовезе в Нью-Йорке.

Но самым важным была готовность Бурке подтвердить под присягой эти показания в присутствии прокурора и на суде. И раньше Сирагуза знал имена тех, кто контролировал торговлю наркотиками, но до сих пор у него не было нужных свидетелей, чтобы положить конец темным делам Лючано, Дженовезе и многих других гангстеров.

Своими признаниями Элмер Бурке купил себе свободу. Он мог больше не опасаться предусмотренного законом десятилетнего заключения. В американской уголовной практике принято не предъявлять обвинения преступникам, которые проявляют готовность выдать прокурору своих соучастников и выступать в качестве главных свидетелей на процессе.

Вито Дженовезе был арестован в своей пышной нью-йоркской вилле. Человек, который за 57 лет жизни не заработал честно ни одного цента и обладал состоянием в 30 миллионов долларов, добродушно улыбался, когда три агента ФБР вели его к черному «кадиллаку». Он весело махнул рукой подоспевшим фоторепортерам. «Небольшая формальность, мальчики, я скоро вернусь».

Разумеется, Дженовезе имел основания не принимать этот арест близко к сердцу. Его гангстерская карьера насчитывала

одиннадцать арестов, равно как и одиннадцать судебных процессов. Четыре раза он был обвинен в подстрекательстве к убийству, дважды в злом уклонении от уплаты налога и пять раз за торговлю наркотиками. Однако все одиннадцать раз присяжные заседатели были вынуждены оправдать его за недостатком доказательств. Не было еще свидетеля...

Два года назад один «маленький» гангстер, по имени Гарри Вэстен, выразил готовность выступить против Дженовезе свидетелем обвинения. Процесс состоялся. Однако когда Гарри Вэстена везли из тюрьмы к зданию суда в специальном автомобиле для заключенных, по пути в машину врезался грузовик. И среди бела дня, в центре Нью-Йорка двое неизвестных увезли свидетеля обвинения на оказавшемся поблизости легковом автомобиле...

Несколько месяцев спустя полиция поймала двоих гангстеров, похитивших и убивших затем Гарри Вэстена. Это были профессиональные убийцы. Они убивали людей за несколько тысяч долларов, получая «заказ» от подставного лица. Дженовезе они не знали. Таким образом, и на этот раз гангстера не удалось уличить в подстрекательстве к убийству...

Почему же Вито Дженовезе должен был опасаться своего двенадцатого процесса? Когда через несколько часов фотография улыбающегося короля гангстеров появилась в нью-йоркских газетах, надписи под ней гласили:

«Что замышляет Дженовезе? Вовремя ли замолчит свидетель и на этот раз?»

Были арестованы еще семеро торговцев-перекупщиков, все чрезвычайно молчаливые господа. Они отказывались давать какие-либо показания и решительно отрицали, что когда-либо говорили с каким-то Вито Дженовезе или Лаки Лючано.

Исход процесса зависел исключительно от показаний Элмера Бурке.

Прежде чем дело дошло до судебного разбирательства, Элмер Бурке получил в каторжной тюрьме в Канзас-Сити известие от прокуратуры, что на предстоящий процесс в его распоряжение предоставляется официальный защитник. Но его не должны привлекать к суду, а значит, он не нуждался в защитнике! Бурке потребовал встречи с прокурором, вероятно опасаясь, что теперь, когда он все выболтал, прокуратура все-таки посадит его на скамью подсудимых.

Второго декабря, в одиннадцать часов тридцать минут утра, Элмера Бурке вывели из камеры, чтобы доставить в приемную. Бурке был убежден, что там его ожидает прокурор. Два долгоязыких тюремных надзирателя провели его к лифту и поднялись на шестнадцатый этаж административного здания. Затем они направились с ним к комнате № 16/384. Эта комната — одно из немногих помещений тюрьмы, где на окне не было стальной решетки. От главного коридора комнату отделяли две обитые кожей двери с маленькой прихожей между ними. Тюремные надзиратели вместе с Бурке вошли в эту прихожую. Открылась противоположная дверь, вышел незнакомый Бурке человек в штатском. Он показал надзирателям какой-то документ и дал понять, что хочет говорить с заключенным с глазу на глаз. Надзиратели вышли в коридор и уселись на скамье.

Вскоре они услышали крик, но не придали ему значения — крики заключенных не были в этом заведении чем-то необычным.

Через десять минут им пришлось привести в действие сирену общей тревоги — сигнал, который давался лишь при попытках к бегству и в других исключительных случаях. Комната № 16/384 оказалась пустой, окно было широко распахнуто. Элмер Бурке и человек в штатском, который принял его, исчезли. Оба надзирателя подбежали к окну и увидели на окружающем здании выступе, тринадцатую этажами ниже, безжизненное человеческое тело. Это было все, что осталось от Элмера Бурке. Мнимый служащий прокуратуры исчез бесследно. Комната не имела второго выхода, а через окно шестнадцатого этажа он вряд ли мог уйти. Можно предположить, что этого «служащего» вообще никогда не существовало, и вся история — неуклюжая ложь обоих тюремных надзирателей. Газеты высказывали предположение, что надзиратели были подкуплены гангстерами по поручению Дженовезе и собственноручно выбросили Элмера Бурке из окна. Государственные служащие — наемники преступного мира... Американская общественность воспринимает это как само собой разумеющееся.

Оба тюремных надзирателя были временно отстранены от службы, но начатое расследование зашло в тупик. Опровергнуть их согласованные показания оказалось невозможным, а связь с Дженовезе доказать было нельзя.

На следующий день итальянский эмигрант Пьетро Мугнани, который передал Элмеру Бурке на лайнере «Индепенденс» наполненную наркотиком статую апостола и также арестованный после этого, был найден зарезанным в часовне центральной тюрьмы Нью-Йорка.

И здесь ни один из заключенных не видел убийцу Мугнани, никто не заметил, был ли кем-нибудь украден нож из тюремной кухни.

Аппарат Вито Дженовезе сработал и самым внушительным образом продемонстрировал, какую силу представляет в Америке гангстеризм.

В кругах преступного мира Дженовезе величают не иначе, как «Дон Витоне».

Один из малолетних преступников Нью-Йорка, Дженовезе когда-то попал на работу в Нью-Йоркский океанский порт. В портовом профсоюзе, которым руководят гангстеры, преступление и террор — обычное дело. Дженовезе быстро примкнул там к преступному миру. Следующими этапами его карьеры были воровство, разбой, шантаж, контрабанда наркотиков. К началу тридцатых годов он уже руководитель отдела в синдикате контрабанды наркотиков, которым владели Лаки Лючано, Альберт Анастасиа и Франк Кастелло. Молодого Дженовезе, готового на любое преступление, очень быстро произвели в телохранители Лючано, но его успешная карьера временно оборвалась в результате одного инцидента.

Потребовалось убрать гангстера, по имени Боцциа, который делал бизнес в обход «синдиката» для собственной выгоды. Дженовезе к тому времени уже настолько далеко продвинулся, что мог не выполнять такие поручения лично, а нанять профессионального убийцу. Он дал это задание своему земляку Эми-

лио Галло. Чтобы действовать наверняка, Дженевезе заключил сделку еще с одним профессиональным убийцей — Эрнестом Руполо, который после устранения Боцциа должен был обезвредить Галло.

На этот раз произошла осечка. Галло застрелил Боцциа, однако его самого Руполо прикончить не сумел. Галло остался жив, раскусил игру и донес на Дженевезе полицию.

Не обладая в то время такими связями и могуществом, как теперь, Дженевезе должен был срочно покинуть Америку. Он вернулся в Италию и включился в международную подпольную торговлю наркотиками.

Связи Дженевезе с римской аристократией, крупной потребительницей наркотиков, помогли ему быстро войти в высшее общество. Несколько позднее старый итальянский король Виктор Эмануэль даже пожаловал его титулом «коммендаторе». Но разразилась вторая мировая война. Все американцы, проживавшие в Италии, были интернированы. Временно приостановились и торговые сделки Дженевезе с итальянской аристократией. Дона Витоне почти на два года заключили в лагерь под Аbruценом — это заключение было самым продолжительным в жизни Дженевезе.

Но естественно, что гангстер быстро заинтересовал фашистскую тайную полицию и снова обрел свободу.

В то время в Нью-Йорке жил эмигрант из Италии, газетный издатель Карло Трэска, антифашист и враг Муссолини. Трэска издавал в Америке еженедельную газету «Ил Мартелло». В течение нескольких лет итальянская фашистская разведка безуспешно пыталась убить его.

500 тысяч долларов и возможность свободно жить в Италии — таков был гонорар Дженевезе, взявшегося убить издателя-антифашиста.

11 января 1943 года, в девять часов тридцать минут вечера, Карло Трэска был убит в Нью-Йорке на углу 15-й улицы и 5-й авеню, когда переходил со своим другом улицу. В него в упор выстрелил маленький плотный мужчина. Трэска умер мгновенно. Убийца скрылся бы на легковом автомобиле, но два норвежских дипломата, случайно проезжавшие мимо, начали преследование. Они, правда, не смогли задержать его, однако заметили номер машины. Через несколько часов полиция нашла эту машину в переулке 15-й улицы. Произвели расследование. «Форд» принадлежал много раз судившемуся за торговлю наркотиками итало-американцу Кармину Галенте. Галенте отрицал всякую вину и преподнес испытанную увертку: вечером в день убийства у него украли автомобиль. Ему устроили очную ставку с двумя норвежскими дипломатами.

Но свидетели не могли с абсолютной уверенностью признать в Галенте убийцу. Дело в том, что как раз вечером 11 января 1943 года в Нью-Йорке впервые была произведена светомаскировка города. На улицах погасли световые рекламы и огни витрин.

Прокуратуре пришлось освободить Галенте из-под ареста.

Газеты писали тогда:

«Для посвященных кругов не представляет никакого сомнения, что убийство Трэска имеет политическую подоплеку и

организовано по поручению итальянских фашистов. Не придется также сомневаться в том, что здесь замешан проживающий в Италии Вито Дженовезе, купивший с помощью этого убийства собственную свободу...»

А Дженовезе находился в Италии и пользовался благоволением итальянского правительства.

Через два года война закончилась. Италию оккупировали американские войска. С некоторым опозданием закон все же протянул свою руку к Вито Дженовезе. Нью-йоркская прокуратура предложила военному министерству разыскать Дженовезе и переправить его в Соединенные Штаты.

Искать его было нетрудно — Дженовезе уже состоял на американской службе. Он работал в штабе американской танковой дивизии переводчиком и успел завоевать расположение офицеров: для скучных вечеров в казино добывал наркотики, спиртное. И прошло еще три месяца, прежде чем Дженовезе был арестован и препровожден в Нью-Йорк. А между тем из тюрьмы «Синг-Синг» доставили Эмилио Галло, ему смертная казнь за убийство Боцци по поручению Дженовезе была заменена пожизненным заключением. Эмилио Галло подготовили для дачи показаний на предстоящем процессе. Убийство Боцци было единственным преступлением Дженовезе, которое могли доказать.

Но... Не успело военно-транспортное судно с Вито Дженовезе причалить к пристани Нью-Йорка, как труп единственного свидетеля Эмилио Галло уже был отправлен из Центральной тюрьмы Нью-Йорка в морг. Ночью в тюрьме у него якобы начался приступ желтухи, надзиратель дал ему болеутоляющее средство, а наутро Галло был мертв. Вину Дженовезе доказать было невозможно. Ведь когда Галло умирал от судорог, Дженовезе находился в руках американской полиции.

На судебном процессе он сидел на скамье подсудимых, улыбаясь и скучая.

«Закон требует оправдания за отсутствием достаточных доказательств, — объявил судья. Затем он добавил: — Но каждый из сидящих здесь, в зале, знает, как это оправдание было вырвано — с помощью террора и убийства свидетеля, чьи показания неизбежно имели бы следствием смертный приговор обвиняемому».

Судья был бледен.

Вито Дженовезе зевал от скуки.

Он возвратился в США. За 14 лет создал самый мощный гангстерский «синдикат» со времен Аль Капоне и Деллингера.

Итак, двенадцатый судебный процесс над Дженовезе закончился, как и одиннадцать предыдущих. Присяжные заседатели еще не удалились на совещание, а судья уже распорядился об освобождении Дженовезе из-под ареста. Установленный законом залог — 150 тысяч долларов — король гангстеров тут же выложил из кармана своего жилета.

Почему же несколько сотен преступников имеют большую власть в государстве?

В 1956 году нью-йоркский журналист Виктор Ризель рискнул открыто поставить эти вопросы и ответить на них. В течение нескольких лет он следил за махинациями гангстеров, узнал

имена политиков, правительственных чиновников, которые подерживали связи с преступным миром или состояли на содержании у гангстеров. Месяцами слонялся он в Нью-Йоркском порту, работал докером и собрал богатый материал о той роли, которую играют гангстеры в руководстве различных портовых профсоюзов.

И вот в нескольких ежедневных газетах, в сериях телепередач Виктор Ризель начал рассказывать общественности о результатах своих исследований.

5 апреля 1956 года в одной из телевизионных передач Виктор Ризель рассказал, каким образом Вито Дженовезе и его доверенные Джонни и Томми Диогуарди хозяйничают в профсоюзе докеров и транспортных рабочих. Он рассказал и о том, почему «синдикат» наркотиков так сильно заинтересован в этих профсоюзах. Порт — огромные ворота для нелегального импорта наркотиков. Боссам «синдиката» важно иметь своих доверенных лиц среди докеров, которые разгружают суда, и среди транспортных рабочих, вывозящих грузы из порта. Ризель разоблачил этих агентов и рассказал об интригах, с помощью которых братья Диогуарди протаскивают своих людей в ряды честных портовых рабочих. Он сообщил факты: оба брата имели много судимостей, и Дженовезе благодаря своим связям с юстицией добился досрочного освобождения их из тюрьмы «Синг-Синг». Ризель призвал правительство покончить, наконец, с этим нетерпимым положением.

Передача продолжалась до двух часов ночи. Спустя двадцать минут Виктор Ризель, два редактора телестудии, Уилкинс и Петер Баталиас, а также секретарша Ризеля — Бетти Нэвинс покинули студию и пошли к Бродвею, чтобы выпить по чашке кофе. В кафе к ним присоединился Эйб Сэвидж, корреспондент телевизионной компании.

Около трех часов утра Ризель вместе с Бетти Нэвинс вышел из кафе и направился по 51-й улице к театру Марк-Хэллингер, где оставлял свой автомобиль. Он уже собирался открыть дверцу машины, когда к нему подошел хорошо одетый молодой человек, приветливо сказал «Хелло» и попросил прикурить. Незнакомец сунул руку в карман, как будто хотел достать пачку сигарет, но в его руке оказалась маленькая стеклянная бутылочка. Ризель не заметил этого — он был занят тем, что пытался зажечь спичку. Когда журналист снова поднял глаза, неизвестный молниеносно выплеснул ему в лицо едкую жидкость. Ризель непроизвольно сделал защитное движение левой рукой. В результате брызги жидкости попали также на лицо и руку неизвестного. В то же мгновение преступник побежал. Бетти Нэвинс не решилась преследовать его. Ризель стонал от боли. Кислота, выплеснутая ему в лицо, как огонь, жгла глаза.

На углу 51-й улицы преступник угодил прямо в руки патрулей полицейских. Они остановили его:

— Что случилось, куда вы так торопитесь?

— На меня напали два парня. Они еще слоняются вон там, у театра Марк-Хэллингер.

Полицейские помчались к театру. Они нашли корчившегося от боли Виктора Ризеля и зовущую на помощь секретаршу.

Преступник между тем скрылся. Но и на его лице и на руке остались предательские отметки. Теперь по ожогам его легко было опознать. Его могли бы найти, арестовать и заставить говорить. Но ни один преступник, который совершал покушения по поручению властителей гангстерского «синдиката», не должен был говорить...

Несколько часов спустя все нью-йоркские газеты рассказывали о покушении на Виктора Ризеля. Это подлое нападение вызвало небывалое возмущение общественности.

На следующий вечер Виктор Ризель снова предстал перед телевизионными камерами. Несмотря на запрет врачей, собрав нечеловеческую силу воли, он говорил миллионам телезрителей:

«Вчера вечером вы еще могли смотреть мне в глаза, а сегодня вы видите лишь две пустые глазницы, прикрытые бинтами. Я слеп, и врачи не сомневаются, что я никогда больше не смогу видеть. Гангстеры «портовой преисподней» ослепили меня за то, что я выступил против них. Это наверняка только первое предупреждение. Но я не буду молчать. И до последнего вздоха буду выступать за истребление этого гангстерского выродка. Больше тридцати лет преступники самого отвратительного пошиба терроризируют нашу страну, оставаясь при этом совершенно безнаказанными. Наше правительство всегда утверждает, что Соединенные Штаты Америки — самая свободная, самая богатая и самая прекрасная страна на земле, но эта свобода не должна быть свободой для гангстеров, а Америка — раем для преступников. С этим положением нужно, наконец, покончить».

Ризель также открыто указал на тех, кто инспирировал совершенное на него покушение, и назвал имена — те самые, о которых он уже упоминал двадцать четыре часа назад: Вито Дженовезе, Джонни и Томми Диогуарди.

Все газеты мира сообщили о покушении на Ризеля. Властям США волей-неволей пришлось вмешаться.

Расследование дела было поручено федеральному прокурору Полю Уильямсу. Сначала, чтобы успокоить взволнованную общественность, арестовали братьев Диогуарди. Могущественного Вито Дженовезе трогать пока не решались. Да и арест братьев-гангстеров был, по сути дела, фарсом. Федеральная прокуратура не имела доказательств их участия в покушении. Нужно было схватить человека, выплеснувшего Ризелю в лицо кислоту, добиться от него показаний — от кого он получил задание совершить покушение. Без этого к братьям Диогуарди подступиться нельзя было.

Работники федеральной прокуратуры неделями разыскивали «человека с бутылочкой кислоты», но безрезультатно.

Помог Джозеф Карлино — преступник, проведенный за стенами тюрьмы в общей сложности двадцать два года, кое-что знавший о покушении на Виктора Ризеля. В мрачной душе Карлино отнюдь не зашевелилось вдруг чувство справедливости и порядочности. Дело в том, что через четыре недели после покушения на Виктора Ризеля сорокатрехлетний Джозеф Карлино был арестован за нападение в Нью-Йорке на кассового курьера с целью ограбления. Благодаря своему объеми-

стому списку судимостей он мог рассчитывать на пожизненное тюремное заключение. Чтобы избежать этого, Карлино выждался выдать покушавшегося и тех, кто стоял за ним.

В качестве ответной услуги он требовал мягкой оценки своего собственного преступления. Прокуратура пошла на эту сделку, и Джозеф Карлино выложил все, что знал.

Судя по его показаниям, произошло следующее. В конце марта, приблизительно за неделю до нападения на Ризеля, в кафе «Мирантис» на юго-востоке Манхэттена Карлино получил от профсоюзного босса Джонни Диогуарди предложение проучить одного парня, который якобы путался с его приятельницей. Гонорар — 500 долларов. Карлино отклонил предложение. Плата показалась ему слишком низкой. Кроме того, он опасался неприятных последствий. Однако он обещал позаботиться о «заместителе». На следующий вечер они снова встретились в кафе «Мирантис». Карлино привел с собой двадцатитрехлетнего Абе Тэлви — парня, с которым он в свое время познакомился в тюрьме.

На этот раз Джонни Диогуарди пришел вместе со своим братом Томми. Вчетвером обсудили детали нападения на Виктора Ризеля. За посредничество Карлино получил от Джонни Диогуарди 100 долларов.

Наутро после покушения Абе Тэлви неожиданно появился на квартире Карлино. Он был очень взволнован, потому что сам обрызгал себя кислотой и чуть не попал в руки полиции. Карлино посыпал на его раны соду и искусственные дрожжи, чтобы смягчить боль, и одолжил костюм — Тэлви испортил кислотой и свою одежду. Абе Тэлви сказал, что решил скрываться у своего брата, Лео Тэлви, до тех пор, пока вся эта история не забудется.

После этих показаний Карлино федеральная прокуратура могла легко, не поднимая шума, арестовать Абе Тэлви. Известна была и квартира, в которой тот прятался. Но ответственные чиновники избрали другой путь — они опубликовали в газетах фотографию Тэлви, призывая общественность отыскать преступника. Впечатление было такое, будто власти делали все, чтобы разыскать Абе Тэлви. Но, по сути дела, организаторам нападения и Вито Дженовезе дали едва прикрытое предупреждение. И те поняли, конечно, дружеский намек. Прежде чем полиция смогла выследить Абе Тэлви, прохожие нашли на улице его труп. Тэлви лежал перед домом № 247 по Малбери-Стрит в Госсэ убитый тремя револьверными выстрелами.

Но оставался еще живым Джозеф Карлино — человек, который присутствовал на переговорах между Абе Тэлви и братьями Диогуарди, а теперь обещал выступить на суде свидетелем обвинения. Как ни странно, Карлино дождал до начала судебного процесса — целый и невредимый, он смог дать показания. Однако Карлино профессиональный преступник, имевший двенадцать судимостей. Бывалые защитники братьев Диогуарди обладали достаточным красноречием, чтобы разъяснить присяжным: такой человек готов пойти на «самую низкую ложь», если он спасает себя от пожизненного заключения. Когда при перекрестном допросе Карлино пришлось к тому же

сознаться, что прокуратура гарантировала ему смягчение наказания за ограбление, если он выступит в качестве свидетеля обвинения, для Джонни и Томми Диогуарди процесс был выигран. Суд оправдал их за недостаточностью доказательств. Председатель суда настоятельно напоминал присяжным заседателям, что американский закон о вынесении приговора считает очень важным положение: «В сомнительных случаях — в пользу обвиняемого». Присяжные единодушно поддержали положение — каждый из них сомневался в том, что переживет свое «виновен».

Когда Виктор Ризель хотел продолжить свою борьбу с гангстерами, главные редакторы и директора телевизионных компаний закрыли для него газетные полосы и двери телестудий. Крупные промышленные предприятия дали понять газетным концернам и радиокомпаниям, что откажутся печатать ежедневные рекламные объявления, если отчеты Виктора Ризеля будут публиковаться.

В то время, когда газетные полосы еще были открыты для Виктора Ризеля, он писал:

«Гангстерские боссы не только торгуют наркотиками, не только владеют игорными домами и делают бизнес на проституции, но с помощью миллиардных барышей распространяют свое господство на экономику и политику. Федеральная прокуратура оценивает ежегодную прибыль гангстеров от одной торговли наркотиками в двадцать миллиардов долларов. Федеральная прокуратура, однако, скрывает от общественности, где остаются эти чудовищные суммы. Разумеется, деньги не держат в кубышке, а покупают с их помощью власть в государстве. В настоящее время в США нет ни одного промышленного концерна, в котором не имели бы веского голоса гангстеры. Через подставных лиц они закупают на бирже пакеты акций, а завладев долей в какой-либо фирме, знают, как пользоваться своей властью в наблюдательном совете. Пройдет еще несколько лет, и будет вообще невозможно провести черту между бизнесом и преступлением...»

Ризелю позволяли это писать, пока он не называл имена.

Но судьба Виктора Ризеля и возмущение общественности заставили все-таки правительственные учреждения в Вашингтоне заниматься этим вопросом. Как водится, была создана комиссия по борьбе с организованной преступностью.

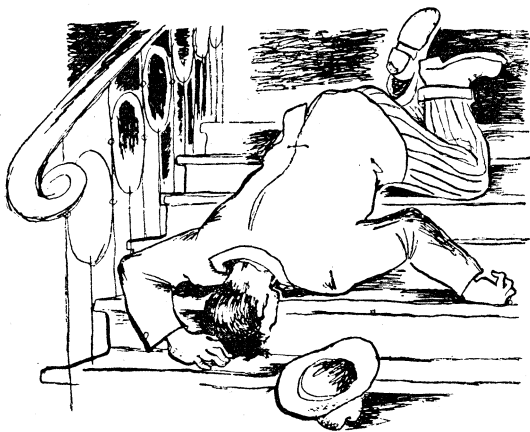
Сенатская комиссия пригласила «великих» гангстерского мира в Вашингтон, где они должны были рассказать о своем «жизне-бытье». Невероятно наивное мероприятие: кто мог всерьез предположить, что такие преступники, как Вито Дженовезе, Франк Кастелло, Джозеф Профаки и Ланги Цвиллман, чьи имена уже сотни раз упоминались в газетах в связи с самыми низкими преступлениями, вдруг придут и расскажут?

Все это больше походило на государственный прием в честь преступного мира, чем на серьезный акт расследования. Крупные мошенники приехали в элегантных лимузинах и с удовольствием позировали фотокорреспондентам. Господ из сенатской комиссии гангстеры «чистосердечно» заверяли: они порядочные дельцы и честные американцы.

Руководитель комиссии несколько позже сообщил, что допросы не дали никакого отправного пункта для рассмотрения каких-либо преступных действий приглашенных.

Через несколько недель в «портовой преисподней» Гудзона произошло новое убийство. Однажды утром, когда посредник для вербовки судовых команд Антони Хинтц шел на работу в порт, на лестнице дома № 61 по Гроув-стрит его сразили шесть выстрелов из автомата. Но умер он не сразу. Своей жене, которая у себя в квартире услышала выстрелы и выбежала на улицу, Хинтц назвал имя убийцы, стрелявшего в него, — Джонни Данн. Когда же прибыл полицейский наряд и руководитель комиссии по расследованию убийств капитан Хаммилс стал спрашивать Антони Хинтца об убийце, докер лишь пробормотал:

— Не знаю, я его не знаю.

Только жена Хинтца сказала детективу, что ее муж назвал имя Джонни Данна.

Докер был так тяжело ранен, что едва ли мог выжить. Его доставили в больницу и там сразу же оперировали.

Молодой нью-йоркский прокурор Билл Китинг, который по поручению сенатской комиссии расследовал положение в порту, вскрытое Виктором Ризелем, тотчас же включился в следствие. Вместе с капитаном Хаммилсом и женой Хинтца он поехал в больницу. По дороге жена Хинтца рассказывала:

— Анди был посредником для вербовки судовых команд на пристани № 51. Там разгружают суда, которые прибывают из Италии. Анди часто рассказывал мне, что контрабандой провозится много наркотиков. Но в эти дни ему не разрешали работать. Ему приходилось отрабатывать в выходные дни. А Джонни использовал своих собственных людей. Поэтому-то Анди и ругался постоянно с Данном. Анди всегда говорил: «Свою пристань я этой банде не отдам. Не отдам, пока я жив, Мэйси». Поэтому они и застрелили его.

Китинг знал Джонни Данна, которого Вито Дженовезе назначил заместителем председателя профсоюза докеров. Китинг не думал, правда, что Данн стрелял сам. Для таких дел гангстеры обычно пользовались услугами купленных субъектов.

Прокурор спросил госпожу Хинтц:

— Вы уверены, что ваш муж имел в виду заместителя председателя профсоюза Джонни Данна?

Мэйси Хинтц сказала презрительно:

— Профсоюза? Да с тех пор, как Данн и его громилы вошли в него, он стал всего-навсего бандой убийц и вымогателей. Конечно, Данн стрелял в Анди. Я только не понимаю, почему Анди совершенно не хотел говорить полиции, кто в него стрелял.

— Ради вас, мисс Хинтц, — тихо ответил Китинг. — Он не хотел, чтобы гангстеры и вас убили. Наверное, боится, что Данн отомстит вам, если выяснится, кто убийца.

Женщина некоторое время молчала, а потом решительно ответила:

— Если Анди умрет, мне безразлично, что произойдет. Я только хочу, чтобы и убийца получил свое наказание.

Китинг промолчал. Даже если бы она выступила на суде, это не было бы достаточным доказательством. Ведь миссис Хинтц не видела, что стрелял Данн.

Была единственная возможность уличить Данна. Прежде чем Анди Хинтц умрет, он должен дать официальное показание, что Джонни Данн стрелял в него. И прежде всего он должен подтвердить, что отдает себе отчет в предстоящей смерти. Только тогда его показания считались бы на суде доказательством, потому что в таком случае, как сказано в законе, свидетель не извлекает личной выгоды, если говорит неправду.

Возле больничной палаты Китинга встретил врач.

— Он еще жив, но нет никаких шансов выходить его. Две пули в груди мы извлечь не можем — это означало бы верную смерть.

После долгих, настойчивых уговоров врач разрешил Китингу пятиминутное свидание.

Жестоко мучить умирающего допросом, но у Китинга не было другого выбора.

Антони Хинтц лежал без движения. На лбу у него была толстая, пропитанная кровью повязка. Скуластое лицо сделалось серым. Он был похож на мертвеца. Когда его жена подошла к постели, склонилась над ним, Хинтц открыл глаза и смотрел на нее неподвижным взглядом.

— Анди, — всхлипнула миссис Хинтц, — это я, Мэйси.

Он едва слышно произнес:

— Я знаю, Мэйси. Хорошо, что ты пришла. Я умру, Мэй.

Китинг облегченно вздохнул: не нужно задавать бесчеловечный вопрос, знает ли Антони Хинтц о своей предстоящей смерти. Хинтц сам сказал, что умрет. Он сделал это в присутствии двух свидетелей. Если бы Китингу удалось теперь склонить его к признанию, что только Данн и никто другой стрелял в него, можно будет ликвидировать шайку убийц в порту.

Китинг подошел ближе к постели, склонился над Хинтцем и сказал:

— Я — прокурор Китинг, я веду расследование вашего дела. Скажите мне теперь, пожалуйста, кто в вас стрелял. Ваша жена уже рассказала мне, что это был Джонни Данн, но я должен слышать это от вас.

Казалось, тяжело раненный докер пытался подняться, испуганно прохрипел:

— Нет, это неправда. Это был не Данн. Моя жена не видела этого. Я не знаю, кто это был...

Мучимый болью, но одержимый одним желанием — защитить жену от мести портовых гангстеров, он все снова и снова повторял это.

Молодой прокурор, потрясенный, умолк.

Врач запретил ему задавать вопросы.

Из больницы Китинг поехал в порт и отыскал бюро заместителя председателя профсоюза докеров. Пишная секретарша молча открыла обшитую дверь и хриплым голосом бросила:

— Джонни, прокурор Китинг хотел бы к тебе.

Джонни Данн (в своих кругах его называют Кривой глаз) оказался хилым молодым человеком, который изо всех сил старался казаться важным боссом. Его оттопыренные уши и жестокий, массивный подбородок плохо вязались с добротным, сшитым с иголочки костюмом. Он курил толстую сигару. Небрежным движением руки пригласил Китинга сесть в кресло.

— Здравствуйте, Китинг, что привело вас ко мне?

Китинг продолжал стоять.

— Я бы хотел лишь узнать, где вы были сегодня утром между семью и девятью часами?

Заместитель председателя профсоюза спокойно положил свою сигару в пепельницу, набрал номер телефона. Ожидая, пока его соединят, сказал:

— Минуточку, Китинг, сейчас я вам смогу точно сказать.

Теперь прокурор все же сел. Он знал, что сейчас произойдет. Данн сразу представит ему совершенно неопровержимое алиби... Так и получилось. Данн позвонил одной из своих любовниц, и она подтвердила, что он ровно до девяти часов находился у нее в квартире. А Хинтц был застрелен в половине девятого.

— Вы же сами слышали, Китинг, до девяти часов я был у своей приятельницы; я там спал, а потом поехал в свое бюро. Это длилось приблизительно двадцать минут. При таком уличном движении быстрее ведь не проедешь, — Данн 'положил трубку. — Минут двадцать десятого я, вероятно, был в бюро, но если вы хотите знать совершенно точно, то я спрошу мою секретаршу.

Китинг сделал отклоняющее движение рукой. Он был убежден, что секретарша Данна подтвердит эти данные с точностью до секунды. Да и дама, которой только что звонил Данн, в любое время присягнет, что Джонни провел у нее ночь и ни на минуту не покидал квартиры до девяти часов. Он злился на себя, что вообще задал этот вопрос.

— Скажите, Данн, вы знаете Антони Хинтца?

— Хинтца? Возможно. Он работает в порту?

— Он работал в порту. На пятьдесят первой пристани, посыльным для вербовки судовых команд.

— Ах, да, теперь припоминаю, кого вы имеете в виду. Довольно строптивый парень, но хороший докер. С ним что-нибудь случилось? Провернул какое-нибудь дело?

— Кто-то стрелял в него сегодня утром, мистер Данн, — сказал Китинг после короткой паузы.

Джонни Данн весело рассмеялся:

— А-а, теперь понимаю. Поэтому вы и спрашивали, где я был сегодня утром? Старая песня: если в порту что-нибудь случается, то в этом, оказывается, виноват профсоюз. И как вы только поддаетесь на такую чепуху, Китинг... — Он снисходительно покачал головой. — Напрасно тратите свое драгоценное время, занимаясь этими бабьими сплетнями.

— Но Хинтц не умер, мистер Данн, он еще жив, и я бы очень хотел устроить вам очную ставку. Хинтц смог бы подтвердить, что вы не стреляли в него.

Джонни Данна покинула его невозмутимость:

— Нет, ничего подобного делать нельзя.

— Почему же нет? — насмешливо спросил Китинг. — Чего вы боитесь?

Данн заходил по комнате.

— Нет, ни в коем случае! Человек в таком состоянии, как Хинтц, вероятно, уже не может ясно мыслить. Он будет фантазировать и, чего доброго, утверждать вещи, которые вообще не происходили!..

Китинг рассмеялся:

— Но вам-то нечего бояться — с вашим алиби.

Джонни Данн не был склонен к шуткам.

— Я считаю нашу беседу законченной, мистер Китинг, — сказал он. — Дальнейшие разговоры с вами я бы хотел вести только в присутствии моего адвоката, — он подошел к двери.

Прокурор тоже поднялся, но, прежде чем выйти, спросил:

— У меня еще только один вопрос, Данн. Вы уже имели судимости?

— Да. За пустяк. Стычка в баре, — ответил Данн.

— И сколько вы получили за этот пустяк?

— Девятнадцать месяцев, но вы, прокурор, и без меня узнаете об этом.

— Да, я припоминаю. А больше ничего не было?

Джонни Данн вместо ответа открыл дверь. Китинг стал медленно выходить и бросил:

— А вы не сидели еще пять лет в «Синг-Синг» за контрабанду наркотиков?

Сзади его чуть не ударила дверь — с такой яростью Джонни Данн захлопнул ее.

В принципе Китинг не продвинулся дальше ни на шаг. Ведь ему было уже известно, что Джонни Данн — это гангстер, имевший много судимостей, и что Вито Дженовезе вызволил его из тюрьмы лишь потому, что требовался надежный человек на одну из должностей в портовом профсоюзе. Но все это далеко не было доказательством того, что Данн убил Антони Хинтца.

Пока Хинтц не признает, что в него стрелял Данн, Китинг ничего не мог предпринять.

В этот и следующий день Китинг ежечасно звонил в больницу. Состояние смертельно раненного докера оставалось неизменным. Хинтц еще жил, но не мог отвечать на вопросы. И лишь на четвертое утро после нападения врач сказал Китингу:

— Если вы хотите попытаться еще раз, то приходите сейчас. Хинтц в полном сознании, но долго он не протянет.

В сопровождении капитана Хаммилса, судебного стенографа и детектива лейтенанта Салливенса Китинг помчался в больницу.

Дежурная сестра смотрела на Китинга как на убийцу, когда он со своим штабом вошел в палату. Китинг выпроводил медсестру из комнаты и начал допрос.

Антони Хинтц выглядел ужасно. Лишь глаза лихорадочно блестели.

Китинг начал с обычных вопросов о личности: фамилия, дата рождения, адрес. Он должен был задать их, чтобы получить подтверждение, что Хинтц еще находился в полном сознании. Затем он спросил:

— Анди, оставили ли вы всякую надежду выжить?

Антони Хинтц кивнул и прошептал:

— Да, у меня нет больше никакой надежды.

— Анди, вы ведь католик. Пригласили ли вы священника?

— Да, он был здесь сегодня ночью.

— Вы уже приняли соборование?

— Да, сегодня ночью.

«Этого закону будет достаточно», — подумал Китинг.

— Анди, кто стрелял в вас в среду, восьмого января, у дома номер шестьдесят один по Гроув-стрит? Скажите нам теперь, перед лицом смерти, правду.

Находящийся при смерти докер опять заколебался, но потом, наконец, прошептал:

— Это был Джонни Данн. Но защитите мою жену.

— Разумеется, Анди. Мы пошлем ее в деревню, пока Данн не будет осужден. Но вы должны сказать нам больше. Сколько выстрелов произвел в вас Данн?

— Шесть. Шесть раз он стрелял, и ни одна пуля не прошла мимо.

— Почему он хотел вас убить? Вы что-нибудь знаете об этом?

Хинтц закивал:

— Восьмого января Данн хотел сам контролировать мою пристань. Сообщили, что прибудет судно из Генуи с замаскированным грузом наркотиков. Его должны были разгрузить люди Данна. Поскольку я каждое утро вербовал докеров, он побоялся, что его люди не получат пятьдесят первой пристани. Поэтому-то я и должен был восьмого января перенести смену на выходной день. Но я отказался, я не хотел отдавать своей пристани этой банде.

— Этого будет достаточно, — сказал Китинг. — Теперь успокойтесь. Мы приведем сюда Данна, и тогда вы еще раз должны будете подтвердить нам, что это он стрелял в вас.

Хинтц больше не возражал. Казалось, он был готов к этому. Через полчаса два полицейских ввели Джонни Данна в палату.

— Хелло, Анди, — сказал Данн с принужденной приветливостью.

Хинтц молча смотрел на него.

Подав взглядом знак стенографу, Китинг спросил:

— Антони Хинтц, вы знаете этого человека? Если да, то назовите мне его имя.

Хинтц поднял с одеяла правую руку и указал ею на Джонни Данна.

— Это Джонни Данн — человек, который стрелял в меня.

С театральным жестом Данн вдруг схватил руку Анди.

— Но, Анди, ты понимаешь, что говоришь? Я же твой старший друг. Я никогда не стрелял в тебя!

— Нет, я лежу здесь только ради шутки, — тяжело дыша, произнес Хинтц и молниеносно сорвал с себя одеяло. Обими руками он схватил повязки из лейкопластыря и попытался сорвать их. — Подойди сюда, посмотри на дыры, которые ты проделал во мне, и скажи, доволен ли ты своей работой...

У Хинтца не было сил сорвать повязки. Тяжело дыша, он упал на подушки. Китинг снова укрыл его и попытался успокоить.

Профсоюзный босс сказал, холодно улыбаясь:

— Разве вы не замечаете, что этот человек говорит в бреду? А теперь я требую, чтобы к дальнейшим беседам был привлечен мой адвокат.

Билл Китинг снова выпрямился.

— Это уже излишне, мистер Данн. Мы подходим к концу. Я арестовываю вас за убийство Антони Хинтца.

— Убийство? Становится все забавнее. Человек еще живет, а вы хотите мне приписать... — Джонни Данн не договорил. Взгляд на постель заставил его замолчать.

Антони Хинтц был мертв.

Когда полицейский надевал Джонни Данну наручники, Китинг саркастически заметил:

— Вам не повезло, Данн. Анди умер на полчаса позже, чем надо. Теперь вам придется поменять уютное председательское кресло на электрический стул!

Прошло еще восемнадцать месяцев, прежде чем Джонни Данн, заместитель председателя нью-йоркского профсоюза докеров, был приговорен к смерти и казнен на электрическом стуле в «Синг-Синг».

Билл Китинг, молодой прокурор, как ни странно, ограничился этой единственной крупной победой в борьбе против бесчинства гангстеров. Он ушел с государственной службы и начал адвокатскую практику. Говорят, что Китинг стал известным адвокатом, защитником крупных гангстерских властителей.

КОВАРСТВО КАССИОПЕИ

орючее кончается, — сказал пилот флагштурману. — Через час будем падать.

И тогда, словно по заказу, в облачном месиве, плотно затянувшем поверхность Ледовитого океана, появилось «окно».

— Земля! — крикнул штурман и откинул с головы капюшон чукотской малицы, чтобы лучше, вернее разглядеть сушу, спасительную сушу, так неожиданно открывшуюся под ними.

— Ледник... — протянул разочарованно пилот. — Ледник. А мы — на колесах...

Флагштурман Михаил Гордиенко пожал плечами:

— Должно быть, это остров Джексона. От него до базы на Рудольфе всего тридцать километров.

— А ты уверен, что это остров Джексона? — спросил штурмана пилот. — Земля Франца-Иосифа насчитывает семьдесят семь островов¹. Мы четыре часа не видели земли.

¹ Дело происходило в 1936 году. Теперь в архипелаге насчитывается сто десять островов.

— Этот — Джексона. Больше мы не увидим земли. База на Рудольфе в тридцати километрах.

— Вот только в какую сторону?

— Вот именно... — протянул штурман.

— Ладно, — сказал пилот. — Снизимся, посмотрим, — и обратился к радисту: — Сообщите, чтобы остальные самолеты следили за нами.

Рисунки Д. ДОМОГАЦКОГО
Сбросив газ, огромный оранжевый четырехмоторный самолет ушел в «окно».

— Видишь, снег не глубокий... Лед-то как блестит.

— Жаль, что мы не на лыжах, — сказал пилот. — Всем уйти в хвост! Немедленно!

Гордиенко понимал, что это необходимая мера. Она преследует две цели: даст самолет «козла» — люди будут своего рода балластом, который может помочь машине вернуться в нормальное положение; случится что-либо похуже — из горького опыта катастроф известно: хвост почти всегда остается целым.

Однако штурман остался рядом с пилотом.

Сделав широкий круг, самолет зашел на посадку и низко пошел над темными трещинами ледников.

— Тяни! Тяни! — послышался над ухом пилота голос штурмана. — Там, впереди, ровно! И трещин нет!

— Ты не в хвосте? — удивился пилот. Но тут он «перетянул» последнюю трещину, и разговаривать стало некогда. Машина мягко коснулась земли, вернее, льда и покатилась, поднимая тучи снега. Вдруг сильный толчок потряс самолет. Машина, задирая хвост, стала падать на нос, но лишь качнулась и приняла нормальное положение.

Несколько секунд в самолете стояло молчание, так характерное для вынужденной посадки. Его нарушил пилот:

— Сообщите самолетам, чтобы пока кружили над нами. Осмотрим площадку, выложим знаки.

Утопая в сугробах, экипаж быстро наметил полосу для приема двух других самолетов, которые кружились над ними. Вот сели и они.

Командир второй машины, сухопарый, с тонким орлиным носом, опытный полярный ас Фарих, с трудом добрался до первой машины и сказал:

— Поздравляю! Здесь и зазимует. С такого аэродрома нашим машинам не взлететь. Штурманы, где сидим?

В середине тридцатых годов, когда советские авиаторы начали осваивать Арктику, не было еще ни радиолокаторов, ни радиоконпасов, ни радиопеленгаторов. Самым надежным инструментом для определения местонахождения был секстант, прибор, которым пользовались еще мореходы времен Колумба и Магеллана.

Михаил Гордиенко смущенно ответил за всех навигаторов: — Сейчас сумерки. Вот ночь настанет. Увидим звезды. Уж тогда точно сориентируемся. Не волнуйся, Фарих. У нас прекрасный астроном. Коли нам не веришь, то уж он-то не подведет.

Но Фарих продолжал ворчать:

— Знаю я шуточки Арктики. Сядешь на час — живешь неделю. Надо устраиваться основательно. Конечно, у нас все есть. Продуктов достаточно, и одежда, и лагерное снаряжение. Но главная-то наша задача: искать самолет Леваневского. И тем не менее я настаиваю — устраиваться основательно.

Предложение было принято. Вскоре в темноте, у палаток, засветились огни примусов. В чистом морозном воздухе запахло едой, остро ипряно, как пахнет лишь на севере да в высокогорье. Причем запахи не сливались, каждый существовал отдельно: запах мяса и запах лаврового листа, запах перца и кофе.

С аппетитом поужинали и стали терпеливо поглядывать на небо, ожидая, что ночью должно развиднеться.

Астроном Шавров, человек очень опытный — моряк с двадцатилетним стажем, — неторопливо, с достоинством устанавливал сложный прибор, именуемый астрономическим теодолитом. Штурманы с секстантами в руках выглядели рядом с ним первоклашками.

Посверкивая линзами, сияя медными шкивами, штифтиками, солидный и отрешенный, теодолит напоминал статую языческого божества. А Шавров, обращавшийся с прибором очень осторожно, даже почтительно, словно жрец, усиливал впечатление, производимое столь редким в те времена инструментом.

Наконец прибор был готов.

— Уберите вы ваши секстанты, братцы. Ими же только орехи колоть хорошо — тяжелые. Мой прибор позволит определиться с точностью до двухсот метров, — подмигнув, шуточно сказал Шавров.

— Подумаешь! — не уступали штурманы. — Не велика беда, что наши секстанты дают точность до пяти километров, зато через полчаса. А с вашей точностью дай бог к утру получить результаты.

Однако, отшучиваясь, штурманы смотрели на прибор с почтительностью.

— Техника решает все, — сказал Шавров.

Настроение было хорошее. После посадки экипажи сверили записи в бортовых журналах: получилось, что сели где-то совсем рядом с островом Рудольфа.

Наконец развиднелось.

Шавров, словно верховный жрец с божеством-теодолитом в руках, вышел из палатки первым. За ним почтительной свитой двинулись штурманы. У выхода навигаторов ждали добровольные помощники, которым были вручены секундомеры.

Непривычно огромные и необыкновенно яркие звезды повили надо льдами. И штурманы и астроном были в Арктике впервые, и их поразила картина звездного неба. Она очень четка, какой не бывает даже на юге в самые темные ночи. Звезды почти не мерцали, горели ровным огнем, будто наблюдатели находились в космическом пространстве.

— Будем определяться по Полярной звезде в паре с Альфой созвездия Кассиопеи. Они расположены очень удачно, почти под девяносто градусов. Это и вам позволит быстро определиться и мне облегчит расчеты, — сказал Шавров.

Навигаторам предстояло определить высоты звезд над истинным горизонтом и в момент измерения засечь время. Имея и то и другое, штурманам оставалось найти в «Астрономическом ежегоднике» названия выбранных ими звезд и по эфемеридам, или координатам, этих светил рассчитать свое местонахождение.

Послышались команды:

— По Полярной... время!

— По Кассиопее... время!

И снова и снова.

Бортмеханики почтительно сбились в кучку у края импровизированной астрономической площадки.

— Ишь, нашли какую-то «Касалапопею», — подмигнув приятелям, проговорил Кекушев, бортмеханик самолета Фариха. — Плохо это кончится. Никогда о такой звезде не слыхивал.

— Серость ты механическая! — спокойно ответил сосед, слитком увлеченный наблюдением за астрономом, чтобы разобраться в тоне Кекушева. — Вон, видишь, пять звезд в виде буквы «З», положенной на спину...

— Вот эта? Красавица! — восхитился Кекушев и хлопал своего помощника Терентьева по плечу. — А знаешь, Валентин, завтра утром мы окажемся на Новой Земле.

— Не удивлюсь, — поддержал Терентьев своего начальника. — В таком сером месиве шли от самого мыса Желания, что не удивительно оказаться и на Новой. Как штурманы вообще землю нашли. И солнца нет и компасы магнитные — один показывает, может быть, и на север, а другой определенно цену на дрова в бухте Тихой.

Покуда бортмеханики иронизировали по поводу искусства навигаторов, те, взяв высоты звезд, удалились в палатку.

Первым закончил расчеты флагштурман Гордиенко.

Командиры кораблей внимательно следили за тем, как он проводил линии астрономических положений на полетной карте. Линии пересекались в центре острова Рудольфа.

— Что? — воскликнули пилоты. — Сели на Рудольфа? Миша, закрой свою гастрономию! Где жилье?

Гордиенко и сам с удивлением взирал на результаты своих расчетов.

— Что ж, напугал. Подождем результатов других штурманов. А я пойду еще раз измерю. — И флагштурман, не скрывая смущения, вышел из палатки.

Фарих сказал:

— Надо ждать результатов измерений астронома. У него хотя и медленнее, но абсолютно точно.

У двух других штурманов результат оказался таков: местонахождение — остров Джексона, тридцать километров южнее острова Рудольфа.

— Похоже, — заметил второй пилот Фариха, молчаливый Эндель Пуссеп. — Но вообще, — он оглядел сидевших за столом летчиков, — мне эти места удивительно напоминают Рудольф. Вот только ни огонька.

— В этом-то и дело. Федот, да не тот.

Пилоты посмеивались, глядя на Пуссеп.

Вошел Гордиенко, пожал плечами:

— Тот же результат!

— Как вы рассчитываете? — поинтересовались штурманы.

— У меня свои таблицы, составленные Федоровым — астрономом первой дрейфующей станции.

— Весь мир считается с «Астрономическим ежегодником», а у вас свои таблицы. Хорош флагштурман!

Фарих обнял навигатора за плечи.

— Иди, Миша, отдохни. Завтра проверишь. Ты здорово устал.

— Да, да, надо отоспаться, — смиренно согласился Гордиенко. — Видно, сбило у секстанта призму при посадке. Отсюда так упорно идет ошибка.

Забрались в спальные мешки, но не спали. Ждали результатов расчетов Шаврова. Он сказал:

— Сидим на северной части острова Джексона. В тридцати километрах от места своего назначения. Это абсолютно точно. До двухсот метров.

* * *

Утро пришло серым, пуржистым.

Устроившись в палатках позкипажно, люди занимались своими делами. Дежурные заботились о питании. Остальные играли в домино, читали. Но стоило завязаться разговору, как он неизменно сворачивал к их довольно невеселому положению.

Стоял конец октября. В этих широтах устанавливалась прочная полярная ночь: беспросветная, пуржливая, морозная. Только чудо могло помочь колесной машине взлететь в таких условиях. О каком взлете могла идти речь, когда, чтоб не сбиться с пути, от машины к машине специально понатыкали черных флажков?

Прошел день, еще, еще и еще...

Палатки обложили кирпичами из плотного снега. Ветер выдувал тепло.

И небо постоянно было затянуто тяжелыми облаками.

Регулярная связь с Тихой и Рудольфом поддерживала неизменную надежду, что не нынче, так завтра будет ясная погода, им помогут выбраться из ловушки и они тоже включатся в поиски самолета Леваневского.

Пряснело наконец.

Где-то невероятно далеко на юге, так далеко, что, может быть, это только казалось, тлела заря. На севере ярко светили звезды.

Под моторами всех машин дружно шумели подогревные лампы.

Вооружившись лопатами, экипажи откапывали огромные колеса.

Первым пошел на взлет самолет Фариха. Моторы были на полных оборотах. В первые мгновения казалось, что самолет набирает скорость. Но, не пройдя и пятидесяти метров, машина намертво завязала в сугробе.

И все-таки решили пробить в снегу взлетную дорожку хоть для одного самолета. Бились целый день. Но вечером поднялся ветер. К утру на месте пробитой траншеи была снежная целина.

Время коротали хождением в гости друг к другу. Много читали.

Стоило появиться звездам, как навигаторы и астроном снова и снова принимались уточнять местоположение.

Линии проходили у Джексона.

Однажды на помойке заметили голубых песцов. Решили ловить. Они улизнули. Единственным утешением было, что видели каких-то очень больших песцов, гораздо больше, чем тундровые.

Машины настолько засыпало снегом, что они походили на снежные горы.

В одну из светлых ночей поднялась небывалая тревога.

К юго-западу низко-низко над горизонтом двигалась какая-то зеленая звездочка.

Пока вызывали астронома, звездочку скрыл туман.

Астроном очень серьезно выслушал очевидцев. Долго думал. Потом сказал, что, должно быть, был болид — род крупного метеора.

Каждое утро поднимались очень рано. Откапывали входы в жилье, откапывали самолеты, пробивали дорожки между снежными домами. Экипаж Фариха принялся за постройку просторного ледяного зала — своего рода кают-компаний.

Как-то к Фариху, дежурившему по кухне и мывшему посуду после еды, пришли бортмеханик Кекушев и его помощник Терентьев.

— Разрешите нам, Фабиан Брунович, отправиться пешком на Рудольф. Дойдем.

— Ни в коем случае. Темнота. Трещины. Медведи. Заблудитесь. Вот-вот будет погода, с Тихой прилетят Мазурук с Аккуратовым — вывезут.

Кекушев вздохнул:

— Фабиан Брунович, да мы на Рудольфе сидим. Километрах в десяти от базы...

Фарих сначала вытаращил глаза, потом сощурил их и двинулся на Кекушева с Терентьевым.

— Вы что, — взъярился Фарих, — разыграть меня задумали, как всех часами с кукушкой? А?

Кекушев с Терентьевым едва успели ретироваться с кухни. Что касается Фариха, то он еще долго гремел алюминиевыми тарелками и кричал, что он не из таких, кого можно так легко купить. Он в Арктике не мальчик. Знает, почему фунт лиха, и на авантюру не пойдет.

Дело было в том, что старейший полярный бортмеханик Николай Кекушев по совместительству считался крупнейшим полярным мастером крупного розыгрыша. Так, пролетая однажды по трассе Главсевморпути, он на каждой станции рассказывал, что Первый госчасовой завод в Москве приступил к выпуску оригинальных настенных часов с «кукушкой». Только вместо цифр на циферблате — портреты первых двенадцати Героев Советского Союза. Первый час — Ляпидевский, второй — Водопьянов и так далее, а двенадцатый час — Отто Юльевич Шмидт. И когда наступает двенадцать, то в раскрытое окно часов выглядывает голова самого Шмидта.

Рассказано это было настолько тонко, что общественные организации всей Арктики начали слать по радио массовые заказы в Москву на высылку таких часов для премирования передовиков...

Фарих продолжал греметь посудой. Кекушев и Терентьев стояли за палаткой. Бортмеханик никак не мог решиться уйти, отказаться от своей идеи, что они находятся на острове Рудольфа, рядом с базой. Очертания гор, характер льда, вся обстановка подсказывали Кекушеву, что это так, никак иначе. И он в душе удивлялся своему начальнику, опытному арктическому пилоту, у которого в этот раз словно пелена была на глазах.

«Ну разыграл когда-то. Было, — думал Кекушев. — Но сейчас-то не до того. Кончатся продукты... Надо предпринимать что-то решительное. А Фарих... Рассуждать мне легко, а Фарих отвечает за всех и за все... Да, дело здесь не только в боязни, что я его разыграю. И настаивать бесполезно. Гордиенку, тот тоже пытался спорить, но перед ним теперь молча кладут «Астрономический ежегодник». И он замолкает».

Кекушев пошел прочь от палатки.

* * *

Все возлагали надежду на прилет машины из бухты Тихой. Но пурга сменялась густыми туманами.

На месте вынужденной посадки было мертво. Только дымки — и всего-то три — говорили, что тут теплится жизнь.

Как-то вечером Фарих вел очередной разговор с базой на Рудольфе.

К микрофону подошел руководитель поисков самолета Леваневского, начальник полярной авиации Марк Иванович Шевелев:

- Как дела, Фабиан Брунович?
- Да как и вчера, когда разговаривали, как неделю назад...
- Продукты кончаются...
- Кончаются, Марк Иванович.
- Не горюйте!
- Держимся...
- Вы где-то совсем рядом. Все время отличная слышимость, как на полигоне.
- Мы рядом, Марк Иванович, на острове Джексона.
- Подожди, подожди, Фарих... Есть идея!
- Слушаю, Марк Иванович.
- Завтра, если будет ясная погода, мы зажжем на куполе Рудольфа прожектор. Он в миллион свечей. Его и за восемьдесят километров можно увидеть. Следите за его вспышками. Засеките азимут луча. И мы прилетим.
- Гора с плеч, Марк Иванович! Коли увидим...
- Увидите, увидите, Фабиан Брунович!
- Меня эти приборы да споры штурманов скоро с ума сведут.
- Следите за вспышками. О времени договоримся завтра.

Безоблачная ночь выдалась только через неделю. По радио было назначено время, когда вспыхнет прожектор.

Все столпились на леднике и уставились на север, где должен был находиться остров Рудольфа.

Назначенное время настало. Но вокруг стояла тьма полярной ночи. Ни проблеска.

Фарих обернулся к Кекушеву:

— Беги к радисту, скажи — ничего не видно. Или они запаздывают?

Ослепительный фиолетовый луч ударил в глаза Фариха. Он инстинктивно закрыл лицо руками. Словно от ожога подскочили остальные и обернулись.

Прищуриваясь, прикрывая ладонями лица, люди прыгали от радости.

— Видим! Видим! — орал в микрофон радист.

Часа через два у лагеря появились на тракторе инженер Владимир Гутовский и врач экспедиции.

Радость вызволения заставила всех на некоторое время забыть о просчетах штурманов и астронома, о том, как провела их суровая Арктика, как коварно поступила с навигаторами Альфа Кассиопеи.

На разгадку понадобилось очень много времени. А пока выяснилось, что песцы, которые бродили у лагерной помойки, — это собаки с базы на Рудольфе; «болид» оказался бортовым огнем парохода «Русанов», который привез продукты на зимовку.

А тайна коварства Кассиопеи? Это был не легкий орешек.

Начнем с того, что видимое нами положение звезд — отнюдь не истинное. Оно искажено под влиянием рефракции — преломления светового луча при его вхождении в среду с иной плотностью. То же происходит, когда мы смотрим на ложку в стакане с водой. Она будто сломана. Это тоже явление рефракции.

Чем плотнее среда, в которую входит луч света, тем это явление значительнее.

Под влиянием меняющейся температуры плотность слоев воздуха тоже меняется. Это вызывает существенные отклонения в преломлении света, идущего от звезд.

Так оно и получилось. Ошибка, которую допустили астроном и навигаторы, составляет примерно пятнадцать дуговых минут. Луч прожектора подтвердил правильность расчетов Федорова.

Коварство полярных звезд разгадано. Но в Арктике коварны не только звезды. Я, признаться, не помню такого полета в высокие широты, когда бы белое безмолвие не задавало мне очередной загадки.

КАК

МЫ

БЫЛИ

В июньские дни сорок пятого года мы пытались найти тайную базу фашистского подводного флота, расположенную на одном из островов Земли Франца-Иосифа. Известно было ее название — «Кладонскатель». Отсюда гитлеровские пираты еще недавно нападали на караваны судов, шедшие Северным морским путем.

Враги не только отлично замаскировали свою базу, но и отменно хитрили. Они ни разу не напали на нашу метеостанцию в бухте Тихой, хотя она находилась километрах

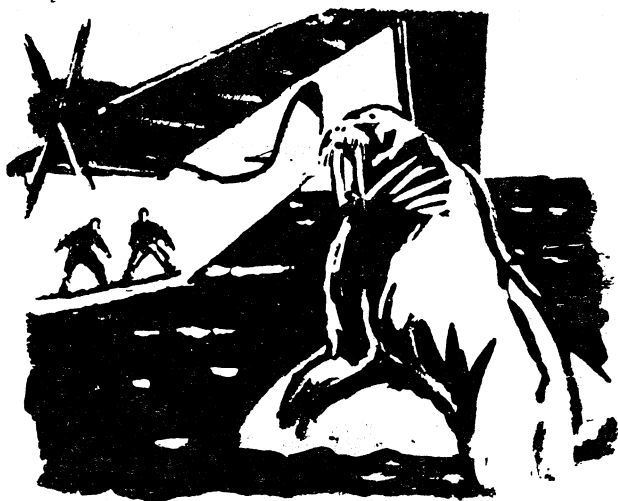
в семидесяти от их логова. Но тогда мы этого еще не знали и рыскали по всему архипелагу в поисках каких-либо следов.

Это была первая послевоенная навигация. Мы, полярные летчики, после долгого перерыва вернулись к мирным делам и радовались, как мальчишки.

Утром кто-то из «стариков», прилетавших, когда мы спали, появился в столовой и, увидев нас с Черевичным, припомнил:

— А, колумбы! Что вам база подводного флота? Снова, наверное, ищите свои острова, которые затерялись?

— Они не затерялись, — очень серьезно ответил Черевичный. — Просто у нас не было возможности отыскать их еще раз.

КОЛУМБАМИ

— Да не было островов! — «старик» незаметно подмигнул мне. — Ни «Запятой Черевичного», ни «Малого Чечина». Припорошило льдину песочком, когда еще стояла у берега, и все.

Предупрежденный подмигиванием, я должен был молчать или поддерживать «старика», но нервы мои не выдержали:

— Были острова! Они и сейчас есть!

Обиженный нарушением «правил» розыгрыша, «старик» заговорил всерьез:

— Э! Скольким верили на слово! А где они, эти земли Санникова, Макарова, Джиллиса? Вы сами их закрывали. Сами ставили на картах красные кресты. Может, я ошибаюсь?

Мы промолчали. Сказанное было правдой.

— Но ведь вы закрыли и остров Леди Гармсуорт. А он был нанесен даже на карты английского Адмиралтейства не как гипотетическая, а как настоящая земля. Или вы считаете, что первооткрыватель этого острова, Джексон, просто выдумал клочок суши?

Отбросив вилку, Черевичный полез в планшет и, порывшись в нем, достал аэрофотоснимок.

— Фотографию видели все, а вот острова, кроме вас, никто, — не унимался «старик».

Мы поднялись из-за стола накупленные, побрели к машине и ушли на поиски «Кладоискателя».

Нас прижало облаками к океану. Но под тучами видимость была отличной, до десяти километров. И в тот день, пять лет назад, погода стояла точно такая же. Все сегодня словно старалось напомнить нам о том дне, когда мы действительно почувствовали себя немного колумбами.

Это произошло 27 июня 1940 года. Тогда мы шли на «летающей лодке» «СССР-Н-275». Была горячая пора ледовой разведки. В те времена на всей трассе Северного морского пути работало всего три самолета. Экипажам изо дня в день приходилось летать по двенадцать-шестнадцать часов. Все наши заботы были направлены на одно — провозку кораблей.

Шел четырнадцатый час, когда мы заметили необычно большое скопление айсбергов. Заинтересовавшись, решили узнать причину. Пошли почти бредущим полетом надолгами.

Ярко голубели снежницы; купоросно-зеленые проталины, заполненные морской водой, чем-то напоминали лужайки.

Ровно гудели моторы.

— Земля! — закричал Черевичный.

Я только плечами пожал. Решил — розыгрыш.

Тогда Иван Иванович подвернул машину, и мы все увидели довольно большое темнеющее пятно.

Я стал лихорадочно просматривать карту. Разбуди меня ночью и спроси, есть ли в этом районе хоть какой клочок суши, не задумываясь, ответил бы: «Нет!» И все-таки, еще надеясь найти на карте отметку, я сказал:

— Может быть, пятно из песка? Наваяло с берега, когда припой находился еще у земли?..

Не отрывая взгляда от острова, к которому, развернувшись, вновь приближался самолет, Черевичный покачал головой:

— Непохоже. Смотри! Вот крутые берега... И еще остров рядом. Совсем маленький.

— Точно! — подтвердил инженер Виктор Чечин и добавил: — Только уж совсем-совсем маленький!

Раздобрив от собственной щедрости, Черевичный сказал: — Ну, Виктор, если это действительно твердая земля, отныне остров будет называться «Чечин».

— Если только «Малый Чечин», то согласен, — улыбнулся инженер. — А большой — это и не остров, а клякса какая-то, запятая... Сколько видел земель, а такой — никогда.

Мы подлетели ближе. Под нами лежал остров странной формы, с тундровой поверхностью. Над ним кружились стаи кайр и чаек. Вытянутая с севера на юг земля была окружена разрушающимся ледовым припаем, а на берегах его валялся выброшенный океаном плавник. От крутых глинистых берегов тянулись песчаные косы, изрезанные ручьями, которые стекали в море.

Никаких следов пребывания человека видно не было.

Сделав два круга, мы произвели фотосъемку острова перспективной фотокамерой, потом взяли курс на ближайшую известную землю — мыс Розы Люксембург. По нашим расчетам, он находился в сорока километрах к юго-юго-западу.

После первых радостных восклицаний в самолете стало тихо. И аэрофотосъемку проводили в молчании. Наверное, потому, что были просто счастливы.

Через минуту остров, открытый нами, исчез среди льдов.

— Земля, а? Как ты думаешь, Валентин? — нарушил молчание Черевичный. — Настоящая земля?

— Вне всякого сомнения!

— Так чего же не радуешься? Ведь это новый открытый остров! И не один, а с довеском!

— А я вот не радуюсь, Ваня. Не уверен в нашем местонахождении. Виляли, виляли на бреющем... Попробуй разберись теперь в наших координатах!

Карта была испещрена курсами многочисленных галсов, которые образовали такую сумятицу, что без солнца не разберешься. А нам надо было все время идти, не меняя курса, и этим курсом, как пеленгом, привязать вновь открытую землю к известной.

— Выскочим сейчас к мысу, — успокаивал меня Черевичный, — и все станет ясным.

Голос Чечина пробасил в наушниках:

— Конечно, все ясно! Запятая поставлена. Да еще какая! Чего тут гадать? Такую землю не потеряешь! — Он рассмеялся. — Только вот островок-то мой маловат. Вы уж следующий раз побольше землицу для меня подыщите. Чтобы «Большим Чечином» назвать...

И тут же его резкий свист — знак тревоги — резанул уши.

— Смотрите, впереди туман. А за ним, должно быть, и Северная Земля, мыс...

— Вижу, — отозвался Черевичный. — Чертова погодка! — Он вопрошающе посмотрел на меня. — Вверх?

Я махнул рукой:

— Какой может быть выбор?

Он хитро улыбнулся.

— А острова? Как ты определишь их координаты без привязки к Северной Земле?

— А кто сообщит об открытии запятой, если мы поставим точку лобовым ударом о ледник Северной? — ответил я.

Самолет, резко задрвав нос, начал набор высоты. Через полминуты мы вошли в облака и долго пробивались к солнцу. Увидели его только на высоте трех тысяч метров. Под нами простиралась белая пелена сплошной облачности и где-то там, под ней, зубцы ледников Северной Земли. Если судить по показаниям секстанта.

В те времена других, более точных методов определения местонахождения не было.

Взятая линия наложения прошла по меридиану, подтвердив наши предварительные расчеты: острова, открытые нами, располагались в сорока километрах от мыса Розы Люксембург.

— Северная Земля? — торопил меня Черевичный.

— Почта под нами.

— Так, значит, долгота известна. А широта?

— Можно только предполагать — к северо-востоку от мыса Розы Люксембург.

— Эх, нам бы сейчас радиомаяк или радиопеленгатор!..

Я ответил, что и вторую линию — пеленг можно взять по солнцу. Подождать два часа, когда оно уйдет градусов на тридцать, и все в порядке.

— Что? — воскликнул командир корабля. — Кружиться на месте два часа! Нет, товарищи Колумбы, давайте курс на базу!

С грустью посмотрел я в иллюминатор, где под облаками совсем неподалеку лежали наши острова.

Пока мы пробивали облачность, машина крепко обледенела. Серые налеты легли на крылья. Теперь в лучах солнца самолет оттаивал. Встречные потоки ветра отслаивали корку, и она с шелестом сползала с крыльев, фюзеляжа и лопастей.

Морские караваны ждали наших донесений по ледовой разведке. Я сел за материал. Ведь тогда мы не имели на борту гидрологов и все данные составляли сами.

Да, это было пять лет назад...

— Валентин! — голос Черевичного вернул меня к действительности. — Земля Александры?

Я посмотрел на часы, на карту с маршрутом, потом вниз и увидел характерные очертания острова. Мы вышли к южной его оконечности. Яркое светило солнце. Разбитый припой сверкал изумрудной лентой вдоль берега.

— Да, Земля Александры, — подтвердил я.

— Повезло, — сказал Черевичный, имея в виду погоду. В прошлые наши разведки то шел снег, то туман заволакивал половину острова, то над землей висели низкие тучи. Очертания скал и снежных обрывов скрадывались, смазывались.

— Точно, — согласился я. — Если мы и найдем «Кладонскатель», то сегодня.

— Вряд ли мы еще застанем такую погоду в другой раз, — подтвердил инженер-механик Чечин.

На борту «летающей лодки», вышедшей на поиски «Кладонскателя», собрались те же люди, что когда-то открыли два новых острова. Лишь радист был новый — Герман Патарушин.

— Начнем с южной стороны, — сказал Черевичный. — Там солнце как раз бьет в скалы. Каждый закоулок просматривается.

Мы поднялись на высоту ста метров и двинулись вдоль береговой линии. Я остался в кабине пилотов, чтобы оттуда наблюдать за берегом, а Чечин и Патарушин расположились в блистерах.

Под крылом «летающей лодки» потянулись однообразные скалистые берега Земли Александры. Мириады птиц поднимались в воздух при нашем приближении, чтобы, совершив огромный крюк в сторону моря, вновь устроиться на своих обиталищах.

Изрезанный ледниками, пестрый берег виделся как на ладони. Мы залетали в каждый мало-мальски подозрительный заливчик, подолгу кружились над ним, высматривая следы человека. С высоты такие вещи чрезвычайно заметны. В полярном однообразии пейзажа любой предмет виден отчетливо: будь то бочка из-под горючего, пустой ящик из-под консервов, случайно забытый или выброшенный морем. Все могло сейчас стать уликой.

Прошел час, другой.

Мы осмотрели южную часть острова, стали продвигаться к западной.

И тут случилось неожиданное.

До сего времени ученые, занимающиеся проблемой авиационных масел, не могут разгадать секрета одного пренеприятного явления: почему иногда при самых различных обстоятельствах масло начинает пениться?

Нам тогда тем более было не до решения этой научной проблемы. Кругом льды и скалы. Ни клочка воды. А «летающей лодке», как известно, для посадки совершенно необходима чистая, свободная вода. В северных морях это вещь редкая даже в середине полярного лета.

— Тяни к северу! — крикнул я Черевичному.

— Откуда там вода?

— У северной части острова она почти всегда бывает чистой. По закону течений в Ледовитом океане.

Черевичный не очень громко послал подальше все законы, по которым пенится масло, а чистая вода оказывается на севере.

С превеликим трудом, только, пожалуй, благодаря опыту Черевичного и его отличному знанию всех повадок машины, нам удалось перевалить скалы и выйти к северной оконечности острова.

Там действительно оказалась чистая вода, и мы, уже не особенно разбираясь, буквально плюхнулись в нее.

Некоторое время все молчали. Потом Черевичный стянул шлем и, вытерев пот со лба, заметил:

— Обожаю хорошие законы!

«Лодка» стояла спокойно, словно и не в воде вовсе, а на твердой земле. Ветра почти не было.

Чечин принялся менять масло в моторах. Он то и дело шастал из отсека на крылья и обратно. Дело в том, что масло, которое иногда как бы сходит с ума и пенится, отстоявшись, «успокаивается» и может вести себя вполне прилично сколько угодно времени. А смазочными материалами мы сразу после войны были не особенно богаты и сэкономили каждый грамм.

В одну из таких прогулок Чечина — едва он вышел из салона (мы еще слышали, как он ступает по «жабрам») — послышался его дикий вскрик. Первое, что пришло в голову: на Чечина напал фашистский водолаз, подобранный к самолету. Мы выхватили пистолеты, подскочили к двери — нет Чечина. По воде около самолета идут круги.

— Неужели утонул? — всполошился Герман Патарушин.

— Тут я, братцы... — послышался голос Чечина.

Мы вышли на «жабры». Чечин с канистрой в руках стоял на верху «летающей лодки». Как он туда взлетел по совершенно гладкой обшивке, не знаю. Это до сих пор остается его личной тайной.

— Чего ты? — удивился Черевичный.

— М-морж...

— Ну?

— Я уж потом сообразил, что он морж. Он как выскочит из воды и прямо мордой в меня!

— Спускайся теперь.

— Помогите.

Едва мы помогли Чечину спуститься, как из воды около самолета высунули морды десятка два моржей. Клыкастые, шумно дышащие, они, как поплавки, выныривали из моря, тарасили на нас свои круглые темные глаза, сердито шевелили усами.

Мы пошутили над Чечиным и стали помогать ему менять масло.

Моржей тем временем все прибывало. Очевидно, пользуясь тем, что мы не нападаем, они решили как можно ближе ознакомиться с конструкцией самолета. Один, наиболее любопытный, оказался у самой машины и время от времени очень высоко подпрыгивал из воды, стараясь, очевидно, зацепиться клыком за «жабры» «летающей лодки». Это было уже совсем ни к чему. Повредить «жабру», вырвать ее из обшивки своим полутонным весом старый морж мог запросто.

Черевичный попытался его отогнать, но он лишь на несколько секунд прятался под воду, а потом вновь принимался за свое.

— Что это с ними? — спросил удивленный Патарушин.

— Чечина учуяли. Свояки, видать, — отщутился Черевичный.

Патарушин обратился ко мне. Я ему объяснил, что в период гона, когда моржи заводят себе гарем, они очень агрессивны. Тут один из моржей стал играть у поплавок, которым крыло «летающей лодки» опиралось на воду. Он то обхватывал его ластом, то пытался зацепиться за поплавок клыком. Самолет стал сильно раскачиваться. Но самое опасное было в том, что морж мог легко проткнуть поплавок. Тот наполнился бы водой, затонул, и мы оказались бы на настоящем якоре. С затопленным поплавком не взлетишь.

Вот тогда я, на удивление собравшимся, повторил африканский эксперимент Муслаева. Ведра бензина оказалось достаточно, чтобы назойливые хозяева оставили нас, гостей, в покое.

Избавившись от нахальных моржей и сменив масло, мы взлетели. И тут, осматривая побережье, обратили внимание на очень удобную бухту, которая выходила к чистой воде. Долго кружили над ней, но с воздуха нам так и не удалось заметить что-либо подозрительное. Однако, вернувшись на базу, мы доложили командованию о своих наблюдениях.

Примерно через неделю нас срочной телеграммой вызвали к северной оконечности Земли Александры. Добрались туда скоро и увидели в знакомой полынье военный корабль. Он стоял на якоре у берега. Приводнившись около, мы сошли на землю.

Моряки показали нам бывшую фашистскую базу подводных лодок, которая действительно находилась в этой бухте. В домах, накрытых маскировочными сетками, где размещался персонал базы, царил полный беспорядок. Видимо, обитатели покинули базу впопыхах. На стульях и стенах висели мундиры с регалиями, на столах — недоеденные обеды, оружие, документы.

Так был найден «Кладонскатель».

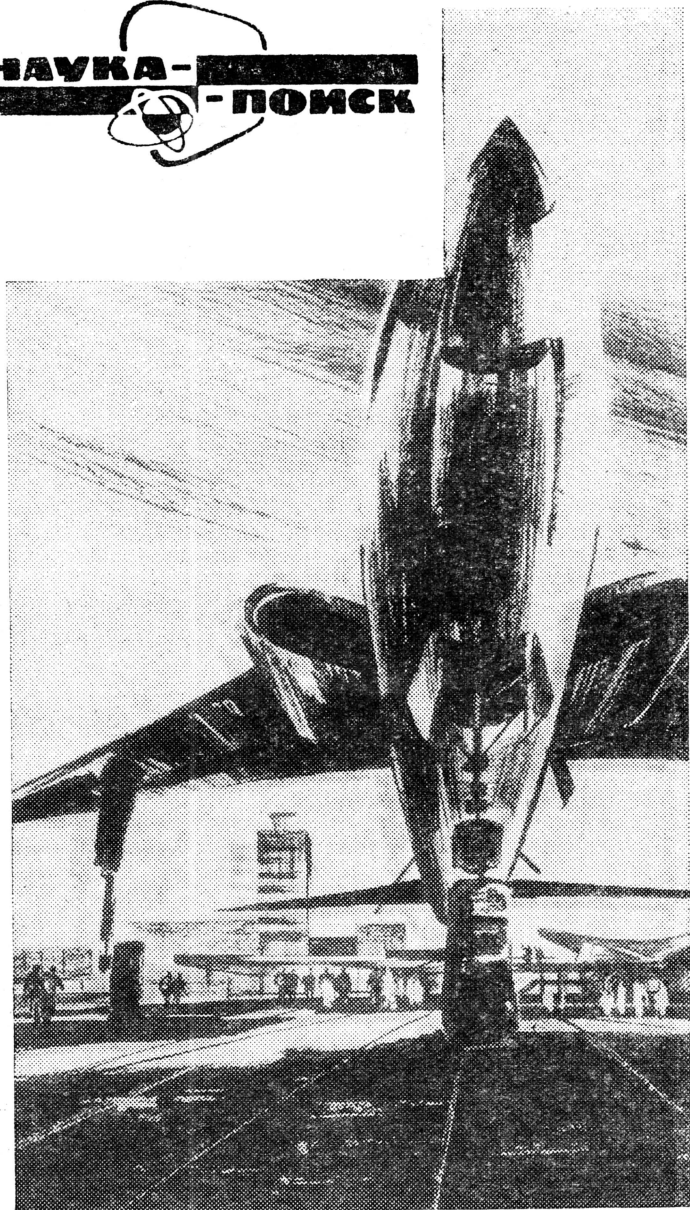
А острова, которые мы открыли? Они по-прежнему загадка. Больше их никто не видел.

Возможно, они лежат под глубоким покровом снегов. С той поры не было еще такого жаркого полярного лета, какое стояло в сороковом году.

Мы, те, кто эти острова видел, твердо уверены, что открытая земля настоящая.

**Литературная запись
К. НИКОЛАЕВА**

НАУКА -
- ПОИСК

ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ, БЫСТРЕЕ...

*«Земля лучше всех книг учит
нас познавать самих себя.
Потому что она
сопротивляется нам...»
Антуан
де Сент-Экзюпери*

Когда семьдесят тонн сверкающего металла сегодня проносятся у границ стратосферы — это не кажется невероятным. Потому что отброшенные назад крылья, вытянутый фюзеляж и едва выступающие гондолы двигателей — словом, все то, что связано с понятием «современный самолет», — гармонично вписывается в пейзаж заоблачной синевы. Но лишь немногим по-настоящему известно, какой бездной труда, таланта, смелости и упорства оплачено это совершенство. Каждая поднимающаяся в воздух машина венчает собой не только опыт создавших ее конструкторов — за нею вся история авиации. И не только авиации...

«Per aspera ad astra» — «Сквозь тернии к звездам». Это знаменитое изречение Сенеки стало девизом, под которым проходит история авиации: «Через барьеры — к совершенству». Каждый раз, когда человек пытался подняться выше, полететь дальше и быстрее, перед ним неизменно возникали препятствия. Только за последние годы — с тех пор как «статистика» барьеров приобрела официальный характер — авиация взяла барьер «звуковой», начала штурм «теплого барьера» и натолкнулась на барьер «шумовой». А впереди уже вырастают призрачные черты нового барьера — «химического». И все это барьеры, которые «существуют не столько в самой природе, сколько в наших знаниях».

Эти слова принадлежат известному советскому ученому, создателю целой серии сверхтяжелых реактивных самолетов, генеральному конструктору Владимиру Михайловичу Мясищеву. С его помощью и родились эти короткие очерки об авиации и ее науке, об их завтрашнем дне и победах человека. Победах, рождающих знания...

ЧЕРЕЗ БАРЬЕР НЕВЕРИЯ

Сначала было дерево и полотно. Фанеры и моторы от мотоциклов. И совсем не было опыта, если не считать пришедшего с легендой предостережения: нельзя сооружать крылья из перьев и воска — это стоило жизни Икару. Но, главное, была вера в, казалось бы, невозможное — полет.

Для тех, кто на первых «коробках» пытался прорваться в небо, никогда не существовало вопроса, нужен ли самолет. Это было бесспорно. Им предстояло дать ответ, каким он должен быть. Но пока полет с благополучным концом был слепым подарком удачи, и ответ мог быть только одним: самолет должен надежно держаться в воздухе.

Как первая веялка доказала свою способность веять без помощи ветра, пароход — плыть без весел и парусов, а автомобиль — двигаться без помощи «живых» лошадиных сил, так и самолету предстояло доказать способность машин тяжелее воздуха держаться в воздухе. Самолет должен летать — таковы скромные требования совершенства тех дней.

Человек «учил» самолет летать. Учил и учился сам. На ошупь, движимый во многом лишь интуицией и смелостью, расплачиваясь за свое незнание тяжелыми жертвами, он открывал свою планету с высоты полета. Он был Колумбом пятого океана, и только случай, неверный случай подчас помогал ему в нелегком единоборстве со стихией.

Сегодня, когда могучие крылья «ТУ-114» без посадки вычерчивают в небе трассы в несколько тысяч километров, трудно поверить, что всего пятьдесят пять лет назад тридцать коротких минут полета человеку дарили... дождь и туман. А ведь именно они помогли французскому летчику и конструктору Луи Блерию совершить знаменитый «прыжок» через Ла-Манш.

Всего тридцать два километра разделяют берега Франции и Англии у входа в Ла-Манш со стороны Па-де-Кале. И дело было не в расстоянии, хотя рекорд дальности полета еще был равен двадцати восьми километрам. Главное — двигатель. Моторы тех лет выходили из строя, проработав едва двадцать минут: из-за малых скоростей полета встречный поток воздуха не справлялся с охлаждением. Из-за перегрева мотора вынужден был сесть на полпути к цели пилот Латам, незадолго до Блерио пытавшийся перелететь Ла-Манш.

Но Блерио повезло: пройдя половину дистанции, его самолет врезался в плотную стену дождя и тумана. Полет осложнился, но холодная влага спасла мотор — он продержался «целых» тридцать три минуты.

Полет Блерио ознаменовал 1909 год, завершивший первый этап развития авиации. Машины тяжелее воздуха утвердили свою победу над цепкими объятиями земного тяготения, а главное — преодолели барьер возможности человека. Самолет может летать — таков был итог этих первых крылатых лет.

Но тем не менее... Случай, удача, везенье и невезенье — пока от них зависел исход полета, нечего было и думать об использовании самолета в каких-либо практических целях, а тем более — как средства пассажирского транспорта.

Предстояло осваивать то, что добыто с таким трудом. Вчера еще борьба за право летать была подобна лихим партизанским набегам — и природа уступила свои наименее защищенные позиции. Но освоить — значит взять «главную крепость». А между тем авиация уже начинала ощущать свой первый кризис: плата за незнание становилась все тяжелее.

В начале 1910 года при попытке увеличить скорость полета на самолетах Блерио погибают пилоты Делгранж и Леблон — их машины разрушились в воздухе. Спустя полгода тяжесть первой утраты переживает Россия — во время авиационного праздника в Петербурге из-за лопнувшей в полете растяжки гибнет военный летчик капитан Лев Мацневич. И почти вслед за ним смерть настигает французского пилота Шавеза — крылья его самолета неожиданно сложились вниз уже в тот момент, когда острые вершины Альп остались позади и пилот спускался в долину.

Внешне все кажется ясным: многие аварии возникают из-за недостаточной прочности самолетов. Но как их сделать прочными, если в точности неизвестно, какие силы действуют на машину в полете? Как создать самолет устойчивым, управляемым? Случайные находки и открытия, догадки и предположения... Их нужно собрать, осмыслить, оценить. Их нужно подчинить единой цели. Все это может сделать только наука. Та самая, что уже родилась. Но которой еще предстояло взять власть в свои руки.

В ТАЙНУ ПОЛЕТА

Летом 1878 года жители окрестностей села Орехово Владимирской губернии были свидетелями необычного зрелища: оседлав неуклюжий велосипед фирмы «Мишо» с огромным передним колесом и подвязав за спину большие красные крылья из прутьев и шелка, по пыльным проселкам разъезжал грузный бородатый человек. Это был «ореховский барин» — выдающийся русский ученый Николай Егорович Жуковский. Наблюдая за насекомыми и птицами, ставя опыты с летающими моделями и в построенных им самим аэродинамических трубах, он упорно пытается проникнуть в тайну полета.

«О парении птиц» — так назывался прочитанный им в январе 1891 года доклад на заседании Московского математического общества. На примере пернатых «небожителей» в этом труде были рассмотрены теоретические основы полета и, в частности, дано описание «мертвой петли», которую спустя двадцать два года первым в мире выполнил русский лётчик Петр Николаевич Нестеров. Но для Жуковского это пока был лишь один из первых шагов к действительному пониманию законов полета.

Как возникает сила, удерживающая бумажный змей в воздухе? Если верить Ньютону, то подъемная сила возникает как результат ударов частичек воздуха о поставленную под углом к потоку преграду. Но почему тогда удерживается в воздухе выгнутая вверх пластинка, хотя частицы должны бы были заставить ее упасть? И снова поиски, наблюдения, опыты. Только пятнадцать лет спустя появляется знаменитый труд Жуковского

«О присоединенных вихрях», открывший миру причины, рождающие на крыле подъемную силу. Ту самую силу, что несет сегодня над землей все наши самолеты, планеры, вертолеты и винтокрылы.

Сейчас пожелтевшие от времени страницы этого труда бережно хранятся в небольшом особняке на улице Радио в Москве. Это мемориальный музей, носящий имя «отца русской авиации». Когда-то в этом здании заседал первый научный совет ЦАГИ — Центрального аэрогидродинамического института, созданного по указанию В. И. Ленина в 1918 году. А в соседней комнате Андрей Николаевич Туполев строил свой первый самолет «АНТ-1». Любопытно, что когда строительство подошло к концу и самолет предстояло извлечь из мастерской, пришлось разрушить одну из стен: уже тогда «масштабы» молодого советского самолетостроения явно перерастали свою «колыбель».

Открытия не только рождают победы, с ними возникают и новые преграды. Так на лабораторном столе появился существующий и поныне грозный враг всего летящего — турбулентность. В те дни, когда о существовании полета знали еще так мало, на это открытие, возможно, никто и не обратил бы внимания, если бы с ним не был связан своего рода научный курьез.

В 1907 году тогда еще молодой профессор Геттингенского университета, а впоследствии знаменитый немецкий ученый Людвиг Прандтль ставит ряд опытов по аэродинамике. И одновременно с ним во Франции аналогичными исследованиями занимается Александр Эйфель, успевший к тому времени обесмертить свое имя знаменитой трехсотметровой стальной башней в Париже. Оба экспериментатора изучают обтекание шара воздушным потоком и после завершения опытов, естественно, сравнивают результаты. И здесь, к их общему ужасу, выясняется непредвиденное — полученные результаты резко отличаются друг от друга: у одного коэффициент лобового сопротивления шара получился в три раза больше, чем у другого.

Любители научных скандалов уже предвкушали наслаждение от длительного спора между учеными, но, к их глубокому сожалению, перепалка не состоялась. Оказалось, что причина этого казуса уже давно известна. Ее открыл известный английский физик Осборн Рейнольдс.

В 1883 году Рейнольдс наблюдает течение жидкостей в трубах и выясняет, что оно может быть двух видов: слоистое, плавное, которое ученый назвал ламинарным (в буквальном переводе это означает «в полоску»), и бурное, вихревое, получившее название турбулентного. Тогда же он устанавливает и тот факт, что при определенных скоростях ламинарное течение может превращаться в турбулентное, при этом резко возрастает сопротивление трения: чтобы протолкнуть жидкость по трубе, приходится затрачивать большие усилия. Этими-то «капризами» потока и объяснялась разница в опытах Прандтля и Эйфеля. Там, где коэффициент лобового сопротивления получился больше, шар обтекался турбулентным потоком.

«Чрезвычайное происшествие» с шаром показало, что турбулентность присуща не только течению жидкостей, но и воздушному потоку. А раз так, значит полету самолета, ракеты, вертолета и даже планера. На примере парителя и познакомился

с «сюрпризами» турбулентности наш известный авиаконструктор и большой поклонник планерного спорта Олег Константинович Антонов.

Летом двадцать седьмого года Антонов вместе с группой товарищей закончил постройку легкого планера собственной конструкции. В соответствии с традициями тех лет планер был назван инициалами автора — «ОКА-II» — и вытасен на «Жареный бугор» под Саратовом для испытаний. Конструктор, летные доспехи которого в ту пору состояли из трусов и тапочек, занял место пилота, шестеро крепких ребят дружно взялись за веревки, заменяющие буксировочный трос, и со всей прытью молодых ног кинулись вниз по склону бугра.

По всем расчетам конструктора, планер должен был полететь. Конечно, он мог летать и плохо и хорошо — опыта пока было маловато. Но планер упорно не хотел покидать надежную землю. Все усилия молодых авиаторов кончались тем, что паритель отрывался от земли и тут же грузно плюхался обратно. Неудачей закончились и все последующие попытки загнать «бессовестную птицу» в небо. Ни сильный ветер, ни различные ухищрения пилота, ни самоотверженные усилия «стартовой команды» — ничто не могло заставить планер взлететь.

Каникулы подходили к концу, пора было отправляться в институт, и Олег Константинович покинул Саратов, так и не испытав собственного планера. Но его товарищи не сдались. Весной следующего года они снова вытащили «ОКА-II» на тот же бугор, предварительно покрыв тонкую полотняную обшивку планера раствором крахмала. Подобную операцию пробовали сделать и в прошлом году, но бросили: по выражению самого конструктора, полотно провисало между деталями каркаса, «как на ребрах худой лошади».

Снова веревки в руки и опять, памятуя о прошлогодней неудаче, со всех ног вниз по склону. И тут свершилось невероятное: с первых же метров разбега планер легко взмыл в воздух и поплыл, слегка покачивая крыльями, в долину. Планер полетел, а конструктору оставалось только ломать голову над странной загадкой: почему не летал раньше и почему полетел теперь?..

В аэродинамике есть такое понятие — «пограничный слой». Так называют тонкий слой воздуха, текущий в непосредственной близости от поверхности обтекаемого предмета — фюзеляжа, оперения и, конечно, крыла. И от того, как ведут себя частицы воздуха в этом слое, зависит очень многое. В частности, поведение частиц в пограничном слое крыла оказывает существенное влияние и на создаваемую им подъемную силу и на неизменно сопутствующую полету силу сопротивления.

Попав на крыло, частицы сначала ведут себя вполне благопристойно — неподалеку от носка профиля крыла поток сохраняет столь приятный авиаторам «полосатый» вид. Но по мере того как частицы удаляются от носка, их поведение начинает меняться. Трущийся о крыло слой воздуха постепенно теряет скорость, а вместе с ним теряют скорость и частицы. Наконец, наступает момент, когда они, словно снаряд на излете, перестают выдерживать прежнее направление полета и начинают

двигаться хаотически — ламинарный поток превращается в турбулентный. В этом месте пограничный слой сразу становится толще, как говорят аэродинамики, «набухает». А сопротивление крыла резко увеличивается, словно за счет выросшего пограничного слоя крыло стало толще.

Но и на этом сюрпризы турбулентности не оканчиваются: потерявшие скорость частицы начинали вращаться в набухшем пограничном слое. Вспыхнувшие на крыле вихри постепенно раскручиваются все сильнее и, наконец, словно камень из пращи, отрываются от крыла и улетают прочь. Срыв потока... Когда в авиации кто-нибудь произносит это сочетание слов, ясно: крыло или его часть перестали «нести» — создавать необходимую подъемную силу. И здесь можно ждать любых неприятностей, начиная от резких провалов летящей машины вниз и кончая сваливаниями на крыло или в штопор.

На долю будущего генерального конструктора и его «ОКА-II» выпал наименее опасный из фокусов пограничного слоя — крыло отказалось создавать нужную подъемную силу. И всему виной была реденькая обшивка планера: она пропускала воздух, который заставлял набухать этот самый коварный пограничный слой. Когда же клейстер из крахмала закупорил отверстия между нитями, все пошло как по маслу. «Так, — писал впоследствии в увлекательной книжке своих воспоминаний Олег Константинович, — из-за неуважения к пограничному слою я лишился удовольствия первым испытать свой планер...»

Трудно сказать, предопределило ли это первое знакомство с пограничным слоем дальнейшую судьбу конструктора, но только потом ему еще много раз приходилось уделять этому слою особое внимание. И именно тогда, когда речь шла о взлете и, конечно, посадке. Но это было значительно позднее. А пока...

ВОТ ОН, ФЛАТТЕР!

Авиационный 1934 год ознаменовался большим количеством удивительных на первый взгляд сенсаций. Началось с того, что в многодневном перелете Англия — Австралия первое место неожиданно для всех занял английский самолет «Комета» фирмы «Де-Хевиленд», который по своим характеристикам, казалось бы, явно уступал лучшим военным самолетам-истребителям тех лет. Не остыли еще страсти после первой сенсации, как поклонникам авиации вновь пришлось удивляться. В соревнованиях на кубок Дейч-де-ля-Мер побеждает пилот Арну на самолете «Кондор-450», также, казалось бы, уступающем лучшим самолетам того времени. Но своеобразным триумфом был рекорд в классе гоночных гидросамолетов, установленный итальянским летчиком Аджелло: его «Макки-Кастольди» пролетел три километра с невиданной по тем временам скоростью — 709 километров в час. В чем дело?..

У английской «Кометы» мощность мотора действительно была почти в два раза меньше, чем у истребителей того же веса. Но зато у нее... Впрочем, для того чтобы оценить это свойство, необходимо сказать о том, как выглядели самолеты двадцатых

годов. А выглядели они, по нашим сегодняшним представлениям, не очень изящно. Толстое крыло или даже два крыла крепились к фюзеляжу многочисленными подкосами, расчалками и растяжками. Гофрированная металлическая обшивка машин была усеяна миллионами заклепочных головок. Трубчатые фермы подпирали фюзеляж — снизу к ним крепились колеса, сверкающие в полете своими велосипедными спицами. А спереди торчали ребристые головки цилиндров мотора и козырек кабины пилота. И вся эта ошестинившаяся армия деталей старательно превращала набегающий воздушный поток в турбулентный.

Иное дело «Комета». Ее фюзеляж имел благородную каплевидную форму, и над ним едва заметной надстройкой возвышался обтекаемый закрытый фонарь пилотской кабины. Исчезли расчалки и подкосы — тонкое крыло плавно уходило в стороны от закрывших стык с фюзеляжем заливов. Двигатели, установленные под крылом, оделись в обтекаемые гондолы с маленькими отверстиями для доступа охлаждающего воздуха. И в эти же гондолы в полете убирались колеса шасси самолета. Весь облик машины, казалось, говорил только об одном — вот что такое совершенная аэродинамика!

Еще ошутимей могущество аэродинамики проявлялось при взгляде на гоночный гидроплан «Макки-Кастольди». Его узкий фюзеляж походил на вытянутое веретено корпуса ракеты. В машине все было подчинено одной цели — скорость, скорость, скорость!..

Конечно, всеми этими победами авиация была обязана не только успехам аэродинамики: двигателисты создали к этому времени новые, легкие и мощные моторы, способные работать без остановки длительное время, а конструкторы самолетов — они разработали совершенные и технологичные конструкции, позволяющие сочетать в одной машине сразу целый ряд необходимых качеств. И если аэродинамика сказала решающее слово в борьбе за скорость, то конструкторы самолетов и двигателей открыли авиации дальние маршруты.

«Рекорд дальности» — так была названа построенная в 1933 году новая советская машина, конструкцию которой разработал П. О. Сухой под руководством А. Н. Туполева. Под маркой «АНТ-25» она навечно вошла в историю, как образец незаурядной «летучести». Длинные крылья этого самолета были способны покрыть без посадки расстояние в десять тысяч с лишним километров — цифра достаточно внушительная даже для наших дней. Именно на этом самолете и совершили позднее свои знаменитые перелеты по маршруту СССР — Северный полюс — США экипажи Чкалова и Громова.

Одновременно со строительством новых самолетов в нашей стране непрерывно расширяется сеть пассажирских воздушных линий. Авиация начинает использоваться в сельском хозяйстве. Летчики высаживают экспедиции во льдах Арктики, устанавливают все новые и новые рекорды. Трудно перечислить все достижения этих лет — авиация стремительно движется вперед. И вдруг останавливается, словно бегун, под ногами у которого разверзлась бездна...

Волна необъяснимых воздушных катастроф прокатилась по всем странам. Аварии случались с самолетами самых разных

конструкций и назначения. Полет, казалось, протекал нормально, и вдруг машина словно взрывалась в воздухе. Спасшиеся на парашютах не могли сказать что-нибудь конкретное — все происходило слишком быстро: невиданной силы удар, треск, грохот, короткая агония — и от самолета остаются исковерканные куски металла, падающие вниз.

Только позднее удалось установить, что причиной аварий являются мощные вибрации крыла или оперения самолета, возникающие при взаимодействии аэродинамических сил и сил упругости самой конструкции. Самым страшным было то, что эти вибрации возникали совершенно неожиданно и в течение нескольких секунд достигали такой мощи, что разрушали машину. Новому противнику авиации дали название «флаттер» (от английского слова «трепетать»).

Встреча с флаттером была неожиданностью не только для пилотов. Ни конструкторы, ни ученые до тех пор еще не встречались ни с чем похожим на это явление. Неизвестно было и как с ним бороться. Оставалось одно — искать. Искать причины, искать способы борьбы.

И поиски начались. Теория полета пока ничем не могла помочь исследователям: флаттер как таковой в те дни еще не числился в ее «подопечных». А без теории путь был один — эксперименты, продувки в аэродинамических трубах и главное — летные испытания. Все, что было сделано для обуздания флаттера на земле, следовало проверить в полете: условия опыта и реальность далеко не всегда совпадают. Словом, необходимо было «нащупать» флаттер в полете и после этого вернуться на землю, чтобы чуткие и бесстрастные свидетели — приборы могли рассказать об «услышанном» и «увиденном» в воздухе. Одним из первых доставил на землю потрепанный флаттером самолет Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов. А позднее аналогичную задачу поручили ныне известному всей стране заслуженному летчику-испытателю, Герою Советского Союза Марку Лазаревичу Галлаю. Ему предстояло опробовать в полете аппаратуру, извещающую о приближении флаттера.

Для проведения эксперимента был выбран скоростной бомбардировщик «СБ», который намеренно «испортили»: сняли с него уже известные к тому времени так называемые противофлаттерные балансиры. Испытываемая аппаратура заняла свое место в кабине, и пилот отправился «трогать чудище за бороду». Не сразу состоялась встреча с грозным противником. Но когда она все же состоялась, действительность превзошла самые страшные предсказания. Вот как описывал позднее свою встречу с флаттером сам пилот: «И вдруг — будто огромные невидимые кувалды со страшной силой забарабанили по самолету. Все затряслось так, что приборы на доске передо мной стали невидимыми, как спицы вращающегося колеса. Я не мог видеть крыльев, но всем своим существом чувствовал, что они полощутся, как вымпел на ветру... Грохот хлопающих листов обшивки, выстрелы лопающихся заклепок, треск силовых элементов конструкции сливались во всепоглощающий шум. Вот он, флаттер!..»

Галлай вышел победителем из этого неравного поединка с флаттером, он сумел доставить смертельно раненную машину

на землю, и чуткие самописцы рассказали ученым немало интересного. Так в содружестве ученых и испытателей и родилась теория флаттера, которой с успехом пользуются при проектировании самолетов и по сей день. И по тому, как сравнительно быстро была добыта эта победа, уже можно было судить — наука стала могучим союзником полета.

Могучий союзник... Именно ему авиация была обязана успехами, достигнутыми в тридцатых годах, он же открыл и пути дальнейшего развития. Не все было гладко в этом неуклонном движении вперед; в авиации едва ли не четче, чем в других областях знания, ощущается справедливость бессмертных слов Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги...»

ПОБЕЖДАЯ САМИХ СЕБЯ...

Несколько лет назад в машинном зале одного из авиационных научно-исследовательских институтов ежедневно можно было услышать один и тот же диалог:

- Ну как?
- Держится.
- А ветер?
- На пределе.
- Пилот?
- Спит пилот.
- И держится?
- Стоит.

И снова люди вспарывали пеструю начинку электронных блоков, в десятый раз меняли схемы и программы, сверяли затертые диаграммы и графики и снова с надеждой и тревогой бросались к голубому экрану осциллографа. Но безжалостная молния, взлетев к самому обрезу экрана, каждый раз возвращалась вниз. И каждый раз все озабоченнее становились лица людей — для этого у них были веские основания...

Во время испытательного полета потерпел аварию один из новых высотных самолетов. Погибла машина, которая, казалось бы, не могла и не должна была погибнуть. Все говорило против случившегося: надежная конструкция и двигатели лайнера, оставшиеся позади серьезные испытания, высокое мастерство экипажа.

«Бросило! Падаем!..» — вот и все, что успел передать на землю радист. И эта короткая фраза заставила насторожиться конструкторов, инженеров, ученых.

В авиации есть такой термин — «полет в беспокойной атмосфере». В обиходе же смысл такой обтекаемой формулировки значительно точнее передается одним словом — «болтанка». Это один из самых давних и серьезных противников полета.

Летчиков сравнительно мало волнуют солнце и дождь. Но ветер всегда остается предметом особого внимания. Особенно с его восходящими и ниспадающими ураганами, страшным ветровым колесом. Оно внезапно обрушивает на машину стремительный, подобный удару кинжала поток, который может

швырнуть самолет на несколько сотен метров вверх или вниз, сбросить в сторону или вздыбить, как норовистого коня. И горе пилоту, если он вовремя не вступит в борьбу: секундное промедление грозит тем, что органы управления самолетом уже не могут справиться с вынужденным «курбетом». Вот почему самолет проектируется с таким расчетом, чтобы болтанка ему была не страшна.

Точно так же проектировался и погибший самолет. Но тем загадочнее звучало донесшееся из эфира: «Бросило!» По всем расчетам, машина должна была справиться с болтанкой. И если она не справилась, значит где-то скрывается коварный дефект. Ошибка в расчетах? И в конструкторском бюро тщательно проверяют ровные колонки цифр, продувают модели самолета в аэродинамических трубах, а летчики-испытатели готовятся отправиться на «близнеце» погибшего на поиск причины.

Одновременно приняли решение исследовать поведение самолета при болтанке и на специальной моделирующей электронной установке. Для этого все характеристики самолета сначала превратили в графики и формулы, которые затем были занесены в машину в виде строгого сочетания конденсаторов, сопротивлений, емкостей и прочих деталей электроники, — так родилась модель самолета. Аналогичным образом в память машины занесли модель полета и модель... летчика — в виде тех отклонений рулей, которыми пилот управляет. Была заложена в машину и модель болтанки.

За те годы, что существует авиация, ученые собрали достаточно богатую статистику всевозможных сюрпризов атмосферы. Изучили и то, какой мощности порывы ветра могут обрушиться на самолет на той или иной высоте. Все эти сведения после соответствующей обработки и позволили установить нормы, с помощью которых учитывается болтанка. Обычно эти нормы задаются в виде графика, глядя на который можно узнать, что наиболее мощные порывы ветра встречаются у земли, там, где сказывается влияние ландшафта нашей планеты: гор, морей, материков. А с подъемом на высоту эти порывы постепенно сходят на нет — не случайно пассажиры современных крылатых лайнеров почти не ощущают «неровностей» воздушных дорог. Вот такой-то график «нормированного порыва» и послужил прообразом модели болтанки.

Поначалу моделировался нормальный полет. На экране осциллографа тонкий луч вычерчивал ровную горизонтальную линию. Внезапно включался «порыв ветра». Он «вздыбливал» самолет. Линия на экране начинала искривляться кверху. Почувствовав, что самолет «бросило», «летчик» включался в работу, пытаясь с помощью рулей вернуть самолет в нормальное положение. Если это ему удавалось, линия на экране возвращалась вниз; если же самолет отказывался повиноваться, линия уходила вверх, за границу экрана.

Но линия упорно не желала уходить за экран, и в этом было самое удивительное. Самолет не желал терять устойчивость даже тогда, когда ветер был предельным, а пилот «спал» — включался в работу с громадным опозданием. Конечно, сначала машина реагировала на порыв — линия взлетала вверх, но

потом неизменно возвращалась обратно. В чем дело? Ведь самолет, судя по всему, потерял устойчивость именно при попадании в болтанку! Почему же он этого не делает сейчас? Ошибка в моделировании?..

Ошибку искали долго и упорно: меняли схему модели, десятки раз проверяли надежность работы самой электронной машины, учитывали уже такие нюансы полета, которые даже при более строгих экспериментах не берутся в расчет. И после каждого очередного усовершенствования неизменно повторялся диалог:

— Стоит?..

— Держится!..

Наконец, кто-то из молодых сотрудников не выдержал:

— А что, если ветер?.. — произнес он с таким видом, словно, оттренившись от всего земного, кинулся в пропасть.

На него зашикали:

— Ты что, смеешься? Мы и так взяли ветер «с запасом»!

Но криминальный вопрос давно мучил не только новичка — «корифей» сами уже начали подозревать, что все дело в величине порыва. И так как иного выхода не было, решено было плюнуть на норму и взять ветер побольше.

И тут все пошло по-другому. Самолет начал «взбрыкивать» так, что «летчик» едва успевал парировать его «курбеты». А стоило ему промедлить, как зеленая молния стремительно вылетала за обрез экрана — машина теряла устойчивость и управляемость. Все получалось как будто бы так, как и следовало ожидать, если бы не порыв — он-то был больше нормированного, того, который согласно статистике можно было ожидать на больших высотах. Впрочем, что касается статистики, то говорят, что ложь бывает трех видов: просто ложь, ложь злостная и... статистика. Далеко не всегда последняя утверждает незыблемые истины...

Этот эпизод рассказан не случайно — путь авиационной науки и тех, кто движет ее, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Часто чрезвычайно трудно отказаться от того, что мы называем установившимися понятиями и представлениями. Величие Н. Е. Жуковского состояло не только в том, что его могучее дарование объединило в себе логику математика, трезвый подход инженера, наблюдательность экспериментатора и талант педагога, — он сумел подняться над царившей в умах теорией Ньютона.

Отказ от господствующих представлений и сегодня доступен не каждому. А тем более он был труден тогда, когда речь шла о таком серьезном препятствии, как «звуковой барьер».

ОТ ЗВУКОВОГО К ТЕПЛОМУ

Появились реактивный двигатель и реактивные самолеты. Почти десять лет прошло с того дня, как летчик-испытатель Григорий Бахчиванджи поднял в небо первый ракетный самолет «БИ», созданный под руководством известного советского ученого и конструктора Виктора Федоровича Болховитинова. А в кругах авиационных специалистов разных стран все чаще говорили о новом скоростном кризисе. И действительность,

казалось, и впрямь решила подтвердить эти прогнозы: все попытки достичь скорости звука оканчивались неудачей. Природа словно отгородила неприступной стеной область сверхзвуковых скоростей. И эта стена многим казалась непреодолимой — «звуковой барьер».

Аэродинамика всегда раскрывает свои законы с помощью графиков. Их лаконичный язык понятен ученым лучше, чем самое пространное объяснение. Вот на основании одного из таких графиков и родился пессимистичный прогноз о невозможности достичь скорости звука. На графике было показано, как растет лобовое сопротивление самолетов с увеличением скорости полета. И, глядя на этот рост, невольно приходилось задумываться: а что, если действительно «стена»? Кривая, характеризующая коэффициент лобового сопротивления, лишь слегка поднималась в области малых, дозвуковых скоростей, но зато при скоростях, близких к скорости звука, круто уходила вверх или, как говорят математики, в бесконечность. Конечно, никакие двигатели не смогли бы протолкнуть самолет через стену выросшего в десятки и сотни раз сопротивления воздуха. Но действительно ли сопротивление должно быть таким огромным?

Вот тогда-то и родилась сказанная Владимиром Михайловичем Мясищевым фраза, которая сегодня по праву считается классической: «Барьеры существуют не столько в самой природе, сколько в наших знаниях. Такова диалектика развития...» Прошло совсем немного времени, и жизнь подтвердила справедливость этой мысли. Оказалось, что лобовое сопротивление действительно растет очень сильно, если штурмовать звуковой барьер на самолетах с дозвуковыми аэродинамическими формами. Но если эти формы изменить...

На «лабораторном столе» аэродинамиков родились формы сверхзвуковых самолетов: тонкие и короткие крылья, фюзеляжи с большим удлинением, фонари пилотских кабин с заостренной передней кромкой и воздухозаборники двигателей с регулируемым входным и выходными отверстиями. А в результате крутая стена сопротивления на графике превратилась в едва заметный бугорок, подобный арочному мосту, переброшенному в зазвуковую область.

Но не только аэродинамика штурмовала звуковой барьер. Самые разные профессии пришлось созвать под свои знамена авиационной науке: слишком уж необычным было поведение самолетов в новой для человечества области скоростей. «Вдруг самолет затрясся, словно пулемет при стрельбе... Скорость, которую я навязываю ему, приближается к скорости звука, и самолет дрожит — он определенно находится на грани разрушения. Бог неба держит нас в зубах, и земля подо мной конвульсивно содрогается. От этой проклятой тряски самолет разлетится в куски... Инстинктивно хочу убавить скорость... Газ убрать, воздушные тормоза выпустить! Тряска усиливается, меня словно бьет в конвульсиях... Я тяну ручку управления на себя. Господи, еще хуже... Я жду. Немного приподнимаю нос самолета. Снова жду... Так! Внезапно наступает тишина. Почему?..» Так описывает приближение к звуковому барьеру американский летчик-испытатель У. Бриджмен в своей книге «Один в бескрайнем небе».

Почему прекратилась тряска, почему машины неожиданно теряют устойчивость, почему «захлебываются» компрессоры двигателей и горят лопатки турбин?.. Понадобились годы упорных исканий, прежде чем сверхзвук был окончательно покорен. Впрочем, конструкторам здесь еще много работы. Лишь сравнительно небольшое число машин достигает сегодня скоростей порядка 1500, 1700, 2000 или 2500 километров в час. И перед этими стремительными птицами уже выросло новое препятствие — тепловой барьер.

Воздух, столь податливый на малых скоростях, обретает в сверхзвуковом полете невиданную «твердость». Разрезая его упругую стену, носки крыльев нагреваются до температур в несколько сотен градусов. Немногом меньше температура трения воздуха об обшивку. Самые лучшие материалы не в состоянии выдержать упорных тепловых «атак»: алюминиевые сплавы становятся податливыми, как воск, теряют прочность сталь и титан.

Кинетический нагрев зависит от скорости полета и плотности разрезаемого крылом воздуха. Плотность падает с высотой, одновременно уменьшается и нагрев. Так возник «тепловой пол» самолетов — температурная граница сверхзвукового полета. Конечно, эта граница временная, ее определяет термостойкость тех материалов, которыми человек располагает сегодня. Но как только наука найдет материалы, способные сохранять достаточную прочность при более высоких температурах, так «тепловой пол» немедленно опустится на меньшие высоты.

Казалось бы, выход найден: большие высоты — обширное поле для громадных скоростей. Но это только так кажется. На больших высотах, в разреженных слоях атмосферы, маленькие крылья скоростных машин отказываются создавать необходимую подъемную силу. Так на больших высотах выросла еще одна граница — «потолок крыльев», выше которой могут «жить» лишь баллистические снаряды и спутники. Природа отвела скоростным крыльям человека лишь узкий «коридор», в котором трудно развернуться, когда речь заходит о сверхзвуковом пассажирском сообщении.

Большинству пассажиров Аэрофлота хорошо знаком высотный полет — они отлично чувствуют себя в герметизированных салонах «ТУ», «ИЛов», «АНов», бороздящих небо в нескольких километрах от земли.

Но как только скорость полета вырастет до сверхзвуковой, пассажирские машины уйдут по границе «теплого пола» все выше и выше, туда, где меньше лобовое сопротивление и кинетический нагрев конструкции.

Атмосферное давление быстро падает с высотой. И для того чтобы обеспечить нормальные условия для пассажиров, высотные машины снабжают специальными устройствами, поддерживающими в салонах если не земное, то, во всяком случае, близкое к нему давление, а сами салоны делают герметическими. Проблема герметизации встает перед конструкторами сверхзвуковых машин во всей своей остроте.

Стоит нарушить герметичность, как воздух со страшной силой устремляется в разреженное пространство за бортом. В практике одной из зарубежных авиалиний известен даже такой слу-

чай. В полете был поврежден иллюминатор. Поток воздуха, вырвавшийся наружу, увлек за собой пассажира, сидевшего вблизи иллюминатора, и выбросил его за борт. Конечно, подобные происшествия — исключение. Да и не в них главная опасность. В случае нарушения герметизации резко упадет давление в кабинах и перед пассажирами возникнет угроза «кислородного голода».

Правда, случись подобное происшествие сегодня, ничего особенного не произойдет: пилоты немедленно начнут снижаться до безопасной для жизни и здоровья пассажиров высоты. Двухзвуковые машины позволяют это сделать без особого труда: уменьшаются обороты двигателей, навстречу потоку уходят воздушные тормоза, и, теряя скорость, самолет быстро планирует к земле. А в те короткие минуты, что тратятся на этот маневр, на помощь пассажирам приходят аварийные кислородные приборы.

Сегодня все просто. Но когда разговор заходит о сверхзвуковом полете, эта простота оборачивается невероятными трудностями. Мало того, что быстро погасить большую скорость машины достаточно сложно: резкого торможения при снижении не перенесут сами пассажиры. А при медленном торможении снижающийся самолет неизбежно упрется в «тепловой пол». Выход один — обеспечить максимальную надежность герметизации кабин. Но как это сделать? И взоры конструкторов вот уже в который раз обращаются к потенциальным источникам разгерметизации — отверстиям в фюзеляже: как уменьшить их количество? От дверных проемов, конечно, освободиться не удастся. А от окон?..

Как часто пассажиры пользуются окнами? Пожалуй, только тогда, когда самолет стоит или движется по земле. А в полете в лучшем случае заглянут раз-другой, чтобы удостовериться в сохранности крыльев и моторов. Словом, окна пассажирских салонов — это скорее дань комфорту. Так само собой напрашивается решение — отказаться от окон.

Ученые и инженеры предлагают заменить окна экранами телевизоров. Эксперимент с установкой телевизоров недавно был проведен в Японии. А те расчетные исследования, которые выполнены в США, показывают, что только экономия в весе конструкции за счет отказа от оконных проемов окупит установку телевизионных экранов для каждого пассажира. Если один из членов экипажа будет время от времени управлять приемочной телевизионной камерой, сопровождая показ комментариями, то это даст пассажирам гораздо лучшее представление о том, что происходит в полете или во время стоянки на земле, чем любое сочетание окон.

Кстати сказать, телевизор не единственная возможность заменить окна. Дело в том, что полет в сверхзвуковом самолете будет продолжаться сравнительно недолго — максимум два-три часа. И это время можно использовать для демонстрации кинофильмов. У нас в стране, пожалуй, впервые в мире проводилась опытная демонстрация кинофильмов в самолете «АН-10» — его просторный салон с приподнятыми задними рядами кресел как нельзя лучше подходит на роль зрительного зала. Конечно, все это пока отдельные эксперименты.

Проблема герметизации, бесспорно, очень важна, но ее решение и при сохранении окон в принципе уже есть. А вот целый ряд других проблем сверхзвукового пассажирского сообщения — здесь вопрос пока еще остается открытым. Вот одна из таких проблем и... новый барьер на пути авиации.

ШУМ И КРЫЛЬЯ...

Эта сенсация стоила Канаде ровно миллион долларов. Сверхзвуковой истребитель «F-104» пролетел над столицей страны, после чего опытное строящееся здание уменьшилось на величину, которую в обтекаемых газетных формулировках называют «сильными повреждениями». Эти-то повреждения и были оценены в звенящий круглый миллион.

Происшествие в Оттаве, возможно, скоро бы и забылось, если бы не причины, которые его вызвали. А эти причины были достаточно серьезными. Особенно для тех, кто работает сегодня над проектами сверхзвуковых пассажирских самолетов. И не случайно в опубликованной вскоре статье Флойда, главного инженера группы перспективного проектирования английской фирмы «Хоукер-Сиддли», говорилось:

«Полеты сверхзвуковых гражданских самолетов над странами с большой плотностью населения вызовут серьезные возражения, поскольку они отразятся на менее здоровых людях. Многие из них перебрались бы в более спокойные районы страны, но называть такое место, в будущем свободное от частых звуковых ударов, просто невозможно...»

Итак, звуковой удар. Прежде чем сверхзвуковая пассажирская авиация получит право на жизнь, нужно научиться бороться с ним. Но чтобы бороться, надо прежде всего познать его природу, законы, поведение. Именно эту серьезную задачу в упорном поиске решают ученые и инженеры многих стран мира.

Рассекая воздух своим носом или крылом, самолет заставляет колебаться его частицы. И эти колебания распространяются во все стороны со скоростью звука. Если скорость самолета меньше звуковой, то колебания, естественно, обгоняют его и как бы подготавливают воздушный поток к встрече с машиной. Вот почему воздух так плавно обтекает формы дозвуковых самолетов. Иное дело сверхзвуковые скорости. Колеблющиеся частицы уже не успевают обогнать самолет и накапливаются перед носом фюзеляжа или крыла, образуя плотную стену — ударную волну. У этой волны есть и другое название — «скачок уплотнения». А появилось оно вот почему: если перед волной воздух имеет обычное, атмосферное давление, то за ней это давление может быть в десятки раз больше.

Вот этому-то повышенному давлению за ударной волной и обязан своим рождением новый барьер авиации — «шумовой».

Наше ухо очень чутко реагирует на малейшие изменения давления, но еще более чувствительно оно к скорости, с которой это давление изменяется. У человека, попавшего под тянущийся по земле шлейф ударной волны от сверхзвукового самолета, ухо воспринимает повышение давления в принципе так же, как

удары грома. Все дело осложняется тем, что переход от нормального давления к повышенному здесь происходит мгновенно, а удару грома обычно предшествует молния, которая как бы подготавливает: внимание, ждите удара!

Да, у ударной волны нет предупредительных сигналов. Возможно, поэтому разные люди и реагируют на звуковой удар по-разному. Так, в разных местах в Соединенных Штатах реакция людей на звуковой удар была различной, хотя экспериментальный самолет все время летел на одной высоте и с постоянной скоростью.

Все это невероятно усложняет работу исследователей: очень трудно по таким отзывам установить допустимую величину звукового удара. А ведь им нужно учесть не только реакцию людей. Птицы, животные и даже... оконные стекла — как отразится на них звуковой удар?

Вряд ли кто-нибудь придет в восторг, если от пролетающего над домом самолета вылетит стекло в окне, а посуда в шкафу будет выбивать барабанную дробь. Необходимо оградить население от неприятных воздействий. Пока тщательные исследования позволили установить четыре основные причины, определяющие интенсивность звукового удара: это скорость самолета, его вес, форма и высота полета.

Скорость полета мало влияет на интенсивность звукового удара, если, конечно, ее не свести до минимума — сделать всего на десять-двадцать процентов больше скорости звука. Но при этом самолет будет вынужден все время преодолевать тот самый «бугорок» сопротивления, в который превратился «звуковой барьер». А кроме того, обладая такой сравнительно небольшой скоростью, сверхзвуковой самолет не будет иметь никаких преимуществ перед дозвуковыми машинами.

Точно так же мало влияет на величину звукового удара и уменьшение веса: результаты получаются ощутимыми лишь тогда, когда все сводится к самолету, рассчитанному всего на 40—50 пассажиров. Существенного влияния здесь нельзя добиться и изменяя форму самолета; волей-неволей приходится его снабжать фюзеляжем, в котором бы могли разместиться пассажиры. Остается старый и верный союзник авиации больших скоростей — высота. И это понятно: чем выше летит самолет, тем большее расстояние проходит ударная волна, прежде чем попадет на землю. А пока она преодолевает этот путь, ее интенсивность уменьшится во много раз.

Правда, безопасные высоты полета оказались довольно большими: для самолетов с утроенной звуковой скоростью — порядка двадцати пяти километров, а если скорость только вдвое больше звуковой — двадцать километров. Сами по себе эти высоты не очень смущают конструкторов — современные самолеты летают и выше. Но вот этапы набора высоты и снижения выдвигают целый ряд проблем.

Нужно сказать, что даже небольшое снижение самолета с безопасной высоты приводит к весьма существенному уменьшению допустимых скоростей полета. А это означает, что самолет должен обладать способностью держаться на достаточно большой высоте при сравнительно малой скорости. И если вспомнить о существовании «потолка крыла», то становится ясным,

что для того, чтобы обеспечить необходимую подъемную силу, сверхзвуковые машины придется снабжать довольно большими крыльями. «Часть» этих крыльев в горизонтальном полете будет не только не нужна, но и превратится в бесполезный груз и до-полнительное сопротивление.

Кроме того, набор высоты и снижение по границам «шумового пола» будут продолжаться значительно дольше, чем если бы этих ограничений не было, и расходы топлива при этом сильно вырастут.

Правда, в последнее время ученые разных стран начали возлагать большие надежды на самолеты с так называемым «крылом, изменяемой геометрии», которое позволяет управлять аэродинамическими характеристиками самолета в зависимости от высоты и скорости полета.

Вот один из проектов такого самолета. Глядя сверху на его треугольное крыло, кажется, будто оно составлено из двух частей — стреловидного крыла и поставленного к нему впритык хвостового горизонтального оперения. Собственно, так оно и есть: стреловидные части треугольного крыла «живут» своей самостоятельной «жизнью». На взлете эти плоскости раздвигаются, уходят вперед, и самолет становится похожим на наши дозвуковые машины с достаточно длинными крыльями. У таких крыльев несущие свойства примерно в полтора раза выше, чем у треугольных. А в переводе на аэродромный «язык» это означает, что такому самолету потребуются взлетно-посадочные полосы примерно такой же длины, как и у современных транспортных самолетов. Это огромное достоинство.

После взлета, по мере того как самолет с таким крылом будет разгоняться, поворотные плоскости постепенно будут «складываться», сдвигаться, сохраняя все время наивыгоднейший угол стреловидности и строго необходимую подъемную силу. Это-то и даст возможность обогнуть границы «шумового пола» без особых потерь топлива. Конечно, все эти преимущества должны быть оплачены дорогой ценой — сложными и тяжелыми механизмами поворота плоскостей. Но, может быть, именно это и будет самая приемлемая плата за совершенство.

Впрочем, что вообще скрывается за этим понятием — «совершенство»? Едва покинувший цехи завода опытный самолет еще только готовится к первому полету, а у создавших его людей уже масса новых идей, замыслов, решений. И если им поручить спроектировать машину примерно такого же типа, то они сделают ее еще лучше, надежнее и, конечно, совершеннее. Так что ж это такое — «совершенство»?..

С ЦИФРОЙ — В ЗАВТРА

Есть заветная цель, к которой каждый раз на пути к новому стремится творческая мысль ученых, инженеров, конструкторов; в технике ее определяет союз понятий «совершенство» и «время». В «перевод» же это означает, что каждая новая машина должна гармонично «вписываться» в ту обстановку, в какой ей предстоит жить. А отсюда немедленно возникает вопрос: какой для этого она должна быть?

Для того чтобы создать новый пассажирский самолет, — а это значит: спроектировать, испытать его и запустить в серийное производство, — в среднем требуется три-четыре года. При наших темпах развития за этот срок многое изменится: вырастут новые города, откроются новые трассы, увеличится число пассажиров, появятся новые материалы и двигатели, новые методы производства и оборудование. И если конструктор создаст машину для грядущих лет по мерке сегодняшнего дня, то, вероятней всего, она вступит в жизнь уже заведомо устаревшей.

Возможна и другая крайность — конструктор переоценил как потребности, так и возможности завтрашнего дня. По логике вещей в этом случае должна получиться машина с чрезвычайно высокими техническими качествами. Но и такой самолет появиться, что называется, не к месту — проявить свои достоинства он не сможет, потому что в них не будет необходимости, а так как всякое достоинство должно быть оплачено, применение новой машины может оказаться весьма дорогим «удовольствием».

Ясно, что наиболее выгодный вариант лежит где-то между этими «антиподами». И чтобы найти его, надо уметь заглянуть в завтрашний день, заглянуть не только умозрительно, а, что называется, с цифрой в руках. Пожалуй, это самая ответственная задача авиационной науки, потому что если ошибка рабочего сказывается на результатах работы его бригады, ошибка начальника цеха ощущается уже в масштабах завода, то ошибки ученых и конструкторов могут сказаться на темпах развития целой отрасли. Вот почему совсем не просто ответить на вопрос, каким должен быть самолет завтрашнего дня.

Только в течение последних десяти лет воздушные пассажиры успели познакомиться с добрым десятком новых машин, у каждой из которых свои особенности и достоинства, свое место в жизни. Взять хотя бы средние самолеты «ТУ-104», «ИЛ-18» и «АН-10» — все они поднимают в воздух примерно по сто пассажиров. И тем не менее у каждой из этих машин есть своя «сфера влияния». Реактивный «ТУ-104» превосходит своих турбовинтовых «соперников» в скорости полета — 900 километров в час против 600, но зато уступает им в дальности полета. У «ИЛ-18» и «АН-10» скорости одинаковы, но первый обладает большей дальностью полета, а у второго есть такое важное качество, как неприхотливость, — ему подходят не только бетонированные, но и простые грунтовые аэродромы.

Точно так же «поделили» скорость и неприхотливость новые самолеты для местных авиалиний «ТУ-124» и «АН-24», поднимающие в воздух по сорок четыре пассажира. А пришедший на помощь гиганту «ТУ-114» новый пассажирский лайнер «ИЛ-62» превосходит флагмана нашего воздушного флота в скорости, но уступает ему в дальности полета. Ну, а вертолеты по своей неприхотливости к площадкам для взлета и посадки далеко оставили позади все самолеты.

Спрашивается, все ли эти машины отвечают тем понятиям о совершенстве, которые рождены последними шагами авиационной науки? Строго говоря — нет: часть из них была создана

более десяти лет назад. И тем не менее стоит попробовать снять любую из этих машин с вооружения Аэрофлота, как сразу же образуется весьма заметная брешь. Вот отсюда-то и следует, что совершенство самолета, вертолета, винтокрыла или еще какого-нибудь «лэта» нельзя оценивать как нечто самостоятельное — достоинства любой летающей машины познаются лишь тогда, когда эта машина является неотъемлемым звеном совершенной системы, которую мы называем транспортной авиацией.

Анализ планов развития страны и перспектив технического прогресса, определение на основании этого анализа основных черт авиации будущего как единой системы и, наконец, разработка требований к отдельным звеньям этой системы — новым транспортным машинам — таковы этапы научного поиска, открывающего дорогу новому, дорогу к совершенству. Лишь после этого начинается процесс создания новых летательных аппаратов. Но даже при таком тщательном подходе к вопросу о том, какими должны быть воздушные машины, подчас не удается получить однозначный ответ.

Основные черты авиации будущего сегодня уже известны. Все лучшее, что есть сегодня в наших «ТУ», «ИЛ»ах, «АН»ах, «МИ» и «КА», страна возьмет в свой завтрашний день. Останутся жить и станут совершеннее турбореактивные, турбовентиляторные и турбовинтовые двигатели, на новую ступень шагнет конструкторская мысль и технология производства, усовершенствуются материалы, топлива и оборудование, а самолеты и вертолеты, похожие на те, что мы видим сегодня, станут все экономичнее, комфортабельнее, надежнее. И вот эту эстафету прямого совершенствования можно проследить достаточно строго — наша страна располагает таким мощным оружием, как единая система государственного планирования.

Но авиации завтрашнего дня будут присущи и совершенно новые черты — уже в ближайшие годы пассажирским самолетам предстоит освоить сверхзвуковые скорости и обрести независимость от аэродромов. И хотя сверхзвуковые машины «возьмут на себя» скорость и дальность полета, а самолеты вертикального взлета и посадки «оставят за собой» неприхотливость, эти достоинства, присущие и современной авиации, поднимутся на несомненно более высокую ступень. И естественно, что вопрос о том, какими должны быть машины завтрашнего дня, обретает невероятную сложность и спорность.

В этом отношении показательны разногласия, возникшие за рубежом по поводу характеристик сверхзвукового пассажирского самолета ближайших лет, разногласия, разделявшие конструкторов и ученых на два лагеря. С одной стороны, английские и французские инженеры. Они разрабатывают «холодный» самолет со скоростью, в два — два с половиной раза превосходящей скорость звука. На этом «сверхзвуке» можно еще использовать проверенные, освоенные, а потому и недорогие алюминиевые сплавы, а двигатели будут мало чем отличаться от тех, что стоят на современных сверхзвуковых истребителях.

Инженеры США отстаивают проекты самолетов с утроенной скоростью звука, и не без основания. Большие скорости полета — главное достоинство сверхзвуковых машин, рождающее

своего рода высокую «производительность труда»: за одно и то же время самолеты смогут совершить больше рейсов и, следовательно, перевезти больше пассажиров. Но для того чтобы создать машины с утроенной скоростью звука, понадобятся новые двигатели, термостойкие титановые материалы, новые топлива и аэродромы с более длинными бетонными полосами. Опять свои «за» и не менее веские «против».

Еще сложнее проблема создания так называемой «безаэродромной авиации». Совсем недавно перед ней стояла задача — связать центры городов с расположенными за их пределами аэропортами, и здесь с успехом справляются вертолеты. Но завтра машины, способные взлетать прямо с места, должны освоить трассы средней протяженности, которые начинаются и кончаются в непосредственной близости от пунктов отправления и назначения. Иначе время на дорогу в аэропорт и от аэропорта будет «съедать» все преимущества скорости полета. И здесь вертолеты при всех своих незаменимых качествах безнадежно сдают позиции: у них слишком малы скорости полета. Самые радужные прогнозы упираются в цифру 300 километров в час — на больших скоростях из-за срывов потока винты отказываются создавать подъемную силу, удерживающую вертолеты в воздухе.

Выход один — «научить» самолет садиться и взлетать вертикально. Среди проектов винтовых самолетов вертикального взлета и посадки можно встретить и машины с мощной и сложной системой закрылков, отклоняющих вниз потоки от винтов, и самолеты, у которых сами винты поворачиваются в «вертолетное положение», и другие машины, у которых двигатели с винтами поворачиваются вместе с крылом.

Как и все винтовые самолеты, эти машины смогут развивать скорости до 700—900 километров в час. А там, где скорость должна быть еще больше, вертикальные взлет и посадку будет обеспечивать сила тяги реактивных двигателей. И здесь решение проблемы тоже не однозначно. Правда, основной спор в этой области ведут сторонники двух направлений. Одни отстаивают самолет, у которого одни и те же двигатели обеспечивают и взлет-посадку и горизонтальный полет. Другие отдают предпочтение машинам с двумя независимыми двигательными установками, одна из которых обеспечивает взлет и посадку, а другая — горизонтальный полет.

Снова свои достоинства и недостатки, и снова вопрос пока остается открытым. И это когда речь идет фактически лишь о принципе вертикального взлета и посадки. А ведь «лицо» самолетов завтрашнего дня определяет не только это — десятки самых различных требований предъявляют к новым машинам. Здесь и грузоподъемность, и скорость, и дальность полета, и требуемое число пассажирских мест, и надежность, и экономные расходы топлива — словом, всего не перечислить. И среди этих требований есть такие, казалось бы, на первый взгляд совсем уж второстепенные, как, например, требования продолжительности жизни самолета. Кажется, что может измениться от того, десять или двадцать лет будет служить машина? Но на самом деле это совсем не безразлично.

В книге воспоминаний известного нашего судостроителя

А. Н. Крылова есть любопытный эпизод, относящийся как раз к этому вопросу. В 1924 году ученый работает в составе советско-французской комиссии, осматривающей стоящие в гавани Бизерты русские военные корабли, уведенные туда Врангелем. Здесь бок о бок с русским эсминцем стоял эсминец французский — примерно того же возраста и размеров. Но разница в боевой мощи кораблей была настолько разительной, что адмирал Буи — председатель комиссии — не выдержал и воскликнул: «У вас пушки, а у нас пукалки! Каким образом вы достигли такой разницы в вооружении эсминцев?» В ответ на этот вопрос Крылов прежде всего обратил внимание адмирала на состояние кораблей: в то время как французский корабль производил впечатление почти нового, русский эсминец выглядел крайне изношенным. Все дело было в том, что французы строили свой корабль так, как будто это было коммерческое судно, которое должно служить не менее двадцати четырех лет. Русский же эсминец был построен из стали высокого напряжения, которая служит намного меньше, но зато позволяет получить выигрыш в весе корпуса и прочих частей, и этот выигрыш может быть использован для усиления боевой мощи. «Миноносец строится на десять-двенадцать лет, — пояснил А. Н. Крылов, — ибо за это время он успевает настолько устареть, что не представляет более истинной боевой силы». «Как это просто!» — единственно что мог ответить адмирал Буи.

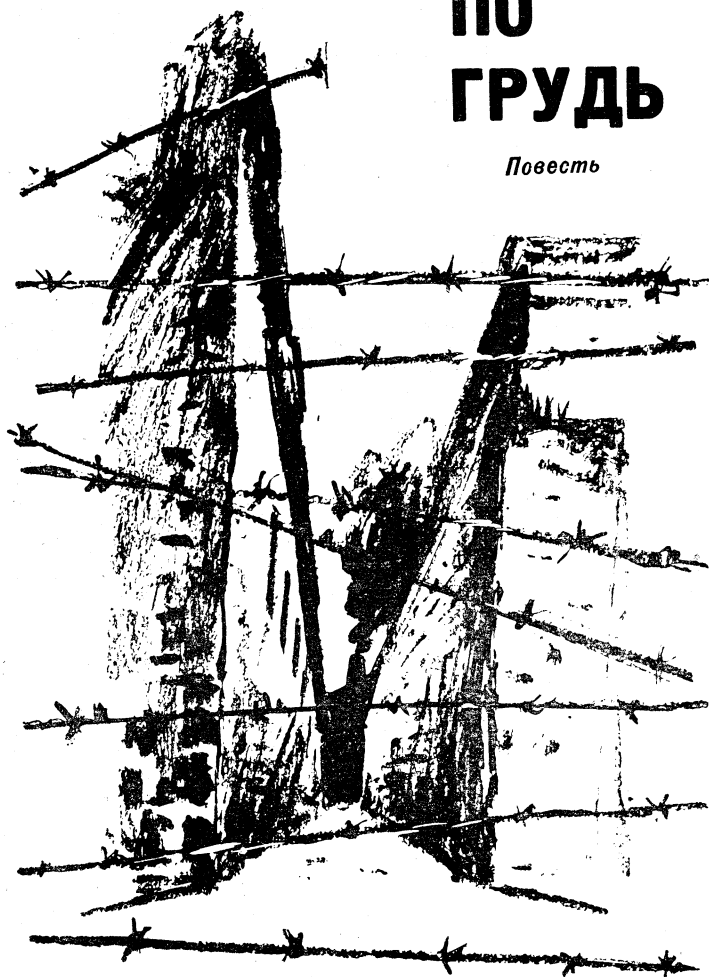
Как просто... Но за этой простотой упорный и настойчивый поиск ученых, инженеров, конструкторов. Сегодня они обещают, что в ближайшие десять лет человечество получит сверхзвуковой пассажирский транспорт со скоростями порядка 2000—3000 километров в час. А завтра творческая мысль авиации устремится к скоростям в 5000, а то и в 7000 километров в час. И вот на пути к этим заманчивым скоростям авиацию уже ждет очередной «химический барьер» — проблема новых топлив и преобразования энергии. Нет сомнения, что пройдет время, и этот барьер останется позади. Не случайно на «щите» авиационной науки начертан девиз: «Через барьеры — к совершенству!»

Ник. КОРОТЕЕВ

КОГДА В БЕДЕ ПО ГРУДЬ

Повесть

Рисунки С. ПРУСОВА

Их было четыре миллиона — мужчин, женщин, стариков и детей. Четыре миллиона человеческих жизней загублено гитлеровскими палачами в Освенциме. Минуло почти двадцать лет после окончания войны, но страшные слова Освенцим-Аушвиц до сих пор острой болью отдаются в сердцах миллионов людей, постоянно напоминая о чудовищной сущности фашизма, вскормленного монополиями империалистической Германии.

Пепел жертв стучит в сердца людей. Об этом нельзя забывать. В Западной Германии, вся политическая жизнь которой пронизана милитаристским и реваншистским угаром, забыты жертвы, прощены убийцы. Многие из них подвизаются на руководящих постах в боннском правительстве, проводят реваншистские планы, опасные для всеобщего мира, стремятся к ревизии итогов второй мировой войны, рвутся к ядерному оружию.

Народы мира на собственном опыте знают цену мира, жизни и свободы, сознают, кто их друзья и кто враги. Обуздать темные силы реакции, не дать западногерманским и прочим милитаристам и их вдохновителям развязать новую войну — такова воля всех честных людей мира.

В начале 1965 года мировая общественность отмечает двадцатилетие освобождения Освенцима героической Советской Армией. Эта дата не просто дань памяти погибшим — это напоминание живым, призыв к борьбе против возрождения фашизма. На Всеевропейском форуме бывших узников гитлеровских лагерей смерти, посвященном этой дате, снова прозвучит решительное «нет!» атомному Освенциму.

Повесть Н. Коротева, главы из которой печатаются в «Искателе», — отдельные правдивые штрихи об освенцимском концерне смерти — самом страшном месте, когда-либо бывшем на земле. Это повесть о мужестве и борьбе бывших узников, участников движения Сопротивления, о несгибаемой воле простых советских людей, о выполнении ими интернационального долга.

Ал. Лебедев, бывший узник гитлеровского лагеря смерти Освенцим, член Президиума Международного комитета Освенцима

Он знал одной лишь думы
власть...
М. Ю. Лермонтов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он задыхался. Сердце билось из последних сил, а он стоял обессиленный, ощущая, что покачивается в такт сердечным ударам, и страшился одного — упасть.

Глаза его были закрыты. Сквозь веки пробивался яркий свет, который казался красным.

Вдруг земля поплыла под ногами.

«Падаю!» — Мазур с усилием открыл веки и увидел — падает.

Он упал бы, но рука соседа поддержала.

Слабость длилась одно мгновение. Потом от сознания, что могло бы произойти, даже сердце застучало тише. Мазур вздохнул. Но глубже, чем следовало.

Ножевая боль резанула по ране в животе.

Опять, так ничего и не увидев, он закрыл глаза. В красной тьме сомкнутых век было легче перетерпеть боль. Потом он осторожно потянул воздух носом, так нежно, как вдыхают самый тонкий аромат.

— Держись, — глухо, сквозь зубы проговорил сосед, поддерживавший его.

Мазур тихонько кивнул ему в ответ. Потом он нашел в себе силы разогнуться, стать почти прямо и открыть глаза.

Он сразу увидел все небо и землю. Сияющее небо и залитую солнцем землю. И лишь долгую секунду спустя он обрел способность различить остальное, и то не сразу: горы — черную изломан-

ную линию, которая отделяла небо от земли; солнце, заставившее его прищуриться; и опять землю — горы, поросшие коричневым лесом, что тронут первой зеленью, едва сквожившей, ласкающей взгляд; и сразу рыжие параллельные полосы колючей проволоки, перечеркнувшей, отделившей от него весь остальной мир: «Плен?! Плен! Плен...»

Все, что находилось по эту сторону проволоки, как бы наново воссоздавалось в его сознании.

Он увидел, как метрах в двухстах от них новая партия пленных вытягивается в шеренгу, готовясь преодолеть то расстояние, которое Мазуру и другим из его группы удалось пробежать.

Не всем.

Пятеро лежали на этих двухстах метрах: один в нескольких шагах от линии «старта селекции», другие — ближе и ближе к группе, добежавшей до «финиша».

К тому, кто лежал совсем недалеко от старта, уже шел

Длинный Отто. Отто был действительно высок и казался еще выше в пузырящихся на бедрах галифе, сверкающий сапогами и — против солнца — казавшийся черным, как рок. И руки его тоже были черными, в перчатках, и правая — длиннее левой. Пистолет был как бы его рукой, одетой в черную перчатку, частью руки, пальцем.

Лицо человека, который лежал на земле, в непросохшей весенней грязи, было повернуто в сторону подходившего Отто. И тот, кто лежал, повернув лицо к подходившему Отто, не мог не видеть, как это видели все, что Отто идет к нему. И тот, кто лежал лицом к подходившему Отто, как и все, знал, что сейчас будет. И тот, кто лежал и видел, что к нему подходит Отто, не шевелился, только голова его по мере того, как подходил Отто, чуть приметно поворачивалась лицом в грязь, а когда Отто подошел и встал над тем, кто лежал в грязи, он мог видеть только костлявый затылок лежащего.

Мазур слышал, как чавкала под блестящими сапогами непросохшая земля.

Где-то в вышине забился песней жаворонок. Тонко так. И песня птицы была похожа на детский плач.

Отто неторопливо отнял правую длинную руку от бедра, и теперь его черный пистолет-палец смотрел прямо в затылок того, кто лежал ничком на влажной, остро пахнущей весной земле.

Человек не шелохнулся, только руки его, словно в нетерпении, теребили мягкую землю. А после выстрела, прозвучавшего мягко, тупо, пальцы лежавшего судорожно сжались в кулаки и потом медленно отпустили землю, как самую ненужную вещь.

— Отмучался...

Это сказал кто-то стоявший рядом с Мазуром.

Отто шагнул прочь от трупа.

Тогда второй, который лежал неподалеку — к нему направился Отто, — вдруг вскочил на четвереньки и по-крабьи побежал в сторону.

Отто выстрелил, не замедляя неторопливого шага.

Человек на четвереньках взвизгнул, поджал ногу.

Отто выстрелил еще два раза.

Человек упал в грязь и стал кричать надрывно, громко. У него, очевидно, были прострелены руки и ноги.

Мазур дернулся, ослепленный яростью. Но теперь уже две руки схватили его под мышки, так, чтобы со стороны было незаметно, что его держат.

— Крепись, — сказал сосед слева, — крепись...

Соседи Мазура по строю, словно сговорившись, завели его руки за спину.

— Эх, вы...

Ни усталость, ни боль не ослабили его так, как этот произвольный порыв ненависти. Мазур почувствовал, что вот-вот упадет. Холодная липкая испарина покрыла тело.

— Эх, вы...

— Крепись.

Длинный Отто, будто забыв о втором обреченном, дви-

гался к третьему. Услышав его хлюпающие шаги, третий, собрав последние силы, повернулся на спину и стал смотреть в глаза приближающемуся Отто. Отто остановился в шаге от ног лежащего на земле. Тот с усилием подтянул руки к вороту куртки и рванул его. Но сил было так мало, что ворот не разорвался. Тогда человек расстегнул пуговицу у ворота, потом на груди и распахнул куртку.

Отто начал поднимать правую, длинную руку с пистолетом.

Человек лежал неподвижно и глядел на Отто.

— Гут.

Это тихо сказал Отто. Его рука-пистолет начала опускаться.

Тогда человек, лежащий на земле, плюнул в Отто. Но и доплюнуть до Отто у человека не хватило сил.

На каменном лице Отто изобразилось что-то вроде улыбки.

— Шлехт. Зер шлехт.

Правая рука Отто быстро поднялась.

Человека не стало.

Отто больше не двинулся с места. Не опуская пистолета, он дважды выстрелил по остальным и, не оглядываясь, пошел к строю автоматчиков, что стояли вдоль проволочного забора, ограждающего лагерь.

— Пустите! — сказал Мазур. Завернутые за спину руки ныли в плечах.

Соседи отпустили его руки.

— Держись, — опять сказал сосед слева. — Не дури, майор.

— Ладно, — ответил Мазур.

На полосе «селекции» по-прежнему выл смертельно раненный человек, второй, которого Отто не добил. Мазур смотрел на него, как и все смотрели, потому что в некоторые минуты люди, помимо своей воли, смотрят на то, на что, казалось бы, смотреть невозможно.

— Почему он его не прикончит? — негромко спросил Мазур у соседа слева.

— В наказание. Пытался бежать.

— Но ведь Отто хотел не убивать третьего. Если бы тот не...

— Спроси у Отто.

— Послушай... — начал было Мазур.

— Молчи! — прошипел сосед справа. — Отто косит в нашу сторону.

Они разговаривали, почти не разжимая губ, но то легкое шевеление в строю пленных, когда Мазура поддерживали, привлекло внимание фашиста. Он меланхолично, по-гусиному поднимая ноги, направился к группе, в которой стоял Мазур.

Мазур усталился в землю. Она была коричневая, влажно поблескивала на солнце. Кое-где в следах от колодок скопилась вода. Поверхность ее мелко рябила под ветром. И тут же Мазур заметил несколько травинок: совсем тонких, ярких, просвечивающих на солнце и бившихся на ветру, как маленькие знамена надежды.

— Надо смотреть прямо, осел.

Мазур услышал эту немецкую фразу, понял, что ее проговорил Отто, чуть качнулся, чтобы расставить ноги и встать уверенней, и поднял голову.

Лицо у Отто было маленькое, гладко выбритое и холеное. Его голубые глаза смотрели спокойно, с чуть приметным любопытством.

В первое мгновение Мазур оторопел. Он представлял себе взгляд Отто ненавидящим, сверлящим, остановившимся и неподвижным, будто глаза змеи. А перед ним оказались человеческие глаза. Это казалось невозможным, противостественным.

— Надо смотреть прямо, осел, — повторил Отто.

И голос звучал мягко, был гибок.

Продолжая глядеть в глаза Мазуру, Отто поднял руку и ловко, коротко ударил в челюсть.

Мазур почувствовал, как клацнули его зубы. Огненная вспышка на мгновение ослепила его. Но он устоял на ногах.

Отто сказал:

— Гут, — и пошел дальше вдоль строя.

И опять Мазур почувствовал, как с одной и с другой стороны у него под мышками очутились руки соседей.

«Хорошо еще, что он не двинул мне в живот, — подумал Мазур, — разлетелись бы к черту швы на ране... Но бить ты, сука, все-таки не умеешь...»

* * *

От усталости руки казались огромными. Особенно в темноте, когда в бараке погасили свет. Тело словно растаяло, и остались одни руки, тяжелые, набрякшие. Кровь по ним двигалась щекочущими толчками.

Сопение и храп слышались с трехъярусных нар. Пахло мокрой грязной одеждой и потом. Кто-то бредил во сне. Говорил быстро-быстро и каким-то высоким детским голосом. В лопотанье невозможно было разобрать слова.

По толевой крыше гулко стучал дождь. Стук его то убыстрялся и становился громче, то утихал.

«Только бы не уснуть... — думал Мазур. — Не уснуть...»

От голода в голове казалось пусто и светло, будто в комнате без мебели. И бело. Ослепительно, до головокружения бело. И гулко. Мазур словно слышал, как слова, которые он говорил про себя, звучат в голове многократно повторенным эхом.

«Встреча... — думал он. — Вот встреча! Встреча... Встреча... Встреча... В академии вместе учились... Учились... Учились... Саша Белов... Белов... Белов...»

Он встретился с Беловым два дня назад, когда работал в каменоломне. Мазур шел вниз, в карьер, оставив наверху свой камень. А снизу с камнем на плече поднимался какой-то бородатый старик. Они оба поравнялись с автоматчиком, когда Мазур услышал тихое, неуверенное:

— Петр...

Оглянулся. Всмотрелся в лицо того, кто его позвал.

— Лос! Лос! — крикнул автоматчик.

Каждый пошел своей дорогой.

Только в карьере, взвалив на плечо камень, Мазур отчетливо припомнил лицо окликнувшего его человека, но без бороды — молодое краснощекое лицо Саша Белова. Они учились вместе. Закадычными друзьями не были. Просто однажды летом, когда оканчивали третий курс, вышли вместе и решили отправиться в ресторан, отметить успешную сдачу.

Помнится, они тогда попали в «Метрополь».

Им подали котлеты по-киевски. Большие, рыжие, с бумажными финтифлюшками на косточке, чтобы не запачкать жиром пальцев. На тарелке еще стояла маленькая печеная формочка с зеленым горошком в сметане. И картофель. Тонкоструганый, золотистый, хрустящий.

Мазур отодвинул на край тарелки печеную формочку с зеленым горошком в сметане.

Белов спросил:

— Ты что это?

— Не люблю, — ответил Мазур.

— Напрасно.

Яснее ясного предстала перед глазами Мазура эта печеная формочка с зеленым горошком в сметане. Зеленый горошек наложен горкой.

«Об этом нельзя думать. И пора мне...»

Он свесил с нар голову, прислушался в темноте к сопению спящих.

Стал осторожно спускаться. После воспоминаний о еде в желудке стоял жесткий ком, болезненный, будто нарыв. Мазур твердо стал на пол и потихоньку погладил живот, чтобы проснувшийся голод не так терзал.

Потом не торопясь, придерживаясь одной рукой за нары, двинулся к выходу из блока.

Мазур прошел в другое отделение барака, где помещались старшие командиры. Протянув руку, Мазур нащупал край нар. Лежавший на них засопел, отодвигаясь в сторону. Мазур сунул ноги между двумя телами, прикрытыми одеялами. Каждый со своего бока отдал ему по краешку. Сразу стало тепло.

— Начинай! — послышался шепот Белова.

— На рассвете девятнадцатого ноября мы начали наступление. Заиграли «катюши».

— Погромче...

— Тише!

Мазур чувствовал, что рассказывает очень сбивчиво, торопливо.

Заплакал кто-то невидимый в темноте.

Мазур чувствовал, хрипнет его голос. Но слез не было. Глаза были воспаленно сухи.

— Спасибо. Хватит, товарищи, на сегодня.

Белов проводил Мазура до двери. Он благополучно, незамеченным, миновал тамбур, вернулся на свое место на

нарах. И неожиданно ощутил, что за время своего рассказа словно отдохнул: руки перестали казаться огромными.

Он быстро уснул.

Ему снился бой.

Удар плетки заставил его подскочить.

— Ауф штеен! Лос! Лос!

Мазур увидел перед собой раскрасневшееся от крика лицо блокового.

— Лос! Лос!

Видимо, Мазур с такой ненавистью глянул ему в морду, что блоковой еще раз ожег его плеткой, на всякий случай, и побежал дальше.

Мазур спустился с нар и вместе со всеми потрусил на улицу. В двери толкались: не хотелось получать лишний удар плетью.

* * *

Был субботний вечер.

Теперь, когда их пригоняли из каменоломен в лагерь, бывало еще светло: дни стали длиннее. После ужина, когда до вечерней поверки оставалось полчаса, можно было побродить вокруг барака, перебраться словом.

Если бы лагерь помещался на равнине, то они, наверное, еще видели бы солнце, а тут оно заваливалось за горы рано, и в долину подолгу лился с неба только сумеречный, рассеянный свет.

На западе, на черных в эту пору склонах, начинали мерцать огоньки городка, желтые, трепетные. Там вроде текла обычная жизнь. Но в это не верилось.

Мазур думал, что так кажется лишь ему. Но, всматриваясь в лица других пленников, он видел — и они плохо верили в существование городка на склоне.

— Петр!

Мазур сразу узнал голос Белова.

Они пошли рядом, неприметной парой среди других пленных, шнырявших по посыпанному желтым песком дорожкам лагеря. Это было время, когда узники имели возможность совершать обмен и «делки»: отдать кусок хлеба и взять две картофелины, сменять картофелину на «затяжку» или «затяжку» обменять на кусочек маргарина в четверть спичечного коробка.

Это было самое удобное время для разговоров наедине.

— Надо, чтобы как можно больше людей в лагере узнало от тебя о битве на Волге. Понимаешь, от участника событий.

— Я стараюсь. Многие меня так и зовут — майор-танкист.

— Вот это плохо.

— Не понял.

— Плохо, что тебя многие знают в лицо. Думаешь, тебе позволят в лагере вести беспрепятственную агитацию? Рассказывать о крупном поражении гитлеровской Германии?

За это в лучшем случае расстрел. А в худшем — знаешь, на что способны фашисты.

— Ясно. Буду осмотрительнее.

— По-моему, за тобой установлена слежка. Будем честны друг перед другом. Не все выносят то, что приходится пережить. Кое-кто замкнулся и даже наедине с собой побаивается думать о сопротивлении. А кое-кто потерял веру...

— А иные попросту стали предателями.

— Стали... Но они живут среди нас. Они ждут случая застраховать свою жизнь смертью другого.

Навстречу им двигался краем дорожки доходяга в пиlotte с опущенными отворотами. Он шел ссутулившись и казался горбатым и, как горбатый, выставил вперед заостренный подбородок. Рот у него был ощерен, покривившиеся в ослабших деснах зубы выпячивались, а глаза заискивающе улыбались. Доходяга заступил дорогу Белову:

— Помнишь, я тебе котелочек мыл? Помнишь?

— Помню... помню... — Белов достал из кармана корочку хлеба, разломил ее надвое и протянул половинку доходяге.

Доходяга очень ласково, осторожно принял заскорузлую корочку, словно ювелир, принимающий бриллиант фантастической величины, тихо отошел в сторонку, присел на корточки и стал посасывать подаяние. Лицо его стало вдохновенным.

— Кремьень, казалось, был человек, — проговорил Белов. — Потом карцер, потом еще, еще... И вот сработала фашистская машина. Он почти никого не узнает, всех боится. Только вот меня вроде запомнил. «Я тебе котелочек мыл...» И ведь действительно мыл однажды. Давно, в сорок первом, в декабре, болел я...

Мазур взглянул на Белова и увидел окаменевшее лицо и глаза, голубые, с сероватыми прожилками, как полшария.

Они шли молча.

— Дурень он, — почти весело проговорил, проходя мимо, пленный. — Ей-богу, дурак! Две картофелины за одну затыжку! Нет, цирк! Я ему затыжку, а он, не торгуясь, отдает две картофелины. Может, он в доходяги поскорее хочет попасть?

Говорил молодой парень, говорил, захлебываясь словами. Его просто душила радость. Он двигался быстрее своего спутника и все старался заглянуть ему в лицо, но тот шел нахмурившись.

— А меня сегодня облапошили, — сказал хмурый.

— Говорил, идем со мной! Твоего окурка на десять затыжек хватило бы.

Они отошли. Их разговора не стало слышно.

С болота по соседству начал подниматься туман. Сырость была земляная, пахнувшая торфом и пронизывающая.

— Бежать! Бежать надо! — проговорил Мазур.

— Легко сказать...

— Как бы ни было трудно. Добраться до Родины. Снова воевать.

— Помни — за тобой следят.

По забывчивости Мазур поднес большие пальцы рук к поясу, чтобы заправить, как ему показалось, сбившуюся гимнастерку, и, наткнувшись на рядно лагерной куртки, оторопело остановился. Его бросило в холодный пот:

«Плен! Плен... Я в плену!..»

Белов посмотрел на Мазура и сказал:

— Со мной то же бывает.

* * *

— Как агитация?

Отто сидел за письменным столом в своем кабинете. От него пахло духами. Руки Отто лежали на столе и были одинаковой длины.

С потолка кабинета свисала на длинном шнуре большая, трехсотсвечевая лампа. Стены на уровне роста человека были окрашены масляной краской.

«Чтобы кровь отмывать легче было», — подумал Мазур.

— Ты что, сожрал свой язык с голоду? — Отто улыбнулся собственной шутке. — Сожрал?

— Нет.

— Что?

— Нет, господин обер-лейтенант.

— Повтори мне, что ты говорил сегодня у французов.

— Я рассказывал... господин обер-лейтенант, — Мазур чувствовал, как все его существо против того, что он делает. Ему очень хотелось просто плюнуть в длинную морду Отто. Но это значило спровоцировать Отто на выстрел, пойти на самоубийство. — Я рассказывал, господин обер-лейтенант, о том, как меня взяли в плен...

— Зо...

Глаза Отто, голубые, отороченные темными ресницами, казались нарисованными на лице. Что бы ни делал Отто со своим лицом — улыбался, изображал равнодушие, или удивление, или оно просто было спокойным, — глаза его оставались холодно любопытствующими.

— Настоящий солдат в плен не сдается, — сказал Отто.

— Я таранил на танке «юнкерс», когда он взлетал. Взрывом бомбы сорвало башню.

— Таранил самолет? На танке?

— Да, господин обер-лейтенант.

— Садись.

Мазур прошел к табуретке, что стояла у стола, и сел.

— Храбрый солдат.

Лицо Отто было человеческим, если бы не глаза.

— Ты сказал мне правду?

— Да, господин обер-лейтенант.

— Я знаю, что ты сказал мне правду.

— Потом я очнулся...

— Я все знаю. Сигарету?

— Не курю, господин обер-лейтенант.

— Водки?

— Не пью, господин обер-лейтенант.

— О! Ты русский?

— Украинец.

Отто усмехнулся губами:

— Горилки у меня нет. Извините.

— Не пью, господин обер-лейтенант.

— Нам нужны храбрые солдаты.

— Я пленный, господин обер-лейтенант.

— Коммунист?

— Н-нет... господин обер-лейтенант.

— Нет?

— Нет, господин обер-лейтенант.

— Куда подевались все коммунисты? Все не коммунисты, не активисты. Кто воюет против нас?

— Народ.

— Народ? Против нас только фанатики-коммунисты. Толпой надо управлять. Эта великая миссия возложена историей на нас, представителей высшей расы. Мы та единственная сила, которая способна управлять, быть господами. И приближаем к себе тех, кто разделяет наши взгляды.

Отто вскинул голову.

— «Все для меня. Весь мир для меня создан... Я уже давно освободил себя от всех пут и даже обязанностей. Я считаю себя обязанным только тогда, когда мне это приносит какую-либо пользу... Угрызений совести у меня никогда не было ни о чем. Я на все согласен, лишь бы мне было хорошо». Так, кажется. Ты, русский, скажи, кто это сказал?

— Герой Достоевского. Князь Валковский, — ответил, подумав, Мазур. — Поэтому вы, господин обер-лейтенант, и даете читать в лагере Достоевского. Только ведь у него и по-другому сказано.

— Встать!

Мазур поднялся.

Отто приказал сесть, снова встать.

И так продолжалось минут пять. Это был совершенный пустяк по сравнению с тем, что Отто мог сделать с ним, с обычным пленным, которого еще вдобавок подозревали в агитации против армии Третьего рейха.

— Что сказал еще Достоевский, скотина?

Отто был розов. Его бледное лицо покрылось легким радостным румянцем.

— Не знаю, господин обер-лейтенант.

— Лечь!

Мазур выполнил приказ.

— Встать!

Приказы следовали один за другим, все быстрее и быстрее, пока Мазур уже не мог так быстро выполнять их, как их выкрикивал Отто.

Отто продолжал кричать уже независимо от того, вставал или опускался на пол Мазур. Лицо его дергалось и корежилось в гримасе бешенства. Только глаза по-прежнему оставались голубыми и ясными.

Отто подскочил к нему, распростертому на полу, стал бить ногами. Потом выпихнул Мазура в канцелярию, подобно кому грязного тряпья.

— Встать! — заорал он.

Шрайбштубисты и еще какие-то люди бросились поднимать Мазура, потому что он все никак не мог подняться и лишь возил руками по полу, стараясь найти опору.

Наконец Мазур поднялся на ноги, но стоял, наклонившись вперед, думая только об одном, чтобы защитить свой раненый живот от прямого удара.

— Гут, — очень спокойно сказал Отто и еще что-то, чего Мазур уже не разобрал, сообразив лишь: больше его вроде бить пока не станут.

Мазур выпрямился почти совсем, и вдруг Отто ринулся к нему, носком сапога ударил в живот...

Он очнулся потому, что губы его чувствовали прохладную воду. Ее было много, и никто не отбирал ото рта чашку. Мазур напился и хотел отодвинуться от воды, но ощутил, что он боком лежит на мокрой приятной прохладной земле. Сверху тоже течет вода.

Тогда он открыл глаза. Увидел отраженный в луже свет лампы почти прямо у своих зрачков. Он хотел пошевелиться, но потом передумал. Не хотелось ему, чтобы кто-то увидел, как он очнулся, и стал мучать его снова. Он очень осторожно вздохнул полной грудью и еще раз подумал, насколько же ему хорошо лежать вот так спокойно под дождем, спорым и теплым, и не шевелиться.

Неярко полыхнуло голубым светом. Гром проорчал добродушно, словно хохотнул невзначай.

Очень хорошо было лежать в луже под дождем.

Ветер потянул. Он пахнул лесом: корой, влажной от дождя, и молодыми листьями — тополем.

— Очнулся. Дышит, — услышал Мазур немецкие слова.

Его толкнули ногой. И, не ожидая, когда толкнут еще раз, Мазур поднялся.

— Руки!

Мазур поднял их над головой.

— За спину!

На вистях щелкнули наручники.

— Форвертс! Лос!

Мазур стал рядом с тремя другими пленными, лиц которых он не видел в темноте.

Охранники в островерхих капюшонах двигались по бокам.

Вдруг Мазур вздрогнул. Он только теперь, пожалуй, сообразил, что группу вывели за ворота лагеря. Они вышли из лагеря. Они шли по дороге, в сторону гор.

Гром ударил с задержкой, резко.

Шатнувшись к соседу, Мазур толкнул его:

— Бежим...

— К богу?

Мазур выругался. Потом подался к соседу справа:

— Бежим! Молния полыхнет — и влево. После вспышки часовые как бы ослепнут на время.

— А, — протянул сосед справа и выругался, — давай.

Один черт...

— Предупреди.

— Есть.

Они шли по размытой дороге. Было чертовски темно. Молния медлила. Кашлял часовой. Потом он споткнулся и стал длинно ругаться.

Вспышка ослепила всех. Она не успела погаснуть, когда Мазур, толкнув соседа, словно напомнив уговор, ринулся влево, под откос, поджав ноги к животу, и покатился вниз.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дождь перестал. Рассвет был серым. Частые сосны поднимались черными колоннами.

Беглецы шли тесной группой по скользким после дождя опавшим сосновым иглам.

Они еще не видели лиц и узнавали друг друга по голосам.

Наконец развиднелось.

Послышалась песня зорянки. Мазур остановился на секунду, прислушался. Ему не верилось, что и в этих местах могли быть такие же птицы, как на Украине.

— Что? — спросил Мазура пожилой спутник, который ночью бросил: «К богу?» Видимо, тогда ожидание неизбежной и скорой смерти наполнило его душу безразличием ко всему. Но потом, когда они скатились с откоса и бросились в лес, он первым догадался, что надо держаться вместе, — если кто потеряется в темноте, то насовсем.

— Зорянка, — ответил Мазур.

— И здесь поют птицы...

— Петром меня зовут, — сказал Мазур.

— Сеня. Семен.

Они остановились все четверо. Повернулись лицами вокруг.

— Ричард.

Это сказал совсем молодой парнишка. Едва ли дотянуло ему до семнадцати.

— Англичанин? — спросил его пожилой.

— Из Белева, — ответил парнишка.

— Дура твоя мама, — сказал пожилой. Даже борода была у него совсем седая.

— Мама говорила, что это папа.

— А, — сказал седой, словно этот ответ удовлетворил его, — меня Иваном кличут.

— Надо первым делом, ребята, браслеты снять, — сказал Мазур.

Седой Иван пригляделся к Мазуру:

— Я тебя знаю — майор-танкист.

Уже можно было разглядеть лица. Оборванные до локотьев, вываленные в грязи, заросшие, они походили один на другого.

— Идем разобьем браслеты. — И Мазур пошел к камням, которые выглядывали из-под хвои на крутом склоне. Остальные двинулись за ним.

Седой ворчал на ходу:

— Надо же умудриться! При наступлении в плен попасть.

Резко обернувшись, Мазур почти столкнулся с Иваном и почувствовал: до боли сдавили браслеты его запястья.

Ричард протиснулся между ними, спиной к Мазуру.

— Ты, седой, к нему не лезь.

— Видали мы таких храбрых, — усмехнулся стоявший рядом Семен. — Ты же, сука седая, капо сапоги чистил.

— Пошли вы к черту! — сказал седой. — Давайте браслеты снимать.

Они подошли к камням. Мазур опустился на колени и положил сцепленные сзади руки на острую грань скалы.

— Возьми, Ричард, булыгу, стань ко мне спиной и тюкай по браслету.

— Я ж руки тебе разобью.

Тогда Мазур сказал, чтобы Семен и Иван стали по бокам и корректировали удары.

Сталь на браслетах оказалась хорошей. Ричард с полчаса бил то по наручникам, то по рукам, прежде чем разбил оковы Мазура. Потом дело пошло быстрее.

Расковав руки, беглецы спустились к ручью. Они напились и вымылись.

Солнце разогнало облака. Наступал погожий день. Стало тепло.

Вместе с теплом пришла усталость. Только теперь сказалось напряжение ночного бега в темноте. Предательское сонливое безразличие сковало и Мазура. Даже есть не хотелось.

— Идите! — вдруг громко сказал Иван. — Оставьте меня и идите! Идите к черту! Скорее уходите отсюда! Сейчас сюда придут с собаками.

— Ночью был дождь. Собаки не смогут взять след. — ответил Мазур.

Ричард молча поднялся и вошел в ручей. Он стал рвать осоку и обламывать белые сочные стебли, где листья выходили в трубку. Он принес целую охапку:

— Давайте завтракать, товарищи.

Мазур взял белый стебель, сунул его за щеку безо всякого аппетита. Хотя они пили много воды и у ручья жара чувствовалась не так сильно, а лишь размаривала, расслабляла, во рту было сухо. Мазур не почувствовал в осоке никакого вкуса.

В кустах послышался шорох.

Беглецы окаменели. Усталость, сонливость как рукой сняло. Все четверо переглянулись и сжали в пальцах камни, приготовившись дорого отдать свою жизнь.

Ветви ивняка дрогнули. К ручью вышла лань, светло-желтая, словно песок под солнцем. Она втянула воздух нервно шевельнувшимися ноздрями. Фыркнула. Медленно и очень осторожно ушла. Только веточки еще несколько мгновений подрагивали.

— Пронесло, — тихо сказал седой.

Ему никто не ответил. Каждый потянулся к кучке белых стеблей осоки и стал медленно жевать. Только сейчас Мазур ощутил сладковатый вкус травы, островатый даже чуть-чуть и теперь напоминавший детство, тихие заводи реки за садами. И весь мир, окружавший до этой поры Мазура, как декорация, как цвет без запаха и вкуса, без звуков даже, наполнился, неожиданно и радостно, дыханием слабого ветра, тугим пошумом недалеких сосен и духом смолы, сыростью тенистых берегов.

Он заметил, что и его спутники точно ожили, глаза заблестели, движения стали увереннее.

— Идти, идти надо. Я обязательно дойду до России. Счет у меня на фашистов большой. Всю жизнь мстить, и детям останется, — заговорил седой. — Девочку они мою убили. И жену.

— Неуравновешенный вы человек, — сказал Ричард.

— Сопляк ты.

— Разговорчики! — сказал Мазур. — Слушайте. Днем мы сегодня отдыхаем...

— Нельзя! Нас же ищут!

— Прошу не перебивать. Ищут нас на восток от лагеря. А мы ушли на юго-запад. Ночью повернем на север.

Заметив, что седой едва сдерживается, Мазур поднял руку, требуя молчания.

— Мы обязательно пойдем сначала на север. Потом свернем на восток. Выйдем к границам Судетской области. Там начинается Чехословакия.

— А там не фашисты? — не выдержал седой.

— Там прежде всего чехи. Они помогут.

Мазур помолчал, ожидая, что кто-либо возразит, но даже Иван не стал спорить.

— Пойдем ночами. Днем — спим. Дисциплина армейская. Ясно? Что у тебя? — спросил Мазур, поймав тоскливый взгляд Ричарда.

— Может, нам все-таки уйти отсюда? Больно близко от лагеря. А?

— Нет, Ричард. Где гарантия, что через триста метров мы не натолкнемся на местного жителя? На собаку, которая поднимет шум? Движением мы только выдадим себя. И надо отдохнуть.

Они заползли в густые кусты ивняка, в холодок.

Мазур пытался заставить себя уснуть, но сна не было. И усталости тоже не было. Испуг, вздернувший их нервы во время появления лани, пересилил усталость. Мазур подумал даже, что появление лани очень хорошо. Она зашумела в кустах вовремя.

* * *

На поляне в лунном свете стояли странные сооружения. Свет луны был так ярок, что даже издали можно было разглядеть цвет соломы.

— Да это же улы... — прошептал Мазур, стараясь унять дрожь.

С полчаса назад они переплыли неширокую реку. Вода в ней была еще довольно холодна, и они крепко простыли.

— С-собак вроде нет, — заметил Ричард.

Справа от поляны виднелся двухэтажный дом. Луна касалась краем его острого шпиля. Дом, наверное, был старый — весь из пристроек, переходов, полукруглых башенок.

— Собак немцы больше в комнатах держат. — ответил Семен на замечание Ричарда.

— Подождите, — пре-

дупредил Иван и осторожно двинулся к ульям. Он тенью скользнул по поляне и через минуту возвратился с сотами.

— Ук-кусят, — простучал зубами Ричард.

— Ночью пчелы спят, — ответил Иван с полным ртом.

Меду в сотах еще почти не было, жевали воск.

— Можно на разведку, майор? — спросил Ричард.

— Давай.

Ричард двинулся вокруг поляны, держась в тени деревьев. Пробирался он быстро и совсем бесшумно, будто растворился в свете и тенях лунной ночи.

— Понятно, почему его в разведчики взяли, — процедил Семен. — Знает дело.

Неожиданно из тени дерева, у которого они ждали разведчика, прозвучал голос Ричарда, хотя никто не заметил, как он подошел к ним вплотную:

— Идемте!

— Что там? — спросил Мазур.

— Кладовочка. Жратва. Одежи полно.

— Это воровство, — вдруг сказал Иван.

Мазур неожиданно для себя процедил:

— Стой на шухере, — и только почти у самого дома понял, что бросил седому словечко своих беспризорных лет.

Ричард остановился:

— Вот.

Окно в подвал находилось на уровне с землей. Переплет рамы был частый, деревянный. Несколько стекол вверху и внизу рамы не хватало. Мазур дотронулся до рамы. Она была липкая:

«Медом стекла намазал и выдавил. Чистая работа».

Ричард открыл окно и юркнул вниз. Мазур последовал за ним. Семен тенью двигался третьим. Пошли по узкому коридору, свернули за угол. Ричард рукой остановил их:

— Фонарик зажгу. Я уже раздобыл.

Желтое пятно света, показавшееся ослепительным, уперлось в дверь.

Ричард прошел в кладовку первым, с видом молодого хозяина, уже отлично изучившего то, что ему принадлежит.

— Прежде всего одеться, — приказал Мазур.

Подойдя к шкафу в стене, Ричард открыл дверцу. Там висело костюмов двадцать. Мазур потрогал рукой материал. Он был добротен. Они выбрали костюмы по своему росту. Примеривая, Семен вдруг хихикнул:

— Русский! Костюм-то наш!

Мазур посмотрел на марку отобранного им костюма — французский.

— Не дом — универмаг, — фыркнул Ричард.

Семен, видимо слишком придирчиво рассматривавший свое одеяние при свете карманного фонарика, заметил:

— Не новенькие они, вещички-то. Может, из лагеря какого?

— Хватит болтать! — сказал Мазур. — Рубашки ищите. Белье. Обувку.

И это нашлось.

— Гастроном в следующем зале, товарищи покупатели.

— Брось острить, Ричард, — прошипел Мазур. Ему очень не нравился этот бюргерский, набитый барахлом особняк. Кто знает, откуда натащили все это хозяева, а ты даже подпалить его не можешь — нельзя, шуму слишком много будет.

Открыв один из ящиков, Семен вдруг загремел металлом.

Ричард погасил фонарь.

В доме по-прежнему стояла тишина, словно он был необитаем.

— Парабеллум! Парабеллум нашел! — прохрипел Семен.

— Ну! — воскликнул Ричард. — Живем, братцы!

— Пора уходить, — сказал Мазур. — Главное — оружие достали. Не мечтал даже. А жадничать нечего. Все равно всего не унесешь.

— Еды бы побольше...

— Два рюкзака. Чего жадничать! На жадности все вору влипают, — шепнул Ричард.

— Идем, Семен.

— Иду, майор, иду.

Они выбрались из окна и снова теновой стороной поляны прошли к тому месту, где их ждал Иван.

— Нахапали! — встретил их тот.

— И сотой доли своего не взяли, — ответил Семен. — А лучше ты помолчи.

Мазур несколько секунд стоял приплюхиваясь, потом сказал:

— Тут, внизу, вроде болото есть. Туда и пойдем.

Они двинулись вниз. Когда переходили дорогу, за поворотом сверкнули фары автомобиля. Тогда они побежали быстро, задыхаясь от тяжести рюкзаков.

Только через час под ногами захлюпала вода. Беглецы вошли, наконец, в болото. Оно уже окутывалось предрасветным туманом. Продвигались без тропы, часто петляли, обходя топкие места. Мазур боялся одного — что рассвет застанет их на открытом месте.

Они остановились, когда вошли в мелкий ельник, густой и пахучий.

Тут их и застал рассвет.

Ричард достал из своего рюкзака бритвенный прибор, зеркала, ножницы и трое часов.

Умывшись в болоте, беглецы переоделись и приобрели вид вполне цивилизных людей, а шляпы скрыли стриженные волосы.

Настроение было бодрое. Однако Мазуру не нравилась излишняя возбужденность Ричарда.

Завтракали по-королевски. Головка сыра оказалась голландской, копченая колбаса, по мнению всех четверых, была явно не немецкого происхождения. Две бутылки вина, оплетенные в соломку, — итальянские.

К десяти часам утра туман над болотом растаял.

Как и предполагал Мазур, они оказались далеко от берега. Кругом была открытая местность с редкими купами ивняка, которая хорошо просматривалась. Это еще больше убедило их в безопасности и улучшило настроение.

— Вы отдыхайте, — сказал Мазур. — Я подежурю первым.

Ему действительно не хотелось спать.

— Приятно отдыхать «под небом Шиллера и Гёте», — сказал Ричард.

— Дурак ты, — отозвался седой.

— Я не шучу, — ответил Ричард. — Над концлагерями совсем другое небо. И над фашистами тоже.

Семен ничего не сказал, только вздохнул. И все замолчали.

Мазур лег на бок и подпер голову рукой. Ему вдруг припомнился очень живо разговор с Отто о Достоевском. Он вспомнил фразу, которую не сказал: «Я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». Это сказал другой герой Достоевского, из «Сна смешного человека».

Ричард забормотал во сне.

Обернувшись к нему, Мазур увидел разгасившееся лицо, крупные капли пота, выступившие на висках парня. Мазур подошел к нему и потрогал лоб.

Потревоженный движением, проснулся Семен. Сел. Потряс головой, потер руками лицо.

— Тихо?

— Ричард заболел.

Седой поднял голову.

— Очухается. Надо же нам идти.

— Иди ты... — послал его Семен.

Попробовали разбудить Ричарда. Тот открыл глаза, но не узнавал никого.

— Плохо дело, — сказал седой.

Остаток дня прошел в тревоге.

К вечеру Ричарду стало хуже. Он вскрикивал в бреду, рвался. Холодные компрессы, которые Мазур и Семен прикладывали к его лбу, помогали мало.

После теплого дня над болотом поднялся густой липкий туман. Он казался удушливым даже Мазуру.

Ричард затих, только дышал взхлеб, с присвистом. Его укрыли плащами, но и под ними тело парня билось в ознобе.

— Помрет он к утру, — сказал Иван серьезно.

— Каркай! — окрысился Семен.

Мазур промолчал. По его мнению, Иван на этот раз мог быть прав. Ричард слишком быстро и навсегда поверил в освобождение. Он твердо уверил себя, что с ним не может случиться ничего плохого. У него неокрепшая, неопытная душа, чтобы выжить в этой заварухе, когда каждый день приносит такие повороты в жизни, что и у опытного, закаленного в боях и невзгодах человека порой кружится голова.

Ричард поверил в свое окончательное и бесповоротное освобождение, в то, что они непременно спасутся и выйдут к своим через всю Европу и он опять сможет бороться, но нервы его сдали. Да, просто сдали нервы. Мазур знал и это. Он сталкивался с такими вещами. Бывало, что солдат, проведенный не одну ночь в снегу, заболел в отпуске оттого, что промочил ноги. У солдат на отдыхе часто вскрываются старые раны.

— Темно...

Это сказал Ричард.

Трое подались к нему.

Ричард сказал:

— Умру ведь я... Темно. Вас не видно. Огонечек бы...

Мазур сунул руку в карман, помедлил мгновение, выхватил коробок и чиркнул спичку.

Свет ослепил их, блеклый в радужном ореоле тумана.

— Братцы! — крикнул Ричард, дернулся на огонек.

Спичка еще горела, когда Ричард откинулся навзничь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поезд шел очень медленно, подолгу задерживался на станочках, тащился еле-еле на перегонах. Оконца товарных вертушек были оплетены колючей проволокой и закрыты наглухо.

Узников так плотно набили в вагон, что не только сесть, но и пошевелиться было невозможно.

Жарким августовским днем в вертушке стояла духота. К вечеру первого дня, как поезд вышел из Праги, от удущья умер сосед Мазура, сухонький пожилой человек,

видимо ботаник. В горячем бреду удушья он беспрерывно повторял по-латыни названия каких-то растений и рвался, крича, чтобы его выпустили из дебрей тропического леса.

Потом он затих и обмяк, но упасть на пол вагона не мог. Просто у него чуть подогнулись ноги, а труп так и висел между живыми. Часа через два наступило трупное окоченение, и бывший профессор ботаники стоял совсем спокойно, не шевелясь и не переступая с ноги на ногу, как остальные.

Прошел еще день пути.

Наконец поезд остановился. За стенками послышались резкие выкрики команд.

Дверь с визгом отодвинулась.

— Шнель! Шнель!

В длинной веренице людей Мазур медленно продвигался к эсэсовцу в белом халате, который осматривал вновь прибывших.

По мере продвижения к столу, за которым сидел человек в белом халате, говор смолкал. Люди с некоторым недоумением и каким-то глухим инстинктивным страхом присматривались к тому, что делает эсэсовец в белом. И перчатки у него на руках были тоже белые. Он деловито ощупывал подходящих, просил открыть рот, осматривал зубы, потом легким движением руки в белой перчатке показывал, куда отойти: направо или налево.

Налево отходили те, кто еле двигался, престарелые, признанные больными.

Подходя к столу, прибывшие старались выпрямиться, взглянуть бодро, потому что на тех, кто отходил влево, было больно смотреть.

Человек в белом дернул рубаху на поясе Мазура, взглянул на живот и махнул влево. Но прежде чем он это сделал, Мазур уже шагнул направо, в полной уверенности, что его пошлют туда.

— Цурюк! — рывкнул эсэсовец.

Мазур остановился, глянул на врача. Тот уже осматривал другого. Мазур для него уже не существовал.

— Шнель!

Мазур сжал зубы и шагнул влево.

Неожиданно врач оторвался от осмотра и сказал:

— Ревир.

Откашлявшись, словно с последним вздохом он проглотил слишком много пыли, Мазур отошел к маленькой группе, потлившей слева, но отдельно от остальных.

«Значит, еще потяну... — подумал Мазур. — Выкарабкаюсь вроде».

И оглянулся. Огромная низменность, чуть наклоненная в сторону реки, поблескивающей в отдалении, была застроена аккуратными рядами бараков. Скопления строений отделялись одно от другого рядами колючей проволоки. Они образовывали что-то вроде вагонов. На юго-западе виднелся какой-то другой лагерь. Там стояло десятка полтора кирпичных двухэтажных зданий казарменного типа. Около них росли деревья.

Наконец их погнали к баракам. Еще издали Мазур заметил, что у дверей одного строения навалена куча длинных поленьев. Четверо заключенных в полосатых робах брали поленья и аккуратно укладывали в кузов машины. Однако, приближаясь к бараку, Мазур понял, что поленья — это трупы.

Разговоры в толпе идущих смолкли.

Когда проходили мимо кучи трупов, которые грузили в машину, старший конвоя заметил, что новички отворачиваются. Он остановил колонну и заставил всех повернуться лицами к мертвым.

— Всякий, кто переступил порог Аушвица, должен уметь видеть свое будущее, — старший конвоя сказал это без всякой насмешки, тоном человека, повторяющего надоевшую истину вроде: «Мойте руки перед едой». — Форверт!

Узников погнали к другому входу в барак. Там их выстроили в шеренгу, заставили раздеться и выдали лагерные робы в продольную коричневую полосу. Потом погнали в барак. В помещении было темно и смрадно. Трехъярусные нары до потолка поделены на клетки шириной в метр.

Люди толпились в проходе, не решаясь забираться на грязные нары.

В барак вошел капо, крижистый мужик с дубинкой:

— На место! По двое в ячейку! Быстро, быстро!

Для вящего примера капо прошелся палкой по головам и спинам близстоящих. Кто-то взвизгнул, кто-то застонал. Остальные с обезьяньей ловкостью стали карабкаться в верхние ярусы, подальше от палки.

Мазур юркнул в нижнюю ячейку. Он по опыту знал, что от палки капо все равно не спрячешься, и постарался только скорее выполнить приказание. Но делал он все машинально, не думая, словно не он, а кто-то другой совершает это, в то время как сам — настоящий Мазур, не его послушная тень — очень внимательно приглядывался к происходящему, стараясь уловить в нем систему, метод, привычки, отличающие этот лагерь от других, виденных им.

В ячейку рядом с Мазуром втиснулся тощий и длинный, будто жердь, чех:

— Простите за беспокойство, но велено лечь по двое. Я не особенно тесно вас. Наверх мне не забраться.

— Ничего, ничего...

Мазур еще несколько раз повторил это слово. Три годных дня пути, страшное сегодня. Сознание словно качалось на качелях.

Сосед Мазура пылал. От него несло горячечным жаром, словно от печки.

Мазур погрузился в сон, будто в воду.

Его разбудила испанская речь.

— Этот мертвый, — сказал один.

— А тут оба умерли, — отозвался второй.

— Сегодня очень много покойников, — снова проговорил первый.

— Амиго мио! — шепотом воскликнул Мазур. — Амиго мио! Камарада! Вен аки, камарада!

— Ты слышишь? — спросил первый испанец.

— Кто это? — удивился второй.

— Это я! — сказал Мазур и открыл глаза. «Это сон, — подумал Мазур. — Всего только сон», — и очень крепко вслух выругался по-испански, как ругаются только в Мадриде, в квартале Карабанчель.

И вдруг наяву услышал испанскую речь:

— Мадридец? Ты мадридец!

— Я не мадридец. Я русский, — все еще плохо веря своему слуху, проговорил Мазур. Он ответил просто так.

— Русо?

Мазур обернулся так резко, что болью залило весь живот.

— Вы испанцы?

Перед ячейкой Мазура стояли два пожилых человека.

Испанцы переглянулись.

— Ты мадридец? — опять спросил один из них.

— Русский, — ответил по-испански Мазур. — Я воевал в Испании. Я был советником командира танкового батальона Хесуса Аревала. Вы галисийцы?

— Да, — сказал тот, что стоял ближе к ячейке.

А второй поинтересовался:

— Откуда ты узнал, что мы галисийцы?

— В нашем танковом батальоне были галисийцы.

— Плохо, что ты русский, — сказал галисиец, что стоял ближе к Мазуру.

— Русским в Освенциме очень плохо! — подтвердил второй. — А рядом с тобой, тот, кто умер, тоже русский?

— Нет. Чех. Николай Темнохуд, — вспомнил Мазур имя, которое назвал чех. Он потрогал рукой холодное тело рядом.

— Теперь ты Николай Темнохуд. Лежи тихо. Когда спрятать, кто ты, отвечай: Николай Темнохуд.

Испанцы исчезли.

Стоило им уйти, как Мазур подумал, что весь разговор был галлюцинацией.

Через некоторое время перед ячейкой появился эсэсовец. Испанец, бывший рядом с ним, взял руку Мазура, закатал до локтя рукав куртки. Эсэсовец проговорил какой-то длинный номер по-немецки и резко, словно предплечье было куском дерева, отштемпелевал игольчатыми штампами номер: 126326.

— Ты понял, ходячая тень? Ты номер 126326! — сказал эсэсовец по-немецки.

— Ихь ферштейн... Ихь — номер... — И Мазур повторил свой номер по-немецки.

После ухода эсэсовца Мазура бросило в озноб. Теперь у него не оставалось сомнений, что он заболел: даже сквозь вонь барака он чувствовал гнилостный запах от раны на животе.

«Напрасно старались ребята, — подумал он о себе, будто о постороннем. — Напрасно... Все равно мне как...»

— Велел Богдан Хмельницкий застелить огромную площадь соломой, — рассказывал Мазур. — И приказал собрать со всей Украины самых отъявленных лентяев. Явились они в назначенный день на площадь и первым делом прилегли. Гетман тем временем повелел поджечь со всех сторон солому на площади. Подберется огонь лентяю под бок — вскочит тот и бежать. Все разбежались. Остались только двое. Огонь всюду бушует. Вот и стал один лентяй кричать: «Горю! Горю! Спасите, люди добрые! Горю!» Лень подняться. А сосед толкает его в бок и просит: «Гукне, друже, за мене. Я теж горю!»

Сосед Мазура по кранкенбау Вася Ситников уткнулся в подушку и всхлипывал от смеха. И на койках поодаль, те, кто хоть немного понимал русский, поохивали от хохота. Несколько поляков и чехов стали смеяться чуть позже, когда им пересказали содержание. Последним улыбнулся авиатехник Джон, для которого анекдот про лентяев пришлось переводить на английский.

Мазур остался очень доволен, что ему удалось расшевелить больных.

Кранкенбау, или лагерную больницу, вряд ли можно было считать лечебным учреждением. Но с той минуты, как Мазур с помощью испанцев получил номер чеха, он ни на секунду не переставал чувствовать невидимой, но твердой поддержки. Он не знал, по чьему указанию и с чьей помощью очутился на тринадцатом блоке Штаммлагеря. Ночью, когда он почувствовал себя совсем плохо, около него на нарах появился врач, а утром его уже оперировал хирург-поляк. Он догадывался: те, кто помогал ему выбраться из лап смерти, отлично знали, что он совсем не чех, а советский офицер, и в то же время все делали вид, что он чех и только чех.

Каждый вечер Мазура потихоньку уводили из лазарета в один из блоков. Там в полной темноте он рассказывал и рассказывал о битве на Волге.

Он начинал с того, как их бригада готовилась к наступлению еще осенью, ранней осенью, под Муромом. Он рассказывал, какая стояла осень, как пахли осенние леса, как была организована учеба и построено взаимодействие танков с пехотой, как с тралами учились преодолевать минные поля, как артиллерия, авиация и танки учились работать на пехоту в полосе переднего края и в районе артиллерийских позиций противника.

По вздохам, по легкому покашливанию, которое слышалось то вблизи, то в концах блока, Мазур ощущал напряженное до болезненности внимание, с которым его слушали.

И в темноте перед его глазами словно прокручивался фильм — все виденное и запомненное им. Он даже не представлял, что так много помнит всего: и бойцов, и командиров, и какая была погода в тот или другой день; и как к его ногам упала шишка с ели, сорванная белкой; и как белка сердито уркала на вершине; и как пахнут сложенные

в поле снопы; и что по утрам стволы танковых пушек покрывались крупными каплями росы, а потом изморозью.

Невероятное количество вещей, оказалось, помнит он. И каждая была большой и главной, была Родиной.

Сегодня поутру в палату к нему зашел Саша Гусев. У него на нагрудном кармане был русский винкель. Мазур вспомнил, что видел его в ту страшную для себя ночь перед операцией, рядом с врачом-поляком. Но каким образом Гусев попал тогда в тринадцатый блок, для Мазура оставалось тайной. После отбоя передвигаться по лагерю запрещалось под страхом смерти. Впрочем, не было проступка для заключенного, который карался бы меньшей мерой. И если в лагере для военнопленных Мазур далеко не сразу и не полно ощущал двойную жизнь лагеря, то здесь он вошел во вторую невидимую, но главную жизнь лагеря.

Пребывание в кранкенбау, которое помогло Мазуру поддерживать силы, сделало еще одно большое дело — исподволь ввело его в лагерную жизнь. Если бы не эта проявившаяся сразу поддержка, он не представлял даже, как бы обернулась его жизнь. Вернее, какой была бы его смерть. В Освенциме для заключенного существовал только один выход — на люфт. Работа, физическое истощение и — крематорий.

Пока он находился в кранкенбау, жизнь лагеря еще не коснулась его. И он был уверен: коли в Освенциме есть хорошо организованное подполье, то возможен и побег.

Саша Гусев приходил к нему утром предупредить о выписке: в кранкенбау эсэсовцы наместили проведение селекции. Так называлась акция по уничтожению больных. На блок — двухэтажные здания из красного кирпича, скопление которых Мазур видел с перрона в день своего прибытия, — он попал под вечер. Он шмыгнул в дверь, когда перед блоком еще шел вечерний аппель. Заключенные, сняв колпаки, стояли шеренгами. Перед строем на асфальте лежали три трупа, видимо умерших на работе.

В помещении, пустом и гулком, стояли такие же трехъярусные нары, как и в карантинном блоке в Биркенау, так же разделенные на ячейки. Мазур сделал несколько шагов и услышал тихий вздох:

- О господи!
- Кто здесь?
- А кто вы?

Перед Мазуром стоял согбенный, сморщенный, совсем усохший человек. Когда-то он, видимо, был полным: высохшая кожа свисала со скул.

— Вы дежурный? — спросил Мазур.

— Разве еще кто-нибудь может здесь остаться и не угодить в трубу?

— Цуганок я, новичок...

— Вы думаете, я не вижу?

На нагрудном кармане дежурного Мазур разглядел винкель еврея. Дежурный хотел еще что-то сказать, но на ле-

стнице послышался топот деревянных колодок. Окончился аппель. Дежурный куда-то исчез. К Мазуру подошел заключенный с винкелем русского:

— За углом тебя ждет Гусь.

— Иду.

Спустившись на улицу, Мазур увидел щуплую, совсем подростковую фигурку Гусева. Он прохаживался по дорожке между блоками. Некоторое время шли рядом. Потом Гусев стал задавать вопросы: откуда он, где воевал, кто командовал бригадой, как попал в плен, в каких лагерях находился до Освенцима, как и с кем бежал, где задержан? Мазур отвечал быстро, не задумываясь, сразу признав необходимость подобного допроса и не любопытствуя сам.

Он рассказал, что Иван, отчаявшись выбраться, решил остаться в Чехии, на пивоваренном заводе, где работало много иностранцев. Среди них было просто затеряться. А Семен... Семена убили во время преследования.

— Значит, ваш товарищ погиб. Один остался в Чехии ждать лучших времен, а второй погиб?

— Да. Мы, когда остались вдвоем с Семеном, стащили мотоцикл. Думали, что проскочим километров сто и бросим. Сто километров.

— Наивный вы человек...

— Если бы нам удалось...

— Поэтому и наивный, — сказал Гусев.

— Он не умел водить мотоцикл и сидел позади. Нам стреляли вдогонку.

— Доверчивы вы, майор, — неожиданно сказал Гусев.

— Я вас помню по той ночи.

— Это еще ничего не значит.

— Но вы приходили ко мне сегодня!

— Это еще тоже ничего не значит.

— У вас такая организация, а я не слышал, чтобы кто-нибудь бежал из Освенцима.

— Никакой организации нет.

— Хорошо. Пусть нет, — без споров согласился Мазур. Искоса посмотрел на Гусева. Ему только теперь в голову пришло, что все узники Освенцима похожи на подростков: голова каждого казалась непропорционально большой на узких плечах. Лицо Гусева было невыразительным, будто смазанным, его не заметишь среди сотен. Вот только глаза: голубые, с острыми точками зрачков. Но зрачки его казались острыми не всегда, а в те мгновенья, когда он ждал ответа на вопрос.

— Разве нельзя организовать побег?

— Вы приглядитесь, майор. Штаммлаг окружен такими мощными инженерными сооружениями, что линия Маннергейма. И это уже за столбами в два метра высоты и проволокой высокого напряжения. В двух километрах от первой линии — снова колючая проволока и сторожевые вышки. А еще дальше — патрули автоматчиков и собаки, натренированные на охоте за людьми. Это не так просто.

— Да можно придумать сто вариантов побега!

— Тише. За само слово вас могут засесть на «кобыле». Пойдите на кухню. Там спросите Витю Метра. Он вам передаст котелок с баландой. Вы ели сегодня?

— Нет.

— Вы можете потерпеть. Пойдете в свой блок, найдете там Миллионера. Он еврей. Он один остался в блоке.

— С вашей помощью его сегодня оставили дежурным и не гоняли на работу...

— Догадываться можно, но говорить об этом...

— Хорошо.

— Имейте в виду, Темнохуд, если вас застучают, забьют насмерть.

— Меня проверяли подобным образом.

— Вы все поняли? — спросил Гусев.

— Так точно. Разрешите идти?

— Только не поворачивайтесь по-военному, — чуть улыбнулся Гусев. — Здесь между заключенными это не принято.

Мазур был очень доволен оборотом дела. Если с первой встречи дали поручение, значит, как бы к нему осторожно ни относились, ему доверяют. Для него сейчас это было главным. Ни минуты, ни секунды не хотел он оставаться один в этом лагере. Ни мгновенья! А когда он будет не одинок, то, что бы ни случилось с ним, он будет твердо уверен: он оставался солдатом, он боролся, и гибель его не напрасна.

Он благополучно добрался с бачком до своего блока, даже остановился на минуту у толпы, собравшейся около входа, а потом шмыгнул на второй этаж.

До отбоя оставалось примерно полчаса. Мазур знал, что в эту пору заключенные имеют привычку проводить время на улице, чтобы подышать свежим воздухом, прежде чем их на всю ночь загонят в душный блок. Миллионера надо было накормить так, чтобы никто не видел, иначе ведь придется отвечать на вопросы, где достал баланду.

Сквозь рядно куртки Мазур ощущал слабое тепло бачка, а в нос лез дух распаренной брюквы, густой, казавшийся неимоверно сытным. Ему хотелось как можно скорее отделиться от бачка, который слишком вкусно пах.

— Идемте! — Мазур тронул Миллионера за плечо.

— И зачем я вам нужен, господин?

Мазур сунул под нос Миллионера котелок с баландой. Он не вынимал котелка, а дал понюхать его прикрытым. Миллионер двинулся за ним словно зачарованный.

В уборной, куда они прошли, едко, до пощипывания в носу, пахло хлоркой. Однако даже этот запах не мог победить духа брюквы.

— Держите.

— Вы это все отдаете мне? Вы смеетесь? Или вы думаете, что у меня остались те деньги?

— Ешьте скорее.

— Но у меня совсем нет никаких денег! — Миллионер взял в руки теплый бачок с баландой и прижал его к себе обеими руками. — Или вы ошиблись?

— Ешьте!

— Как можно? Вот так — всё? Вы смеетесь! — Он теснее прижимал к себе котелок с баландой. — Разве так можно? Все сразу?

— Никто не должен видеть!

— Боже мой! Я не могу все сразу — это сокровище! — Миллионер запустил заскорузлую руку в котелок, выловил несколько кусочков брюквы и спрятал их за пазуху.

— Ешьте. Сюда могут войти.

Но Миллионер будто ничего не слышал. Он наслаждался запахом вареной брюквы, он смаковал удовольствие приблизить ко рту еще теплый котелок с брюквенным бульоном.

— Могут. Конечно, могут! — Он, наконец, решился. Согнулся, будто у него не хватило сил поднять котелок ко рту, отхлебнул. Когда поднял глаза, лицо его было в слезах.

— Вы видели когда-нибудь счастливого еврея? Нет? Разве вы могли его видеть? И разве я был счастлив, когда владел миллионами? Да! Вы решили, что я сумасшедший? Нет? Я крупнейший делец из Салоник. Вы мне не верите? Вы верите! Я уже думал, что в двадцатом веке мою семью не постигнет участь моего деда, изгнанного Фердинандом и Изабеллой из Испании. Хорошенький век! Моя Рахиль тоже здесь. В десятом блоке. Я знаю, там ставят опыты...

— Ешьте! Ешьте, пожалуйста!

— Неужели вы не разрешите мне еще чуть-чуть погреть руки и живот? Похлебка совсем теплая.

В коридоре послышался стук деревянных колодок.

Миллионер одним махом выбросил себе в рот жижу от похлебки, и котелок исчез у него под курткой.

Дело было сделано, и Мазур собрался выйти.

— Простите! Простите! — Миллионер загородил ему выход. — И вы думаете, что у меня совсем ничего нет? Что я совсем-совсем беден? Нет! — Миллионер схватил Мазура за рукав. — Я заплачу вам!

— Перестаньте! — растерялся Мазур. — Успокойтесь!

Дрожащая пустыми мешками кожа на скулах, сморщенное и усохшее, в грязных потеках слез лицо старого еврея было в верхке от глаз Мазура.

— Смотрите! Я улыбаюсь!

И он действительно улыбался, широко, безумно-счастливо, и влага слез дрожала в морщинах.

— Сколько стоит здесь улыбка? Вы знаете?

— Спасибо, — очень серьезно ответил Мазур. — Спасибо...

— Печон. Меня зовут Печон? Пока зовут Печон. А разве после смерти меня будут звать иначе?

* * *

Утро было росным.

Против казарм через дорогу ковром стелился газон с бирюзовой травой. Клены выстроились от браны — входа в Штаммлаг до старого вахерая — бани.

По аллее вдоль газонов узникам разрешалось гулять только в воскресенье, когда эсэсовцы покидали лагерь и отдыхали в коттеджах, построенных поодаль.

На солнечной стороне, у казарм, роса на асфальте уже подсохла, а в тени деревьев осталась и почти точно повторяла их контуры. В траве газона — аккуратной, плотной, подстриженной — сверкали капли.

Мазур шел мимо газона, пошаркивая колодками. Со стороны могло показаться, что он бесцельно прогуливается, стараясь как можно спокойнее провести свободное время. Но Мазур спешил. В конце аллеи, у березки, невесть кем посаженной и прижившейся тут, по воскресным дням собирались русские. Не все, а те, кого приглашали. Для вида играли в карты, а сами разговаривали.

Еще издали Мазур заметил, что под березкой собралось человек пять: все в сборе, и чуть раньше обычного. И он бы не опоздал, да задержал разговором капо: по воскресным дням у Вильгельма бывало хорошее настроение после субботнего посещения пуфа, и он позволял себе минуты две «поболтать». Мазур был рад, что отделался всего тремя зуботычинами. Вильгельму не пришла в голову фантазия заняться им основательней.

Вилли не нацист. Он, пожалуй, ответил бы зуботычиной, если бы кто обозвал его так. Он убийца, но он не нацист. Он служит у нацистов. Он выполняет их приказы, а они пока сохраняют ему жизнь. Вилли наплевать на всякую политику.

Вилли не один. Таких в лагере десятки. Десятки добровольцев, в силу обстоятельств — пособников. Они помогают держать в страхе тысячи. И сами живут под страхом. «Думай о себе! Только о себе! Никто не подумает о тебе, когда настанет твой черед умирать!» — эта мысль постоянно вдалбливается в головы узников. И как только человек почувствует себя одиноким, как только он позволит себе посчитать, что для продления своей жизни имеет право взять кусок хлеба у соседа, он переметнулся к тем, кто уверен, что имеет право отнимать жизнь.

Если нацисты грозили смертью за любое проявление солидарности, то узники платили суровой карой за малейшую попытку спасти себя за счет другого. Украденная у товарища корка хлеба считалась равносильной предательству.

В кругу картежников под березкой Мазур увидел незнакомцев. Их было двое. Судя по винкелям — немцы. Еще один тоже был немцем. Его Мазур знал. Он не раз замечал, как этот третий, Фриц Локман, забегал на склад одежды и о чем-то разговаривал с Гусевым.

Гусев сказал:

— Вот он расскажет, как окружали армию Паулюса.

Один из незнакомцев повернулся к Мазуру:

— И тем не менее он здесь.

У того, кто это сказал, было длинное лицо, а голос полон иронии.

Мазур возмутился. Гусев предупредительно поднял руку.

— Нацисты сильны, — продолжал длиннолицый. — После отступления под Москвой они ответили ударом на юге. После зимнего отступления на Волге, надо думать, начнется ответный удар этим летом. Вы русские. И именно поэтому думаете, что победит Россия.

— Мы в этом не сомневаемся! — сказал Гусев. — Больше того. Где бы то ни было, мы будем делать все для победы.

— Таков ваш патриотический долг, — со спокойной безнадёжностью парировал длиннолицый.

— А ваш? — не сдержался Мазур.

— Наш долг — ждать, когда немецкий народ поймет и осознает необходимость социальных преобразований.

«Понятно, — подумал Мазур, — из социал-демократов.

Ничего не понял, ничему не научился. Неужели и здесь, дыша копотью крематориев, он верит в социальный прогресс без борьбы?»

Гусев спросил:

— Следовательно?

— Следовательно, борьба при этих условиях — чистейшее донкихотство, — с миной страдальца на лице продолжал незнакомец. — Если вы призовете всех броситься на колючую проволоку под током, это будет просто массовое самоубийство. Нонсенс!

— То, что вы говорите, действительно нонсенс, — очень выдержанно ответил Гусев. — Но организация побегов...

— Шансы ничтожны, а жертвы велики.

— Когда батальон поднимается в атаку, никто не знает, сколько останется в живых, — сказал Мазур. — Таков закон боя.

— Боя — да, — ответил длиннолицый.

— И здесь бой, а мы солдаты.

Несколько секунд длилось молчание.

— Поймите нас правильно, — проговорил длиннолицый. — Мы не против борьбы. Улучшение условий содержания узников волнует нас наравне с вами. Но то, что предлагаете вы, — авантюризм.

Гусев сказал:

— Мы не собираемся отказываться от вашей помощи. Нам она необходима. Нам необходимо единство.

— Единство...

Мазур отошел от сидящих.

Минут через двадцать он снова направился к березке, у которой еще играли в карты Гусев, Ситников, Локман. Видно, обо всем уже договорились. Расходились поодиночке. Гусев собрался последним.

— Дело есть, — сказал он, обращаясь к Мазуру. — Решили, что подготовкой побегов станешь заниматься ты.

Мазур сглотнул слюну.

— Согласен?

— Спрашиваешь!

— Спрашиваю.

— Да.

— Только уж, пожалуйста, действительно без авантюры все подготовить по-настоящему. Мы дадим тебе возможность побывать в лагере везде, где сочтешь нужным.

— Даже в Буне?

— О ней стоит больше всего подумать. Там охрана слабее, чем в Штаммлаге.

— Понятно, Саша! Спасибо. Думал я когда-то, что труднее всего из горящего танка выскочить. Ан нет. Есть места, откуда потруднее!

Гусев хлопнул товарища по плечу:

— Заводной ты, Петька! Но теперь крепись. Не мельтеши. Основательно, до тонкостей продумай дело. Потом мне скажешь. Я пошел.

«Значит, есть организация! — подумал Мазур. — И они поверили в возможность побега, несмотря ни на какие постенкетты, патрулей и овчарок. Выходит, это уже не просто мечта! Вырвемся!»

Рука Мазура легла на шелковистый ствол березки. Потом он взял в пальцы несколько веточек. Листья были предосенние, жестковатые, темно-зеленые. Они имели форму сердца с маленькими зазубринками по краям и, нагретые солнцем, пахли Родиной.

Неожиданно Мазур увидел, что прожилки на листьях и зазубринки пронизаны копотью. Жирная черная копоть покрывала листья. Копоть крематория.

«Родина, жди! Мы вернемся к тебе. Все вернутся к тебе. И те, кто выжил, и те, кто погиб. Никто не будет забыт».

* * *

Впереди показалась брама — вход на территорию лагеря. Вдоль шеренг засуетились охранники, колотя палками узников. Справа от входа, у домика вахты под серой шиферной крышей, толпилось, соблюдая чины и ранги, эсэсовское начальство. На шаг впереди всех стоял комендант Рудольф Гесс. Воротник его шинели был поднят. Так было всегда, даже летом.

Заключенным запрещалось глядеть в сторону начальства. Только в затылок друг друга. Но каждый день каждый видел лицо Гесса при проходе под брамой. И не было на свете казни, которую узник не мечтал применить к этому тощему ремесленнику смерти.

Привычно гремит музыка. Но слух не различает ее. Только ритмичные удары барабана эхом отдаются в сумеречном от голода сознании.

Уханье барабана удаляется. Краем глаза Мазур видит на стене блока косую тень соседнего здания, блеснуло в косо вставленном стекле заходящее солнце. В хорошую погоду апельсень не затягивается: он не будет мучением, еще одной пыткой. Другое дело в ледяной дождь и ветер.

Но апельсень все же затянулся. Блокфюрер Гейнц приказал принести к будке рапортфюрера деревянную «кобылу».

Строй узников замер.

У «кобылы» стоял Вилли и, зажав под мышкой железную трубу, обтянутую резиной, меланхолично закатывал рукава.

Наконец выкрикнули номера.

Есть в душе человека предел, который ограждает его даже от страха смерти, если этот страх постоянен. Боль — это сверхсильное ощущение жизни, но и она имеет порог, за которым перестает быть властной. Она настолько сильна, что выключает сознание. И смерть, если она неотвратимо стоит перед глазами, перестает быть устрашающей. Особенно если человек чувствует себя солдатом. А концлагерь не был пленом в его обычном понимании, в его идеальном понимании по статьям Гагской конвенции. Враг в концлагере оставался врагом, еще более лютым и ненавистным. Менялись условия борьбы, но война продолжалась.

И эти мысли, вернее, чувства переживал Мазур в те минуты, когда его товарищи принимали смертную муку. Только не было даже возможности крикнуть на всю площадь: «Слышу!», как кричал своему сыну когда-то Тарас Бульба. Но каждый знал: склоняется в это мгновение над смертниками незримая палачам Россия.

Троих забили насмерть. Их положили на асфальтовую дорожку рядом с телами тех, кто погиб сегодня на работе. Двое избитых Вилли еще оставались в живых. Их подняли так же бережно, как поднимают смертельно раненных на поле боя, и отнесли в кранкенбау. И те, кто относил их, были в полной уверенности, что там польские врачи, которые тоже оставались солдатами, сделают все возможное для спасения их жизни.

Мазур направился в бекладайку. Там, на складе грязного белья, у него была назначена встреча с Ситниковым и Гусевым. В полутьме из-за вороха пиджаков, брюк, рубашек и пальто вынырнуло лицо Кости. Мазура всегда поражало его лицо, сохранившее озорное выражение. В этом парнишке из Одессы жил вечный дух Фигаро. Он всем был нужен, и он мог сделать невозможное для всех.

— Порядок! — сказал Костя.

Поднявшись на чердак, Мазур пригляделся.

— Сюда, — позвали его из темноты.

В углу сидели трое. Мазур настороженно остановился.

— Подходи, — снова послышался голос Гусева.

Присев рядом, Мазур старательно стал разглядывать лицо незнакомца.

— Это Курт, — сказал Гусев.

Мазур порывисто протянул руку. Курт ответил твердым пожатием. Лица Курта разобрать было невозможно. Впрочем, Петр Тарасович подумал и о том, что Гусев специально назначил эту встречу так поздно. Осторожность — наипервейшее правило конспирации. Мазур знал, что этому Гусев сам научился у немецких коммунистов-узников. У них в этом отношении был куда богаче опыт, опыт горький, оплаченный десятками жизней. Потому их советы по правилам конспирации выполнялись неукоснительно. За полгода пребывания в Освенциме Мазур привык быть нелюбопытным и осторожным. Однако Гусев все еще считал его чересчур горячим. Мазур пробовал с ним спорить. Гусев отмалчивался. Он умел молчать удивительнейшим образом. Только изредка посмотрит на собеседника, и тот сам почувствует — зарвался, наговорил сгоряча, поторопился, не там ищет.

Шесть месяцев дум, разговоров, предположений не привели Мазура к точному решению задачи организации побега. Каждый раз риск оказывался слишком велик, а шансы почти ничтожны. Лишь последний из разговоров Гусев закончил осторожно:

— Стоит подумать.

Речь шла о попытке вырваться из лагеря через систему подземных коллекторов.

Сегодняшнее свидание тоже не радовало Мазура. Ведь неделя прошла впустую.

— Товарищи одобрили твой план, — тихо сказал Гусев.

Мазур обнял товарища с такой стремительностью, что тот охнул от боли:

— Тихо, тихо! Так и в кранкенбау попасть можно. А еще говорят, кормят плохо.

— Да я сейчас проволоку зубами перегрызу! Столб железобетонный сломаю! — Мазуру казалось, что яркий свет вспыхнул на чердаке.

— Чует мое сердце, — Гусев помотал головой, — подведет тебя твоя горячность.

— Ей-богу, не понимаю тебя, Саша. Никто в жизни еще не считал меня слишком горячим.

— Наверное, вы стали таким здесь, — заметил Курт по-немецки. — Здесь нетрудно стать слишком горячим.

— Может быть, может быть, — согласился Мазур. — Я постараюсь стать сдержаннее.

— Хорошо, — ответил Гусев. Но в тоне его Мазур не ощутил твердой уверенности в том, что это очень уж необходимо. Однажды Саша сам сказал Петру, как заразителен его оптимизм, будто частичка фронта горит в лагере.

Курт спросил:

— Вы знаете электротехнику?

— Простым электромонтером смогу быть. Танкисту и электротехнику надо знать. И токарем и слесарем могу. Радистом — тоже.

— Гут. Зер гут.

— Из Штаммлага нам по трубам вырваться не удастся.

— Почему? — удивился Мазур.

— Не удастся.

— Разве коллекторы, ведущие из Штаммлага, уже обследованы?

— Да, — ответил Гусев.

— Кем? Когда?

— Мною и Громовым.

Это сказал молчавший дотоле Ситников.

— Выходы коллекторов очень далеко. Они, по-видимому, где-то за Биркенау и Бундой. В них легко заблудиться, как в пещерах. Это первое. Во-вторых, пробираясь по ним надо около суток. Беглецов хватятся. Где гарантия, что эсэсовцы не догадаются, куда и каким способом пытаются беглецы выйти из лагеря? Тогда им останется только перекрыть выходы из коллекторов. Беглецы окажутся в мышеловке.

— Но ведь совсем без риска нельзя!

Мазур прижал руки к груди, словно умоляя товарищей. Тогда стал говорить Курт:

— По нашим сведениям, в Буне прокладывают подземные газовые магистрали. И электрические тоже. В руках тех, кто руководит работами, должны быть планы коллекторов. Иначе и быть не может. Иначе строители запутаются.

А с завода синтетического топлива, возведение которого заканчивается, надо сбрасывать отходы. По всей вероятности, их отводят в Вислу.

Гусев вздохнул:

— То-то и оно! Попробуй попасть в Буну. Команд из Штаммлага туда не посылают. Пробраться в Буну не менее трудно, чем за сутки пробраться по коллекторам туда и не заблудиться. Вот как.

— Опять тупик... — проговорил Мазур.

— Не горячись, — сказал Гусев.

— Да, — протянул Курт, — попасть в Буну очень трудно. Но не невозможно. В конце концов Штаммлаг — это Освенцим-I, Биркенау — Освенцим-II, а Буна — III. Все равно Освенцим. Значит, может представиться возможность из Освенцима-I попасть в Освенцим-III.

— Когда? — не выдержал Гусев.

— Мы не можем сказать точно.

Потом Курт сказал:

— Мы постараемся сделать это как можно быстрее.

Ушел Мазур первым.

Меж казармами дул сырой промозглый ветер. Мазура познабливало. Неожиданно мелькнула мысль, что он может простудиться. И Мазур быстрее засеменил в блок. Он прошел и почувствовал себя так, словно не был здесь давно, и удивился сумраку, мрачности, дикости окружавшего его мира. Ноги подкашивались. Точно лунатик двигался он по проходу между нарами. Подошел Громов:

— Что с тобой, Петро?

— Не знаю.

Он слышал вопрос сквозь ватный туман, и ответил, и повторил:

— Не знаю. Ничего.

Под утро, когда проемы окон проступили легкой, едва уловимой голубиной и вот-вот должен был раздаться сигнал подъема, Мазур вдруг вспрянул, затаил дыхание, но сердце застучало так сильно, что он проклял его стук. Мазур уловил в предрассветной тишине ночи нечто знакомое, но своеобразное, не вяжущееся со всем, явно противоречащее известному для него, но в то же время явственному, четкое.

Мазур услышал звук канонады.

Очень, очень далекий, похожий на гром и в то же время непохожий. Стояла ранняя весна. Грома и быть не могло. Взрывные работы? Не похоже. Может, слышится, чудится?

Резким движением Мазур толкнул соседа. А тот спросил:

— Слышишь?

— А ты?

— Я думал, сплю. Проснулся вдруг во сне, а сам сплю.

— Тихе.

Звук будто растворился, перестал быть слышимым.

Потом возник опять.

Непонятно почему, но Мазур ощутил: в блоке проснулись почти все. И с каждым мгновением просыпаются все новые узники.

В то утро вошедшие в блок капо были поражены, что не надо поднимать людей дубинками. Они встали сами.

Капо догадывались о многом. Они стали заметно смиреннее.

В то утро, когда узники то и дело останавливались на мгновение, чтобы уловить в тугом воздухе весны звук канонады, многие потеряли жизнь. Эсэсовцы свирепствовали с особенной жестокостью. А узники почти забыли об осторожности.

Но невозможно было понять, почему канонада слышна. Всего день назад польские подпольщики сообщили о взятии Львова. До Освенцима частям Советской Армии оставалось пройти еще много. Намного меньше, чем когда бы то ни было, но еще много. Ждали вечера, чтобы получить хоть какие-нибудь известия.

Сразу после возвращения с работ Мазур бросился разыскивать Гусева, но тот словно сквозь землю провалился.

Только перед самым отбоем Костя-одессит подошел к Мазуру и сказал, чтобы тот прошел к шестнадцатому блоку. Мазур тщательно присматривался ко всем встречным, чтобы не притащить никого «на хвосте». К Гусеву, прогуливающемуся как ни в чем не бывало, Мазур подошел сзади и пристроился сбоку, как бы обгоняя его.

— Товарищи решили как можно скорее выпустить из лагеря группу советских и польских офицеров для связи с польскими партизанами, — сквозь зубы проговорил Саша. — Будь готов.

— Что за стрельба в стороне Малых Татр?

— Толком не известно.

Мазур промолчал.

— Похоже, что карательная экспедиция против партизан.

— Судя по звукам, это перестрелка. И сильная.

— Все может быть.

— А Янек? Ты спрашивал у Янека? — спросил Мазур.

— Совинформбюро ничего не сообщало по этому поводу. Они разошлись.

С наступлением ночи отдаленный гул канонады словно приблизился, а потом стих. И не возобновлялся.

На другой день капо вымещали злобу за свой испуг.

Погода стояла серая. Ветер, перемешанный с дождем, выдувал из чахоточных остатков жизни. Проблески надежды, мелькнувшие было в душах узников, сделали лагерную обыденщину еще страшнее.

Двое из блока Мазура сами бросились на проволоку.

Через неделю на утреннем апелле блокфюрер выкрикнул двадцать номеров. Мазур услышал свой, и гусевский, и ситниковский, и громовский.

Мазур шагнул вперед. Сердце екнуло: неужели их действительно переводят в Буну, как обещал сделать Курт? Потом их построили отдельно.

Смотрели на них с состраданием. Никому еще подобные вызовы не сходили добром.

Конвоир крикнул:

— Форвертс!

Они шли отдельно от других колонн узников, маленькой группой, их повели в сторону Буны.

«Так и есть! Сколько же труда стоило товарищам сделать это!» — подумал Мазур.

Они прошли мимо стоявших у брамы эсэсовцев. Как всегда, Гесс с поднятым воротником шинели находился на шаг впереди остальных. И череп на тулье его фуражки выделялся четче и яснее, чем само лицо.

За воротами Мазуру открылся вид всего пространства, занимаемого лагерем, длинные, нескончаемые колонны людей, идущих по дорогам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Они пробирались на четвереньках. Их руки по локти погружались в жижу отбросов. Они дышали ртами. Так было легче переносить плотный запах.

Стояла темнота. Только у Гусева, двигавшегося первым, изредка вспыхивал фонарик, привязанный на голове веревочкой. Когда вспыхивал фонарик, то становились видны ослизлые стенки бетонной трубы и темная прозелень, свисавшая сверху.

Они пробирались по трубам коллектора к Висле.

Каждый из двенадцати беглецов думал только о том и жил только тем, что через час или два они выберутся на берег реки, быстро переоденутся в гражданскую одежду, узелок с которой болтался на спине у каждого; дождавшись темноты, преодолеют реку и уйдут в синеющие неподалеку Малые Татры. Там они встретятся с партизанами, явки к которым у них были, получат в руки оружие. Они станут настоящими солдатами. Потом они свяжутся с лагерем, чтобы подготовить восстание в Освенциме, и в день, когда узники поднимут оружие, партизанские части придут к ним на помощь. Из всех двенадцати человек, ушедших в побег, Мазур знал лишь троих: Гусева, Ситникова и Громова. С остальными они встретились перед началом побега.

Человек, ползший позади Мазура, глухо охнул.

Беглецы остановились.

Гусев повернулся и посветил фонариком.

— Пся крев! — выругался Вацлав. Из его ладони обильно текла кровь. Потом он опустил в отбросы здоровую руку и достал со дна отбитое доньшко бутылки с острыми краями, отодвинул его в сторону. Вацлав хотел оторвать рукав куртки и перевязать руку, но Гусев остановил его:

— Рубашку из узелка возьми.

— Вшистско едно, — заметил Вацлав.

— Рвать куртку не стоит.

— Скоро? — слышалось сзади из темноты.

Наконец Гусев погасил фонарик и бросил через плечо:

— Осторожнее, товарищи.

Теперь, продвигаясь вперед, Мазур почти не отрывал ладоней от ослизлого дна трубы, чтобы, если попадется под руку осколок стекла или зазубренный металл, отстранить его и не напороться.

В темноте трубы маячили у него перед глазами горные куртины, поросшие яркой майской травой, пестрящие множеством цветов одуванчиков, желтых, на мясистых ножках. Именно эти цветы, похожие на крохотные подсолнечники, плыли у него перед глазами в крошечной темноте. Он знал даже, что сделает, когда увидит одуванчик. Он сорвет его, разотрет в ладонях и станет нюхать горький до пощипывания в ноздрах запах.

Блеклый свет фонарика забрезжил впереди. Стал виден зеленый круг трубы и черный проем справа.

— Третий поворот? — послышался голос Гусева. Он всегда спрашивал, какой по счету поворот они проходят, начиная с первого.

— Третий, — ответил Ситников, ползший за ним.

— Здесь нам надо сворачивать.

— Да, здесь, — подтвердил Ситников. Он задыхался. Еще раньше при попытке бежать из Штаммлага ему отбили легкие.

— Да. Нам надо сворачивать в третью трубу налево после четырех поворотов вправо.

Мазур сказал это, не дожидаясь, когда его об этом спросят. Он просто знал — так надо. Так было на каждом повороте. Но это совсем особый поворот — последний.

Они свернули. И невольно поползли быстрее, не осознавая даже этого.

Где-то за извилиной просевшей трубы, впереди, забрезжил свет. Это еще была не отдушина, не выход. Влажные стенки трубы отражали яркий свет дня, свет воли.

Казалось, потянуло запахом реки.

Свет на стенках переливался бликами. Но Мазур понял, что это еще не отражение солнца от поверхности воды, это просто неровности стенки.

— Выход!

Это крикнул Гусев.

И внезапно ведущий остановился. Остальные в торопливом движении наткнулись друг на друга.

— Решетка... Выход зарешечен...

Гусев подался в сторону, словно вжался в стенку трубы, чтобы тот, кто двигался позади него, мог увидеть толстые, в руку, чугунные прутья, преграждавшие путь к свободе.

Увидев чугунные прутья, Мазур тоже подался к стенке вправо.

Однако Гусев, обождав самую малость, опять пополз вперед.

Они доползли до самой решетки. Она была вделана метрах в двадцати от окончания трубы, в последнем стыке.

Нижние ячейки решетки забились. Жижка переплескивалась через порожек и ровно журчала.

Ситников, стоявший рядом с Гусевым, просунул руку сквозь ячейку решетки и помахал неизвестно кому, а может быть, ему очень уж захотелось, чтобы хоть рука его несколько секунд побыла на свободе.

Потом Гусев и Ситников очень тщательно обследовали места, где решетка была вделана в трубу. Замес цемента оказался хорошим. Он нигде не выкрошился. Решетка была совсем новая, почти не тронутая ржавчиной.

— Сработано на совесть.

Это были первые слова после того, как Гусев увидел решетку, а проговорил их Ситников.

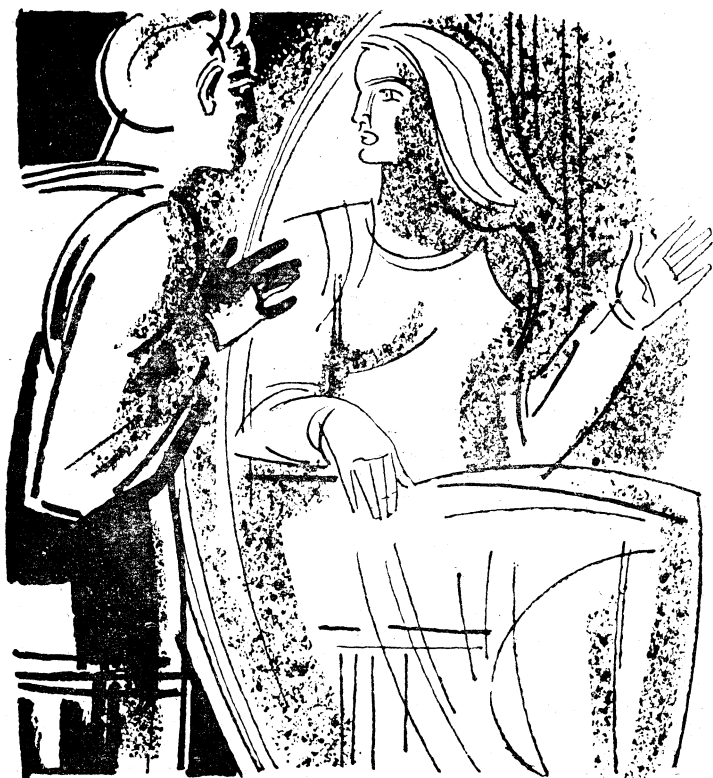
Задние, которые не видели решетки, находились в темноте и расспрашивали передних.

— Тише! — приказал Гусев. — Может, здесь над нами пост.

Постепенно все осознали положение, в котором очутились.

(Окончание следует)

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

СПУТНИК **„ШАГ ВПЕРЕД“**

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

Окончание. Начало см. «Искатель» № 2, 3 и 4.

Он подумал, что никак не может уйти от проклятого вопроса, почему же гибнут люди. Какая целесообразность в том, что, спасая другого, человек погиб сам?

И все же он знал — и в этом есть целесообразность, потому что есть пропасть между спасением себя и спасением другого; и второе из этих действий свойственно лишь человеку — и только в том случае, если он настоящий человек. И, значит, был в этом смысл, если даже человечество в целом ничего от этого не выигрывало количественно.

Торможение прижало его к стене. Затем в камере стали слышны гулкие звуки — катер вошел в эллинг. Люк распахнулся.

Кедрин шел по коридору к залу. Вернее, шагал скваммер — безотказно работали сервомоторы, и это было счастьем.

Сам Кедрин не смог бы сделать ни одного шага: усталость все-таки добралась до него. И еще один скваммер шагал рядом, и это было совсем уж дико, потому что человек в нем уже не жил, не мог шевельнуть даже пальцем, но скваммер шагал себе враскачку, и это было все равно, как если бы шагал мертвый. Мертвые не ходят на Земле, но здесь оказалось возможным и это. Кедрин отводил и отводил глаза, но они наперекор его воле все поворачивались и поворачивались в ту сторону.

Хорошо, что хоть сзади шли живые — экипаж катера и те, кто их встретил; и среди них тот, кто торопливо просунул руку в приоткрытую дверцу, и ощутил неживой холод бывшего монтажника, и включил автоматику, заставившую механический костюм двинуться вперед... Очень странным оказалось то, что дверца в спине броненосного одеяния была приоткрыта. Это объясняло, отчего умер человек, но не объясняло почему. Не могла сама раскрыться дверца, защищенная изнутри двумя предохранителями противоположного действия, да еще и заблокированная вакуум-блокером. Это означало, что разгерметизировать скваммер в пространстве можно было только намеренно, а значит... Кедрин сморщился: нет, нет!

Потом был знакомый зал, и Кедрин прошагал к своему месту № 283 и открыл изнутри дверцу, это было очень трудно — мешали два предохранителя, хотя вакуум-блокер и отключился, — и вылез.

Лицо человека мелькнуло перед ним, человека, которого везли на носилках. Лицо с острыми полукруглыми скулами, с закрытыми глазами и губами, изогнувшимися в улыбку, усталую и — странно, или это только показалось Кедрину? — торжествующую... Кедрин вспомнил, кому принадлежал номер на спине этого скваммера и чье это было лицо.

Он медленно шагал по коридору. Как из тумана, выплыла его дверь. Кедрин остановился.

— Ничего, — услышал он. — Все-таки ты потом доказал и поэтому останешься монтажником. Но это будет решать весь спутник...

Потом из непонятного всплыло лицо с безмятежно-наивными глазами и странно не соответствующей этим глазам складкой у рта, резкой и упрямой.

— Тебе было страшно, Кедрин? — говорил Велигай. — Страшно? Он погиб, Кедрин? Да?

— Не страшно, — через силу сказал Кедрин. — Глупо.

— Пока неизвестно. Но, может быть... Бывает и так. Но и неразумный поступок может быть оправдан...

— Я устал, как никогда в жизни.

— А тебе не кажется, Кедрин, что никто не гонит человека туда, где возникает угроза гибели? Он идет туда сам, и всегда будет так, и без этого не будет человека.

— Отстань, Велигай, — сказал Кедрин, в изнеможении вытягиваясь на своем диване. — Я тоже шел сам, но это было не легко...

Он уснул.

XVI

На орбите Трансцербера скорость сближения опять вернулась к первоначальному значению, и осталось необъяснимым, почему она на какой-то период времени увеличилась. Разгадка причины стала еще одной темой, на которую могли спорить исследователи. Однако они с каждым днем спорили все меньше и соглашались все чаще.

Капитан Лобов все-таки настоял на своем — капитану это не так трудно сделать, как полагают некоторые, — и Земля пока так и не узнала о внезапно ускорившемся было сближении. Ведь это означало замедление по неизвестной причине движения корабля. Никто не предполагал, что могло ускориться движение Трансцербера, — такого, как сказал один из исследователей, еще не бывало.

Впрочем, если принять во внимание странную вспышку на Трансцербере и непрохождение волн на Землю, то можно было и не удивляться тому, что какие-то непонятные силы задержали на два дня движение корабля. Жаль, конечно, что интеграторы, определявшие скорость корабля в принятой системе отсчета, не работали с момента выброса реактора и двигателей. Астрономические наблюдения не могли дать, вне возможной ошибки, ни пройденного расстояния, ни тем более увеличения или уменьшения скорости. Оставалось предполагать и радоваться тому, что этим предположениям ничто не противоречит.

Кстати, все это подтверждало мысль капитана Лобова: в пространстве еще полно таких вещей, которые и не сняты нашим исследователям. Да и что удивительного? Правда, уже минули столетия с того момента, как люди впервые вышли в пространство, сначала в Приземелье, а потом и дальше. Но что с того? Люди живут на Земле десятки тысяч лет (опять-таки, насколько им известно), а разве они сегодня знают все о Земле?

Исследователи согласились — они знают далеко не все. Правда, это их не очень трогало — Земля была не их специальностью, но вот то, что человек чего-то не знает о пространстве, казалось им личным оскорблением. Ну что ж, так оно бывает всегда... Капитан Лобов не спорил. Он несколько минут пребывал в задумчивости, потом встрепенулся и задал всем достаточно работы. Может быть, его приказание и не решали основной задачи — выбраться отсюда. Но они решали другую

задачу: не дать людям задумываться над тем, что такое ускорение сближения. Если оно однажды произошло, могло повториться и еще раз, и даже еще не раз.

Самому капитану тоже не очень хотелось думать об этом. Даже ему начинали лезть в голову idiotские мысли вроде той, что лучше было бы погибнуть когда-то на «Джордано». Там гибель прошла бы незаметно — была борьба, — и ждать ее было некогда. А здесь делать было нечего, и капитан Лобов не знал, чем займет он экипаж завтра. А занять было необходимо: трое членов экипажа и четверо исследователей были не дети и не новички и сами отлично знали — сближение может ускоряться еще сколько угодно раз, и никакая Земля не спасет. Надо было не дать им думать об этом, но капитан Лобов еще не знал, как это сделать — не позволить думать...

Это очень трудно — не думать о том, что ты сделал хорошего. Но неизмеримо труднее не думать о том хорошем, чего ты не сделал, и о том плохом и недостойном, что ты каким-то образом ухитрился насоздать. И Кедрин думал об этом все время с момента, когда он проснулся.

Монтажники собирались в кают-компанию. Здесь не было той торжественной и мрачной тишины, которая в старину была непременной спутницей такого рода собраний. Собрались вся смена и представители остальных смен, было теснее, чем обычно, и шумнее, чем обычно, и услышать, о чем говорят в каждой группе, не было возможности. Но о Кедрине не говорили. О нем не говорили вовсе не потому, что монтажникам безразличны были он сам и его судьба. Просто никто не знал всего о событиях.

Потом разговоры разом умолкли. Кедрина попросили рассказать о случившемся. Он сказал о том, как, нарушив правила, устремился, оставшись один, в сторону, чтобы издали полюбоваться конусом. В этом не было ничего особенного, человек впервые участвовал в монтаже корабля. Там его застал запах, и страх на миг охватил его, и он устремился прямо к кораблю и случайно заметил мелькнувшую возле конуса корабля фигуру в скамьере.

Он мог и не заметить этой фигуры, и никто не усомнился бы в его словах. Но он заметил эту фигуру и сказал об этом, потому что люди не лгут, а монтажники тем более. Он не говорил о том, что случилось после этого. Всем было известно: Кедрин отыскал и доставил на спутник мастера Ирэн и сразу же помчался на поиски второго монтажника, еще не зная, что это Холодовский... Об этом не говорил Кедрин и не вспомнил никто другой. Наградой за смелость служит сама смелость, но карой за трусость не может служить лишь сама трусость.

Он закончил, и все знали, что Кедрин рассказал о событиях так, как они запечатлелись в его памяти, а теперь делом каждого было внести поправки, необходимые хотя бы потому, что люди — если они настоящие люди — бывали в таких случаях строже к себе, чем заслуживали.

Начальник смены рассказал, как произошло дальнейшее. Сигнал тревоги раздался в то время, как мастер подлетала к ко-

раблю со стороны спутника. Она позвала, но Кедрин не ответил на ее вызов. Она не встретила его на пути к спутнику, и единственный вывод был: он находится внутри корабля и не принял сигнала тревоги. Тогда мастер, волнуясь за безопасность человека — он ведь мог выйти в момент наибольшей опасности, — бросилась внутрь корабля. Обшарив уже смонтированные помещения, она застряла в одном из узких — ремонтных — проходов: первого, внешнего конуса, заполненного еще не снятой вспомогательной арматурой. Пытаясь вырваться, она запустила ранец-ракету, ударилась фонарем о потолок и потеряла сознание.

Да, она поправляется. Монтажник из патруля, первым пострадавший от запаха, пострадал в основном по собственной вине: он почувствовал запах, но, поскольку озотаксор патруля не показывал ничего, монтажник решил, что ему кажется, и он не поторопился. Нет, ничего особенного: он ударился в скваммере плечом — вывих. Через два дня выйдет в пространство. Причины, по которым мастер действовала так необдуманно, не относятся к нарушениям техники безопасности. Это совершенно иные причины. Еще вопросы? Что касается озотаксора, он, начальник смены, не берется вынести заключение. Это сделают специалисты, а он, начальник смены, как всем известно, скульптор.

Кедрин сидел и думал, что говорят слишком много, что достаточно уже сказанного, пора кончать все и идти, бежать в ту каюту, где за прозрачной, но непроницаемой перегородкой, бесильно откинувшись, должно быть, на подушку, лежит она — милая женщина... Но все сидели неподвижно и напряженно слушали Дугласа, который был неразговорчив вовсе не потому, что ему нечего было сказать людям.

— Что до озотаксора, — говорил Дуглас, — то я тоже работал над этим прибором и ручаюсь за то, что он пригоден к работе. Если есть запах, то озотаксор его покажет. Я готов к любой проверке, и никто не станет говорить об Особом звене, что оно делает что-то не до конца.

Что же касается самого запаха, то мы полагались на Славу, и вы полагались на него и на наше правило: монтажники делают все, что можно, и стараются сделать еще кое-что и сверх этого... Но всякое отклонение от нормы есть отклонение, безразлично — к плюсу или к минусу. Слава был уверен в себе, может быть, слишком уверен, да и все мы были в нем слишком уверены. Я не знаю, почему он умер, это еще предстоит узнать, и до того момента не будем делать выводов — ведь сама по себе гибель не является ни искуплением, ни доказательством. И нет монтажника, который не знал бы этого...

«Что тут выяснять?» — подумал Кедрин. Он ручался Седову головой за правильность своей теории и эффективность защиты. Он не мог после этого прийти к Седову. Он испугался, пусть не смерти — ответственности. Следовательно, Слепцов прав — страх присущ природе человека. Ведь Холодовский один из лучших...

— Мы говорим, — продолжал Дуглас, — об ошибках двух наших товарищей, Холодовского и Кедрина, забывшего главное правило — в первую очередь думать о товарище. Поэтому мы

вспоминаем и ошибки, совершенные человеком, который останется лишь в памяти. Это не оскорбляет его памяти — наоборот, ее оскорбило бы, если бы мы не попытались извлечь благо для оставшихся из самого факта смерти. И надо, чтобы благо это было максимальным. Ошибка Славы была первой, но не зря же сказано, что ошибившийся монтажник перестает быть монтажником...

Все наклонили головы, и Кедрин тоже. Он больше не поднял головы.

— Кедрин еще только становился монтажником... («Почему он говорит в прошедшем времени? — с тоской подумал Кедрин. — Хотя не все ли мне равно теперь?») Я думаю, что ему надо дать возможность подумать обо всем: о прошедшем и о не случившемся. Нам сейчас дорог каждый человек, мы теряем время и теряем людей; и тем тяжелее будет для Кедрина наказание, если мы отстраним его от работы на монтаже Длинного корабля. Это очень тяжело, вы все знаете. Так считает Особое звено, или то, что от него осталось...

Дальше Кедрин не слушал. Он ожидал, что все будет иначе. Ведь в конце концов все же это он разыскал мастера, он лазил в пронизанное радиацией пространство за Холодовским... Что ж, для него все будет зависеть от того, что скажет Ирэн. Есть еще дела и на Земле...

Он вышел из кают-компании вместе с остальными. Кто-то похлопал его по плечу, кто-то утешил: запрещается работать, думать не запрещается... Кедрин покачал головой: теперь он привык и к работе рук. Потом он ускользнул в оранжерею. В той ее части, где росли сосны, он сел на траву, прижался щекой к стволу дерева.

Сосна должна была понять его — ведь это было одно из тех деревьев, что растут и на берегах Балтики, там, где был институт... Сосна должна была понять то, чего не поняли люди: что все это было случайностью, а то, что он поборол свой страх, было закономерно.

Но и дерево не поняло его — наверное, потому, что выросло здесь, в микроклимате оранжерей спутника Дробь семь, и даже понятия не имело о том, что такое Прибалтика и Институт связи. И Кедрин без сожаления оставил дерево и направился туда, где только и могли его понять, несмотря ни на что.

В медицинской секции гравитация была выключена, и Ирэн вовсе не лежала, беспомощно откинувшись, а полусидела на своем причудливо изогнутом медицинском ложе. Прозрачная перегородка была на месте, но ее взгляд ощутимо погладил Кедрин по лицу, и Кедрин опустил глаза.

— Что сказали ребята?

— Ты поправишься, — сказал он. — О чем можно еще говорить сейчас?

— Отстранили?

— Да.

— Это много... — грустно сказала она. — Конечно, ты не усидишь здесь.

— Наверное, нет. А ты?

— Что я?

— Тебе надо отдохнуть. Полетим на Землю оба. Там...

— О нет. Отдыхать я буду в лаборатории. А сейчас остается так мало времени... И гибнут люди. Корабль нужен. Значит, и я нужна тут. Кроме меня, никто не поставит так испаритель.

— Но после болезни тебя не допустят. И разве ты... мы?..

— Кто посмеет не допустить меня? — улыбнулась она.

Но Кедрин уже решил.

— Слушай... Ирэн, милая... Полетим на Землю. Там много дела, и оно не менее важно. Ты, наверное, уже забыла Землю, но ведь когда-то мы были там вдвоем... Она прекрасна, Земля.

— Да... — задумчиво протянула она.

— Вот видишь!

— Самолюбие, установщик Кедрин. Как это так — вдруг здесь будут обходиться без тебя! А мое самолюбие в том, чтобы остаться здесь.

— Пусть и это, — согласился он. — Но не только... Если ты любишь меня, ты поймешь...

— Я поняла... — Она говорила тихо и чуть грустно, и то, что ее голос доносился откуда-то сбоку, а не из-за звуконепроходимой перегородки, создавало впечатление, что она только беззвучно шевелит губами, а кто-то другой, умело принаравливаясь к движению ее губ, произносит печальные слова. — Я поняла... Нет, я не поеду с тобой. У тебя есть месяц для раздумий — это неплохо. И ты вернешься.

— Я, наверное, не вернусь, — медленно сказал он.

— Не верю. Что ж, мне больно, но решим так: каждый поступает по-своему. Увидим, чья любовь права. Видишь, я не скрываю, и мне страшно: ведь я не умею любить дважды...

— Я люблю тебя навсегда, — сказал он тихо и прижался лицом к холодной переборке, как будто ждал, что она уступит его напору. — Я никогда не смогу без тебя. Я люблю тебя и за то, что ты не соглашаешься, и вообще за все...

— Мы никогда не знаем, за что любим, — сказала она. — Но когда любим, знаем, чего хотим. Так мне говорила мать... Я так много хочу от тебя... Еще больше, чем пять лет назад. А ты уходишь... Я знаю, как любит меня Николай...

— Николай?

— Седов — называют его все. Если бы можно было любить за что-то! Никто не сделал больше, чем он, — ведь он не стар, а прожил по крайней мере две жизни.

— Человек, который не спит. Единственный из экипажа «Джордано», — сказал Кедрин.

— Почему? Здесь еще трое из экипажа «Джордано». Двое, — грустно поправилась она. — Теперь только двое... Холодовский, бортинженер...

«Они, — подумал Кедрин. — Конечно, они. Особое звено...»

— Они тоже не могли больше летать?

— Они могли. Но не хотели оставить командира одного. Они пришли с ним на Звездолетный пояс. Спутник Дробь семь начинали они, до этого здесь было что-то, они называют это «этажеркой», но я не знаю — меня тогда здесь не было.

— Ты здесь с того самого времени?

— Пять лет...

— Да, они настоящие. Кроме Холодовского. Он не выдержал.

— Не выдержал чего?

Кедрин, увертываясь от ставшего колючим взгляда, поднял глаза к матовому потолку, на котором дрожали блики света от скрытых светильников.

— Наверное, ответственности. Или это была совесть? Он создал свою теорию, все верили, а она оказалась ложной, защита против запаха — недейственной... Но все же покончить с собой...

Он умолок и невольно легким движением пальцев оттолкнулся от перегородки, видя, как светлеют, становятся похожи на лед ее глаза.

— Слава покончил с собой? Монтажник?! Запомните это, повторяйте это каждый раз до самой смерти, повторяйте дважды, трижды, тысячу раз в день — этого не бывает у монтажников! Ну? Повторяйте, я жду!

— Разгерметизировать скваммер в пространстве мог только он сам!

— Да. Но почему? Что вы знаете об этом?

— Уже установлено, что он тогда был около озотаксоров. Он проверял их: на каждом сделана контрольная отметка. Он понял, что его теория запаха рухнула. А он жил этой теорией.

— Он жил для многого...

— Но умер из-за этого. Мне ясно. Умер Андрей, умер Слава. Они одинаковы, только на Земле это теперь редкое исключение. Слепцов прав... Ты уедешь на Землю со мной. Я буду ждать.

— Не жди. Улетай один. И поскорее...

— Ты гонишь меня? В третий раз?

— Ты сам хочешь этого. Прощай.

— Прощай, — сказал он, сдерживаясь.

Скользя вдоль стены, он выплыл в коридор, в котором медленно нарастала тяжесть. В коридоре было по-обычному пустынно, потом в дальнем конце показалась группа людей. Кедрину захотелось свернуть в сторону, но он пересилил себя и пошел навстречу, гордо поднимая голову. Несколько монтажников несли на руках какой-то громоздкий прибор.

— Ага, это ты, мой наказанный друг, — рассеянно сказал Гур. — А мы вот... сгибаемся под тяжестью.

— Ну, Гур, — сказал Дуглас из-за прибора. — Ну, ну...

— Да... Берись за свободный угол. Тяжелая получилась установка. Занесем ее ко мне. Вот, проводили Славу на планету. На планету. Нет у нас здесь еще Пантеона. Но будет — со временем.

— Будет, — сказал Дуглас.

Кедрин держался за угол прибора и с удовольствием чувствовал, как его движения незаметно влетают в общий ритм.

Прибор установили в лаборатории Гура, отгеснив в сторону полку с трудами древних фантастов и современных прогносеологов. Монтажники ушли. Один из них на прощание произнес:

— Через полчаса дадут расшифровку Славиной записи. Приходите.

— Само собой, друзья мои, — сказал Гур.

Он возился с настройкой прибора и время от времени тяжело стонал, изгибаясь в три погибели, чтобы засунуть руку куда-то в самую середину монтажа.

— Есть что-нибудь новое о нем?

— В общем нет... — Он стремительно повернул несколько переключателей. — Кустарщина, конечно... Нет, ничего нового. Непонятно, зачем он выломал из прибора озометр!

— Выломал?

— Да, из патрульного озотаксора... Он сделал какие-то записи на мемориале, но пленка успела основательно испортиться во время протонной атаки, пока скваммер был раскрыт. Сегодня ее обещали восстановить... Да, кустарщина, не то, что на Земле! — Он ткнул пальцем в прибор и тут же ласково погладил его кожух. — Ничего, свое дело он сделает.

— Для чего это?

— Особое звено продолжает заниматься запахом.

— Ты продолжаешь его путь?

— Пожалуй, нет. Я всегда шел своим путем.

— Я не знал.

— Не удивительно. Но спорили мы с ним немало. Жаль, что я его не убедил. Хотя, строго рассуждая, этого и не могло произойти.

«Странно, — подумал Кедрин. — Его нет, но мы рассуждаем почти так же, как если бы он был жив. Впрочем, не является ли это лучшим способом выразить уважение? Только заслужил ли он это уважение? Но об этом лучше не думать...»

— Почему не могло? — спросил он.

— Ты успел ведь — ну, хоть познакомиться с нами, так? Значит, ты поймешь. Стань сейчас Холодовским...

«Не так-то и приятно», — подумал Кедрин и стал сосредоточиваться. Потом он поднял голову.

— Я готов.

— Итак... Я допускаю, что твоя теория запаха выглядит логично. Но единственная ли она возможная?

— У тебя есть другие? — спросил Кедрин так, как, по его мнению, спросил бы Холодовский, будь он еще способен спрашивать. Но мертвые не спрашивают, они только отвечают...

— Смотря как понимать эти «другие», — сказал Гур.

— Ну, — сказал Кедрин-Холодовский, — основанные на фактах и логике науки.

— Иными словами, на объясненных фактах?

— Естественно. Следствие можно объяснить, лишь зная причину. Зная следствие и пути развития, можно причину восстановить.

— Если следствие может быть вызвано только одной причиной, — кивнул Гур. — А если их несколько? Разных? Держа в руке алмаз, можешь ли ты сразу сказать, кто создал его: природа или человек?

— На столе — нет. Но найдя в земле...

— В алмазоносной трубке? Допустим. А просто в песке? На равном расстоянии и от трубки и от твоего стола? Ты затруднишься. Но лет двести назад ты и не стал бы сомневаться: тогда бы ты не знал, что возможно создать алмаз искусственно.

— Ну, хорошо, — сказал Кедрин, но, вспомнив, что он Холодовский, покачал головой: — Тогда мы должны допустить существование субъекта — создателя.

— Почему же нет?

— Потому, что у нас нет сведений, позволивших бы...

— Так сказал бы и нашедший алмаз, о мой логичный друг.
— А ты допускаешь? Прости, но это ненаучно.
— Прощаю. Я не обижен. Да, фактов нет. Точнее, они нам не известны. Но не следует ли иногда перешагивать через неизвестные факты?
— Ну, знаешь!..
— Не так ли поступил некогда, скажем, Дарвин? Ведь у него не хватало многих звеньев.
— Не спорь. Я занимаюсь запахом дольше тебя, и..
— Стоп, о перевоплотившийся, — сказал Гур. — Это уже не тот Слава.
— Это он, покончивший..
— Такого нет! — сурово сказал Гур. — Думай! Найди другие аргументы.

Кедрин кивнул. «Нет, я никогда не покончу с собой, — подумал он. — Я должен жить и многое сделать. Сделать?»

— Слушай, — сказал он. — Пусть мы примем твою гипотезу. Пока объяснения нет. Значит, ничего нельзя сделать. Сидеть и ждать. Бояться запаха. Затягивать постройку... Мы не можем так, Гур. Мы должны делать, бороться, строить корабли. Моя гипотеза дает нам возможность действовать. Строить. Дает надежду, и притом достаточно обоснованную. Делать — вот что нужно нам! А если... Что же, ты думаешь, я откажусь от ответственности?

Он вопросительно взглянул на Гура.

— Да, это было так, — сказал Гур. — Ты угадал. Только он потратил значительно меньше слов и говорил без пафоса — нет, это не в упрек тебе, это ради точности. И насчет ответственности он не говорил, он говорил о другом... Но сейчас это уже ни к чему, — сказал он, и тоска сверкнула в его голосе, — древняя тоска по безвременно ушедшим, но, видимо, и Гур умел хватать себя за горло. — Одним словом, вот так Слава взял верх в споре и стал строить свои озотаксоны.

— Взял верх в споре — значит, прав?

— Нет, далеко не всегда. Потому что в споре иногда побеждает то обстоятельство, что мы живем сегодня, а не вчера и еще не завтра. Но законы природы в отличие от человеческих имеют обратную силу и действуют, даже когда они не открыты и не узаконены. Как бы там ни было, пока что работы хватает всем: корабль должен быть достроен быстрее, чем предполагалось.

— Там что-нибудь случилось?

— Лобов сообщает о полном благополучии. Даже чересчур полно. Но Седов знает, что может быть, если Лобов сообщает о сверхблагополучии. Значит, плохи дела...

— Плохо.

— Нехорошо. Но еще не скверно. Мы надеемся, и они тоже. Так что ты надумал? Будешь здесь?

— Нет. Очень будет тоскливо...

— Ну, слетай на Землю.

— Да. Возможно, останусь там.

— Ты? Не останешься... — задумчиво произнес Гур. — Не останешься, нет. А пока отдохни. Гимнастика, купания... Монтажнику нужно здоровье...—Голос Гура снова переливался знакомыми торжественно-насмешливыми нотками. — А пока ты бу-

дешь отдыхать, это вот хитроумное устройство, этот маленький «гончий песик», что идет на выручку «большому псу», пощипет в пространстве син-излучение. Потом мы тут еще кое-что подсчитаем. Я хотел просить тебя заняться этим сейчас, но раз уж так получилось... Счетчиков среди нас не оказалось, но уж я обойдусь.

— Значит, это тоже искатель излучений?

— Не только. В сущности, это наоборот — излучатель син.

— Для чего?

— Да так, о любопытствующий, — сказал Гур. — Для проверки разных малонаучных гипотез. Тут, конечно, придется подумать...

— Может быть, пригласить специалистов с Земли?

— Они все здесь, мой заботливый друг. А с теоретиками мы можем связаться в любой момент, когда это понадобится. Это ведь несложно — связаться с Землей. Например, я говорю с сыном.

— Сын? Странно, я ничего не знаю обо всех вас. Где же он?

— На планете, конечно.

— Вот как... Значит, и ваши корни — в Земле.

— Мы тоскуем по Земле, — грустно сказал Гур. — Мы просто мало говорим о ней. Но ведь строительство кораблей пока не под силу автоматам.

— Но очень скоро станет под силу. Машины этого класса уже завтра будут гораздо компактнее, их нетрудно станет и разместить в пространстве.

— Правильно. Но мы к тому времени уйдем дальше. Туда, где еще нет автоматов.

— Почему?

— Да потому, что человек куда совершеннее. В разведке и поиске автоматы могут быть рецепторами и орудиями, но мозг — это человек. Кстати, на планете зайдешь в свой институт, узнай, нельзя ли с их помощью заказать серию син-излучателей в разных диапазонах. Чтобы не кустарничать. И кстати...

Что-то, очевидно, случилось совсем некстати. Раздался хриплый, низкий всхлип. Свет померк. Белесый туман, почудилось Кедрину, заполнил кабину, лицо Гура оказалось где-то страшно далеко, каюта мелко завибрировала. Гур, как показалось Кедрину, взлетел над полом — на самом деле он просто кинулся к аппарату. Но свет уже вспыхнул в полную силу, и Гур выпрямился, облегченно переводя дух.

— Вот так, о храбрый, — сказал он. — Хорошо, что импульс недолог. А то вся энергетика Дробь седьмого полетела бы в черный ящик.

— Что это было?

— Картинка природы: син-излучатель в действии, — сказал Гур и широко повел рукой. — Нашел, настроился, излучил.

— Могу я помочь?

— Безусловно. Встретив Герна, не говори ему, где я. И передай самую горячую благодарность за дружески предоставленную мне антенну.

— И все?

Он медленно шел к каюте. Что ж, месяц куда ни шло, за

это время он забудет Пояс. Хорошо, когда ничего больше не привязывает тебя... Месяц. Через месяц будет сдан корабль. «Значит, и этого у меня нет. Нет ее, нет корабля. Остался разве что комбинезон монтажника. Я даже не знаю, что носят монтажники по праздникам».

Он оглядел каюту. Собирать было нечего — люди приходили и уходили налегке. Взглянул на часы. Ежедневный корабль на планету уйдет через час.

Кедрин шел по пустынному коридору. Очередная смена — его смена — готовилась к выходу в рабочее пространство. Только скваммер № 283 останется в зале. Ничего, выздоровливает Кристап.

Единственным, кто попался Кедрину по дороге в порт, был Герн. Он цепко ухватил Кедрина за рукав.

— Слушайте, — сказал он, поглядывая на Кедрина с некоторым подозрением. — Вы, по-моему, из этих... Ну да, это же вы заметили ту странную вспышку. А? Так вот, Седов прав. Расстояние между Трансцербером и кораблем сократилось больше, чем следовало. Что все это значит?

— Что?

— Я не знаю. Просто не знаю. Я многого не знаю. Например, зачем Гур забрал у меня лучший астролокатор.

— Да, он просил поблагодарить за антенну.

— Антенну? Если бы! Астролокатор! Острейший! Он захватил его, этот разбойник, этот космический пират, этот Гур. Благодарность, а? Как вам нравится? И знаете что? Я подозреваю, что это именно он забирает всю энергию, так что временами не хватает не только на освещение — не хватает на радиотелескопы! Правда, ненадолго. Зачем это, я знаю? Я же говорю, что я ничего не знаю! Зачем ему, например, точно знать место Трансцербера? Фантазии... А я знаю только, что надо будет скорее закончить корабль.

— Скорее, — сказал Кедрин и вдруг рассердился. — Скорее будет тогда, когда работать будут автоматы. Они не будут гибнуть, их не надо будет спасать. Вот и все!

— Летать всегда будут люди, — строго ответил старик. — Это их привилегия — летать. То, что требует мужества, всегда будут делать люди. Автоматы не обладают мужеством. Они руководствуются программой — хотя бы они составляли ее сами для себя, но программа остается программой. А делать сверх программы способен только человек. Какой же вы монтажник, если не понимаете этого?

— Я был плохим монтажником, — сказал Кедрин. — Был, ясно?

— Ага, — сказал Герн. — Тогда извините. Счастливого пути, да.

Он медленно поклонился, но глаза его смотрели мимо и улыбка была лишь данью вежливости.

Кедрин вышел в вестибюль перед посадочным шлюзом. Здесь было тесновато. Монтажники находились и здесь, потому что спутник давно уже был тесноват и места для компаний не хватало. Посадки еще не было, и Кедрин уселся с независимым видом.

— Кто боится запаха, — говорил один монтажник, — пусть

идет к Косте на закалку. В его лаборатории трудно выдержать три минуты, но и одной достаточно, чтобы стать невосприимчивым на всю жизнь ко всем и всяческим запахам.

— Я бы делал скваммеры из твоей шкуры. Она такой толщины, что уж не пропустит никакого запаха.

— Кстати, насчет шкур: у Ирвинга в каюте на полу такая шкура, что люди, заходящие к нему впервые, пугаются и просятся скорее на Землю.

— Почему на Землю?

— Там тигры давно не кусаются и даже у носорогов прелестный характер...

— Между прочим, именно Ирвинг изобрел способ полета пятками вперед. Он говорит, что это предохраняет голову.

— Но это лишь для тех, — сказал Ирвинг, — у кого есть голова.

Кедрин сидел и грустно улыбался. Веселые мальчишки! Эти — из недавно пришедших. Для них пока еще кругом романтика. А он, Кедрин, здесь уже почти два месяца и знает, что к чему...

Объявили посадку. Пилот появился из раскрывшегося переходника. Его лицо было знакомо, хотя раньше оно не было таким холодно-суровым.

— Привет, Сема! — сказал Кедрин.

— Салют! — сказал Сема.

— Вы теперь на приземельских?

— Что же, я должен всю жизнь летать на глайнерах? — спросил Сема. — Я на приземельских.

— А тот пилот?

— Не летает. На Земле.

— Его тогда действительно лишили?..

— Его?.. Хотел бы я... Он готовит себе экипаж.

— Ага, — сказал Кедрин. — Можно садиться?

— Сделайте ваше одолжение, — сказал Сема.

Кедрин шагнул в переходник. Гур нагнал его уже в салоне. Он протянул Кедрину маленький пакетик.

— Вот, возьми... на память. Я снял для тебя копию с записи Холодовского.

— Зачем?

— Прочитаешь на планете, когда будет время и настроение...

— Спасибо... — рассеянно сказал Кедрин. — Ты видел Герна?

— Да.

— Он тебя не убил?

— Хотел. Но я его обезоружил: спросил, из какого пластика была защита автоматики в реакторах «Гончег Пса». При неожиданных вопросах Гурн теряется, и я успел сбежать. Кстати, а ты не помнишь, какой пластик?

— Никогда не знал.

— Жаль. Впрочем, я узнаю. Думаю, что это был пластик «К-178»... — Он хитро прищурился.

— Ну и что?

— Ничего. Итак, расстаемся на месяц?

— Не знаю...

— Зато знаю я. Ты попрощался?

— Что? А...

Кедрин умолк. Гур сказал:

— Ничего, грустящий друг мой... Воистину прав был кто-то, сказавший: «Если бы бури в пространстве были столь же преходящи, как в любви, не было бы ничего приятнее полетов...» Кто это сказал?

— Не знаю, — буркнул Кедрин.

— По-моему, опять я. Или иной классик, но это неважно...

Прозвучал сигнал окончания посадки. Кедрин поднял глаза.

— Скажи ей, что...

— Нет уж, — усмехнулся Гур. — Это ты сделай сам... Через месяц или раньше...

Когда люк корабля вдвигался на место, Кедрину показалось, что из зала доносится веселый голос:

— Или раньше...

XVII

Капитан Лобов — там, на орбите Трансцербера, — сидит в своем кресле за пультом и думает. По старой привычке руки его лежат на пульте, но сейчас эта привычка ни к чему и пульт ни к чему — управлять нечем. Нервы сохранились, но вот ног у «Гончого Пса» нет.

Управлять нечем. Но все остальное в таком возмутительном порядке, что ни экипажу, ни пассажирам делать нечего. Наблюдения над Ахиллесом ведутся, и он подступает все ближе, и снова на какое-то время скорость сближения увеличилась, а потом стала прежней, но ничего не стало от этого понятней. И к людям все чаще приходят мысли: «Земля не успеет. Не может успеть. Земле нужно еще больше месяца, а здесь Ахиллес догоняет, он уже наблюдается визуально — пока как яркая точка, но скоро она обретет линейные размеры, затем ее можно будет наблюдать и без помощи оптики, а потом...»

И люди думают о том, что будет потом... А капитан Лобов думает о том, как бы сделать, чтобы они не думали.

Обстоятельства приходят ему на помощь. Приходят в негодность термостройства одного из отсеков — жилого. Морозец хорош зимой на Земле, но не сейчас и не на орбите Трансцербера. Все люди немедленно мобилизуются на ремонт термостемы. Причины аварии неизвестны — еще вчера все было в абсолютном порядке. «Но аварии всегда случаются неожиданно, — утешает капитан Лобов. — Ничего, это не так страшно. Поработаем как следует дня два — и все будет в порядке».

Все с этим согласны и выражают предположение, что потом аварии, наконец, оставят их в покое. Капитан Лобов согласен, в свою очередь, с этим мнением. Но про себя — только про себя, разумеется, — он допускает, что аварии могут происходить и в дальнейшем. Он даже может — вернее, мог бы — предсказать (хотя никогда не отличался даром пророчества), где скорее всего произойдет следующая авария. Она произойдет во флора-секции экоцикла. Это не очень опасно, но потребует немалых усилий для ликвидации.

И авария происходит. Люди заняты, им некогда думать о том, что Ахиллес снова придвинулся на несколько тысяч километров...

Земля начала открываться ему с высоты, и даже матросы Колумба не приветствовали ее таким криком, какой раздался в его душе.

Корабль входил в плотные слои атмосферы. По обшивке текли огненные реки. Чудесная планета лежала внизу, зеленая и голубая, омываемая ветрами и океанами, летящая, смеясь и кружась, в мировом пространстве. Земля, всегда принимавшая блудных сынов...

На космовокзале былолюдно. Кедрину не хотелось сразу покидать порт. Он хотел продлить, растянуть встречу с планетой. Он зашел на связь и написал радиogramму на спутник, чтобы она тоже почувствовала все это. Он сдал радиogramму, потом отозвал ее и порвал бланк.

Он посидел в баре, потягивая что-то прохладительное и тонизирующее. Затем медленный аграплан нес его над сушей и над океаном, и он все смотрел, смотрел из окна... Да, это была Земля, не сон, и он был на Земле, и не надо было торопиться на смену, и вообще не надо было никуда торопиться!

Он высадился на том же самом острове Отдыха.

Там, где два с лишним месяца назад стоял его коттеджик, возвышалось теперь совсем другое здание и жили другие люди а его домик, опрысканный деструктуратором, давно уже превратился в кучку пыли, потому что никто из отдыхающих не хотел жить в домике, которым пользовались, как никто не стал бы надевать поношенный костюм.

Кедрину коттедж был, по сути дела, не нужен, однако он все же сходил в центр по размещению и там выбрал себе такой же стереотип, как и в прошлый раз. Он намотал веревочку на палец и крутил стереотип объемом в кубический дециметр, вокруг пальца, пока не разыскал подходящее местечко почти на самом берегу. Тогда он вскрыл упаковку, установил стереотип и предоставил домику самому расти за счет воздуха до заданных размеров. Сам он пошел на пляж, загорая и удивляясь, до чего же здесь шумно.

Шумнее всех были люди. Они приезжали сюда отдыхать и страшно кричали и суетились, вместо того чтобы отдаться неподвижности и благородной углубленности созерцания красок Земли и движения океана — того, чего не было там, в пустоте, в Звездолетном поясе.

Тут он заметил, что рассуждает все время с точки зрения жителя Звездолетного пояса и вообще пространства. А ведь он уже не был монтажником... Лучше было просто сидеть на берегу и наслаждаться водой и солнцем. Собственно, он проето прервал тогда свой отпуск, а теперь может возобновить его.

И он сидел и наслаждался. Потом, на четвертый день, когда запахи перестали быть столь резкими, а звуки невыносимыми, он осмелился вмешаться в неутраченное движение, царившее на дорогах острова.

Он шел, привычно раскачиваясь из стороны в сторону: такую походку вырабатывал скваммер, и даже двух месяцев оказалось достаточно, чтобы усвоить ее надолго. Люди узнавали походку, и в заметной уже неподвижности лица, вынесенной оттуда, где нет погоды и где от яркого света защищают экраны, угадывали отпечаток Пространства. Но когда Кедрин понял это, он начал

стараться ходить совершенно плавно, чтобы никто не узнал в нем монтажника: ведь он никогда больше не вернется туда...

Он блуждал по острову, не выбирая пути. Забрел на ту самую площадку, нависавшую над водой, и сел за свободный столик. Он не послал заказа, а просто сидел, и смотрел, и вспоминал, и думал: куда бы он поехал и что бы с ним стало, если в тот раз он не встретил бы ее и тех троих, одного из которых уже нет... Он думал и вспоминал — ведь ничего другого ему не оставалось; но это было очень мучительно: думать, когда не в твоих силах сделать что-нибудь другое, когда тебе запрещено предаваться трудному счастью созидания там, на монтаже Длинного корабля.

Потом он поднялся и пошел на связь со Звездолетным поясом. Он написал радиограмму, и снова, как и в космопорте, порвал ее, и снова до самого вечера шатался по острову.

Тогда Кедрин вернулся на площадку. Он сидел, и все было как тогда, как давно, — звенящая темнота (какой шум!), и горячие влажные ароматы (какая неразбериха!), и девушка скользила между низкими столиками, и яркая ткань кружилась вокруг ее ног.

Потом она шла между столиками, и Кедрин отвернулся — в общем-то ему было все равно, куда она сядет. Он глядел на океан — земную модель вечно волнующегося Пространства. Потом он услышал совсем рядом чье-то учащенное дыхание. Он поднял голову. Девушка сидела рядом, она улыбалась.

Кедрин долго смотрел на нее. Она была красива, хотя ничем не напоминала ту, оставшуюся в Приземелье. «Теперь все красивые», — подумал он и взглянул наверх, туда, где были небо, спутники и корабли. Что ж, с тем порваны все связи?

— Кто вы? — спросил он.

— Я вхожу в жизнь, — протяжно сказала она. — Я еще только вхожу, я не знаю дорог. Возьмите меня в жизнь. Говорят, вы со Звездолетного кольца. Возьмите меня туда. Меня зовут океанисты, но я хочу на Звездолетное кольцо.

— Звездолетный пояс, — сказал он. — Пояс, а не кольцо.

— Пояс, — согласилась она. — Вы ведь оттуда? Расскажите.

Она опустила подбородок на кулачки, приготовившись слушать. Кедрин, нахмурившись, кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Пойдемте, — попросила она. — Мне не нравится здесь.

Он положил руку на ее плечо. Они медленно шли по дорожке. Кедрин рассказывал.

— Когда вы возвращаетесь туда?

— Не знаю... — сказал он. — Еще не знаю... Наверное, не так скоро.

— Я хочу поскорее, — сказала она. — Сейчас мне надо уйти. Но я приду сюда через два часа. Вы приходите тоже. Да? Вы будете рассказывать мне еще.

— Хорошо, — согласился он.

Девушка растворилась в сумерках. «Что же, — подумал Кедрин, — я ее увижу через два часа. Зачем я рассказывал ей о Поясе? Она улетит туда. Я останусь на Земле. Зачем?»

Но ему почему-то хотелось, чтобы девушка улетела на Звез-

долетный пояс. Ей нужно попасть туда. Она еще успеет принять участие в монтаже корабля. Это будет очень хорошо. Кстати, как там продвинулись дела?

Он торопливо направился в информаторий. Только здесь, на планете, он понял, как пристально следило человечество за монтажом, как хотелось ему поскорее увидеть тех восьмерых человек, над которыми все еще висела угроза на орбите Трансцербера!

Закончен монтаж конуса и испарителя, услышал он. Закончен. Значит, Ирэн уже в пространстве... Сейчас пойдет монтаж внешнего Пояса помещений, потом оболочка, и все. Но времени остается немного, и все еще остается угроза запаха.

— Что такое испаритель? — спросил кто-то рядом.

Кедрин пожал плечами.

— Что-то такое, очевидно, — сказал он, — что испаряет.

— Простите, — сказал человек. — Я думал, вы знаете.

Кедрин стремительно вышел из информатория.

Он шел по дороге. Угроза запаха все еще над ними. Особое звено все еще решает этот вопрос. Но все-таки... Все-таки, вместо того чтобы сидеть здесь, на острове, стоит, пожалуй, съездить в свой институт. Поговорить с ребятами. Теорию надо создавать заново, и в этом стоит помочь Особому звену. Он уже потерял три дня здесь, на острове...

Он вошел в коттедж. Торопливо собрал то немногое, чем успел обзавестись на острове. Запросил информацию. Глайнер уходил через четыре часа. Кедрин не хотел ожидать целых четырех часов. Он вдруг почувствовал, что не может оставаться на острове. Скорее, скорее туда, где работают люди! Девушка не найдет его — и не нужно. «Если она действительно хочет на Пояс, она найдет дорогу, — подумал Кедрин и вспомнил Седова: — «Кому суждено быть монтажником, тот им станет». Правда. Только насчет меня ошибся капитан «Джордано». Мне, наверное, не суждено...»

Эта мысль не давала ему покоя и тогда, когда он оказался на борту корабля.

Принял ванну и, опустив пониже морфорадер, включил его на полную мощность.

Все же сон его был беспокоен. Длинные корабли населяли сон; они возникали из ничего и таяли, оставляя вместо себя голубоватые, мерцающие, быстро рассеивающиеся облачка. Потом появилась Ирэн — она шла в ярком легком платье, в том самом, какое было на ней, когда Кедрин увидел ее впервые — не на острове, а несколько лет назад в Новосибирске, откуда он потом так стремительно уехал в Институт связи. Вторая женщина подошла к Ирэн, и Кедрин узнал в ней девушку, встреченную им на острове сегодня. Они говорили о чем-то, и Кедрин не слушал о чем, потом корабль заслонил их, а когда корабль исчез, их уже не было. И снова корабли, не останавливаясь, шли один за другим к орбите Трансцербера, и Кедрин удивился — зачем столько кораблей и почему ни один из них не берет его? Тут он почувствовал в своей руке рубчатую рукоятку экстренного выключения Элмо — ту самую, которую всегда некстати дергал Андрей, — и понял, что надо только повернуть ее — и первый же корабль остановится; он хотел повернуть — и не смог.

...Сон кончился. Было утро, и яркий, чуть зеленоватый свет входил через распахнутый иллюминатор, и сильный, чудесный запах вливался вместе с ним. Кедрин вскочил.

«Хорошо, все хорошо! — говорил себе Кедрин. — Приедешь в институт, а там можно будет подумать. Поработать!» И еще он заставит подумать ребят. Может быть, они все же смогут помочь Звездолетному поясу и тем восьми на орбите Трансцербера.

XVIII

На орбите Трансцербера аварии прекратились. Трансцербер, он же Ахиллес, виден вполне ясно, но никаких деталей на его поверхности различить пока невозможно.

Все более сомнительным становится, что Земля успеет. Так или иначе, расстояние в среднем сокращается быстрее, чем было рассчитано и чем оно вначале было. Странно, что влияние притяжения Трансцербера еще не начинает сказываться. Но никто не сомневается в том, что оно скажется в самом недалеком будущем.

У всех теперь достаточно работы по наблюдению. Даже капитан Лобов против обыкновения очень интересуется результатами наблюдений и очень внимательно изучает фотографии. Над одной из них он сидит очень долго, иронически подняв брови, и, когда никто не видит, прячет фотографию в карман, чтобы попозже, в часы отдыха, вдоволь порассматривать ее, спокойно сидя в своем кресле.

Незнакомый человек сидел в кресле. И странным казалось, что кресло это, за несколько лет окончательно принявшее, как казалось, форму тела Кедрина, теперь покорно подчинялось другому человеку, а шлем Элмо, пластик которого был уже давно вытерт висками Кедрина, теперь так же ловко сидел на чужой голове. Впрочем, эта голова, вероятно, вполне устраивала и шлем и лабораторию.

Кедрин не стал открывать стеклянной двери, над которой рдела табличка с надписью: «Тихо! Здесь думают». Поставив у двери несколько минут, в продолжение которых человек в кресле ни разу не шевельнулся и не открыл глаз, Кедрин тихо вышел из внешней комнаты лаборатории в коридор.

«Интересно, над чем он думает? Над чем вообще работает сейчас институт? Прошло все-таки два месяца с лишним».

Кедрин поднялся вверх. Слепцов вряд ли сейчас работает: он расходится под вечер, а днем занимается тем, что сам называет руководством. Старик любит руководить.

Он шагал по коридору, и запах озона, перемешанный с ощутимым ароматом нагретой пластмассы, милый запах института, проникал, казалось, все глубже в его тело сквозь все поры, пропитывал его и делал походку более размеренной и дыхание — спокойным, хотя сердце все еще билось учащенно. Вот он, родной дом, и блаженные блудные сыновья, которые возвращают-

ся, — вот что скажет сейчас Слепцов, как только удостоверится в том, что именно Кедрин появился на пороге его лаборатории. Блаженны возвращающиеся под отчий кров вычислительных машин!.. Они были здесь, эти машины, они работали по сторонам, и сверху, и снизу, за пластиковыми плоскостями стен, и пола, и потолка — блаженны возвращающиеся! И стократ — приветствующие вернувшихся..

Кедрин растворил дверь в лабораторию Слепцова, который настолько уже стал принадлежностью сектора остронаправленной связи, что не могло быть сектора без него. «Нет, разумеется, не могло, — рассеянно подумал Кедрин, смахивая пыль с ладони, которой только что держался за ручку двери. — Разумеется, не могло...»

Старик сидел за своим столом и смотрел в бесконечность, очевидно сосредоточиваясь для очередного сеанса работы с Элмо. Взгляд его возвращался из бесконечности со скоростью света, и все же потребовалось какое-то время, чтобы он уперся в стоящего на пороге Кедрина, и еще секунды — для того, чтобы полученная зрением информация дошла до идентифицирующих центров мозга. Наконец это произошло.

Кедрин с удовольствием наблюдал, как около рта старика обозначились глубокие морщины, показались зубы, подбородок выдвинулся вперед, и, наконец, веселое хрюхтенье наполнило комнату.

— Кедрин, — сказал Слепцов. — Кедрин или оптический обман... — Он замолчал, словно что-то припоминая. — Кедрин... — повторил он, потом улыбнулся. — Что же, привет блудному сыну, который возвращается!

— Раскрывайте ваши старые объятия, — сказал Кедрин. — Принимайте блудного сына.

— Ну, — сказал старик и протестующе вытянул руку, — пощади мои кости. Объятий не будет.

— Так... — пробормотал Кедрин. — Не очень ласково.

— У меня есть на то причины. Но об этом — позже. Хорошо, что ты вернулся, хотя мог бы и поторопиться. Впрочем, лучше поздно... Ты совсем?

— Наверное, — сказал Кедрин, зная, что за этим последует вопрос: абсолютно точно?

— Абсолютно точно? — спросил старик.

— Если говорить абсолютно точно, то не знаю. Но, наверное, да.

— Что ты оставил там?

— Любовь, — сказал Кедрин и покраснел. — Если откровенно — любовь.

— Можешь говорить откровенно.

— И потом... какие-то странные мысли.

— Расскажи, — вымолвил старик, и взгляд его вновь устремился вдаль.

— Я был там недолго — там, где работают, кроме мозга, и руками. И это было хорошо! Я стал гораздо сильнее и, думается, лучше. Потрогайте мои мускулы..

— Я не стану трогать твоих мускулов. К чему они?

— А почему умер Андрей?

— Ты понял?

— Я понял. Мне подсказали ответ там. Андрей потерял способность бороться с неожиданностью и опасностью. И вот он умер... просто от страха.

— Да, — сказал Слепцов. — Это логично. Даже больше — это верно. Но надо скорее познавать. Не отвлекаться. Это препятствует концентрации энергии. Дело человека — познавать.

Кедрин вдруг ясно ощутил — говорить с человеком, которого он считал своим учителем, ему не о чем. Продолжать разговор можно было в одном случае — если забыть, что он был там, в Приземелье.

— Я пойду, — сказал Кедрин. — Я, пожалуй, пойду...

— Иди. Подумай, примиришь. Не возвращайся туда. Работай здесь. Элмо найдется.

Теперь Кедрин шагал по коридору медленно. Отыскав комнату для гостей — по счастью, пустую, — он улегся на широкий диван и долго лежал — без мыслей, без ощущений.

Потом он поднялся. За широким окном солнце снижалось к горизонту. Было тихо и ясно. Земля все-таки была самой прекрасной. Хотя и пространство — тоже. Холодовский. «Но ведь я один думаю, что он... Надо прочесть его запись».

Кедрин поискал глазами магнитофон и нашел его там, где он всегда стоял в комнате для посетителей, — на столике, рядом с пультом климатизатора. Голос Холодовского заставил Кедрина вздрогнуть — это был живой голос неживого человека, уверенный, и немного отрешенный, и спокойный, как всегда.

«Так, — сказал Холодовский. — Таксор не принял запаха».

Последовала пауза, потом Холодовский пробормотал что-то сердито и неразборчиво. Затем магнитофон загудел. Кедрин вспомнил — так отзывался скваммер на форсаж двигателя. Несколько минут лента перематывалась бесшумно, прозрачная лента неощутимой толщины.

«В общем, — сказал Холодовский, — моя теория, кажется, летит в архив. Или таксор не таксор, или в пространстве нет запаха. Как же нет, когда я его ощущаю? Но и прибор действует нормально, за это может поручиться все. Особое звено, а это чего-нибудь да стоит!..»

Холодовский говорил необычно много, и Кедрин понял: он подбадривал себя. Значит, все-таки это было нелегко даже тогда, когда созрел замысел.

«Ну вот, — сказал Холодовский. — В общем надо установить, есть ли запах в скваммере. Покажет ли его таксор. Если в скваммере запаха нет, как нет его и в пространстве, это значит либо, что таксор негоден, а это, как мы знаем, невозможно... (Кедрин сжал кулаки — таким невозмутимо-скучным был голос монтажника в этот миг, когда в пору было кричать от ужаса перед самим собой.) Либо все мы просто страдаем массовыми галлюцинациями. Но если запах в скваммере есть, хотя в пространстве его нет, то он возникает именно в скваммере, а почему — этого я не знаю, и никто не знает. Тогда его источник надо будет искать вовсе не там, где искал я. Придется поширять совсем по другим диапазонам... Можно, конечно, подождать пару недель и таскать с собой в скваммере озометр. Беда только, что прибор надо переделывать, он не уместится. И время пройдет. Восемь больше одного, а, ребята?»

Он даже засмеялся, Холодовский, хотя не над чем было смеяться. Потом он оборвал смех и сказал:

«Это я подумал, как обозлятся медики. Ну ладно, монтажники с «Джордано», схема эксперимента такова: я разгерметизируюсь, держа нижними руками озометр у дверцы. Воздух пойдет наружу, и с ним — то, что пахнет. Озометр примет. Остальное прочтете на его ленте... — Он помолчал. — Ну, как говорит Гур, делайте ваш шаг вперед!»

Он еще поспеел, потом щелкнуло, раздался свист, и наступила тишина. Тишина была до самого конца ленты.

— Значит, так, — сказал Кедрин и, медленно, тяжело ступая, прошел по комнате — в угол и снова в угол. — Значит, так. Тебя не записали, Слава, но ты записался сам... Я виноват, Слава, я просто подумал, что ты — это не ты, а ты был ты — и дело с концом! И все-таки был ли запах в пространстве? Если да, то твоя империя пережила тебя. Если нет — что ж, ты дал направление другим.

Это были лишь предположения, и обе возможности были сейчас для Кедрина равно вероятны. Но Кедрин почувствовал, что трудно будет ему жить, пока он не узнает этого точно. Стало уже незачем оставаться здесь, в институте. Кедринская трасса вновь зримо уходила туда, вверх. Но он еще медлил, словно что-то держало его.

Чуть слышно жужжали машины за гладкими панелями стен. Где-то приглушенно звучала музыка, и Кедрин подумал, что, когда человечество узнает хотя бы об этих небольших эпизодах из жизни Звездолетного пояса, об этом напишут музыку, ясную и проникновенную, и музыка эта будет говорить людям: «Делайте шаг вперед!»

Жаль, что не он создаст эту музыку! Но каждому — свое. Его дело — работать на Элмо. Мыслить. Искать и находить. Дышать запахом озона и нагретой пластмассы.

Запах нагретой пластмассы.

Запах. Так...

Нагретой. Ага, нагретой.

Пластмассы. Ну, естественно!

Кедрин опустил прямо на пол, обхватил колени руками.

Запах. Колебания молекул и даже атомов, освобождающихся в процессе испарения.

Нагретой. Повышение температуры усиливает испарение...

Пластмассы. Так ли?.. Пластмассы устойчивы, несмотря на всю огромность своих молекул. После облучения гамма-радиацией и других операций некоторые сорта ее переносят испытания всеми известными видами излучений. Они испытывались неоднократно еще до того, как из них начали изготавливать разные детали — например, фонари скваммеров, их прозрачные верхние оконечности. Они очень надежны. Но речь идет об известных излучениях. А все ли они известны? Вероятно, нет. Кстати, Гур явно неспроста интересовался тем, из какого пластика была изготовлена защита автоматики «Гончого Пса». О, Гур ничего не делает просто так!... Итак, если предположить существование некоторого сильного излучения, нам до сих пор неизвестного... Ага, это уже почти точка зрения Гура, но почему бы и нет? Да, это неизвестное излучение, как можно предположить, вышибает

из пластика радикалы, и вот они-то и пахнут, они-то и проникают в легкие, и отравляют людей, и заставляют их терять сознание. Уж не хотел ли Гур, чтобы я подсчитал ему количественную сторону такого процесса? Конечно, все это нужно знать и количественно. И, кроме того, какие могут освободиться радикалы? Чем мы, собственно говоря, там отравляемся при атаках запаха? Нужно лечить хотя бы тех, кто болен, — того же Кристапа. И жаль, что Холодовского уже не вылечить никогда...

Да, нужно считать. О невооруженном мозге тут нечего думать, тут нужен Элмо и все его памяти. К счастью, все это тут есть. Где же и считать, как не в этом институте?

Он вскочил. Кинулся к двери. Потом остановился.

Да. Но кто будет считать? Мне запрещено работать на монтаже. Косвенно это относится к той работе. Но... о чем тут думать? Жизнь людей!

Времени не было, но он не забыл снять с подкассетника крохотную катушку. Человек в лаборатории по-прежнему словно дремал в кресле. Табличка угрожающе посверкивала над дверью. Кедрин распахнул дверь. Конструктор взглянул на него без особой любви во взгляде.

— Мне нужна машина, — сказал Кедрин. — Срочно.

Конструктор качнул головой.

— У меня заказ Звездолетного пояса. Излучатели...

— Тогда счастливо вычислять, — сказал Кедрин.

Он пошел по лабораториям подряд. Его узнавали и радостно приветствовали. И нигде не было свободных машин. Так он дошел до лаборатории старика и распахнул дверь.

— Это ты, Кедрин? — спросил старик. — Что тебе неясно?

«Мне многое неясно, — подумал Кедрин. — Но одно ясно. Седов заставляет глайнер войти в космос: жизнь людей. Ирэн уходит от столкновения с конусом в долях сантиметра: жизнь людей. Холодовский открывает смерти доступ к своему телу: жизнь людей. Эти трое сейчас стоят за мной. И восемь человек — на орбите Трансербера. И еще многие...»

— Что тебе неясно? — повторил Слепцов с той же интонацией. — Что тебе неясно?

— Мне все ясно, — сказал Кедрин.

— А что тебе нужно? — спросил Слепцов.

— Машина.

— Я размышляю.

— И мне нужна машина. Это жизнь людей.

— Мне мешает размышлять мой единственный ученик.

— Считайте, что у вас его не было. И дайте мне машину. И эта машина должна работать над тем, от чего зависит спасение тех, кто на орбите Трансербера.

— Берите и это, — сказал Слепцов и уже у двери бросил: — Все, что у меня оставалось.

— Делайте шаг вперед! — сказал Кедрин.

Переключатель сухо стукнул. Световой шквал пронесся по строгим шеренгам индикатора. Кедрин уверенно сел на освободившееся место. Шлем был там, где ему и надлежало быть. Кедрин надел его. Нажал контрольную клавишу.

Затем он сидел час, не двигаясь, на лбу его вспухли бугры. Через час он снял шлем, поднялся. Взял запись.

— Ну вот, — сказал он. — Эту бы машину — на Пояс.

Он спустился вниз. По коридору кто-то шел к выходу, и Кедрину захотелось сказать хотя бы ему что-нибудь приятное. Он нагнал человека, положил ему руку на плечо.

— Эту машину бы к нам, на Звездолетный пояс...

— Целесообразно, — ответил человек, поворачиваясь, и с его безмятежно-спокойного лица взглянули на Кедрина наивные глаза.

— Так... — с расстановкой сказал Кедрин, останавливаясь и загоразживая Велигаю дорогу. — Уж не станете ли вы утверждать, что и эта наша встреча всего лишь случайность?

— А что? — простодушно поинтересовался Велигай. — Вы считаете, что случайностей происходит слишком много?

— Вот именно! Как говорит наш друг Гур, эти квазислучайности...

— Может быть, наш друг Гур и прав...

— Тогда говорите!

— Хорошо, — сказал Велигай.

И вот больше не стало безмятежного и простоватого Велигая, остался спокойный, и зрелый, и зоркий человек, и на минуточку Кедрину стало прохладно под его взглядом.

— Хорошо. Ты понял теперь, отчего люди умирают раньше срока?

— От страха.

— Да. Твой друг умер, когда несравненно меньше знавший человек двадцатого столетия и не подумал бы умирать. Одно знание еще не делает человека, тебе не кажется? Ну, а еще отчего? Слава, например? Он ведь мог и не умирать.

— Да.

— Просто пришлось бы еще подождать, чтобы распутать эту историю с запахом. И пусть бы мы не успели, пусть бы там погибли люди, но его никто не упрекнул бы в этом. А в смерти упрекнули — некоторые...

— Некоторые... — повторил Кедрин.

— Ты помнишь из истории: война двадцатого века...

— Конечно!

— Так вот. Помнишь, тогда люди бросались грудью на амбразуры, из которых хлестал огонь, чтобы другие могли пройти?

— Но на Земле давно не стреляют...

— И не будут стрелять. Но всегда будут в жизни человечества такие амбразуры, которые кто-то должен будет закрыть грудью, чтобы другие смогли пройти прямо, а не в обход. Слава закрыл одну из таких амбразур. Пусть небольшую... Он был из таких людей.

— Он был из команды «Джордано». Там они все такие.

— Да, мы все были такие. Но разве дело в «Джордано»?

— А разве вы тоже были там?

— Ты не знал? Я тот четвертый, который живет больше на Земле...

— Который стал академиком?

— Все ведь не могут быть академиками. Но мы стоим друг друга.

— Я работал, — неожиданно для себя сказал Кедрин и протянул Велигаю карточку с расчетами.

Глаза Велигая на секунду стали жесткими, но взгляд привычно скользнул по расчетам. Потом он протянул руку и взял у Кедрина карточку.

— Ты уже сообщил?

— Шел на связь.

— Беги. Остальное потом. — И крикнул уже вдогонку: — Седов в тебе не ошибся!

«Ты, кажется, тоже», — подумал Кедрин, но это мельком, потому что он бежал, неся в руках ставшую бесценной карточку с расчетами, в которых была разгадка природы запаха, а значит — победа над ним!

Возвращаясь в институт, к Велигаю, Кедрин подумал, что полгода назад он, сделав подобное открытие, вероятно, ощутил бы себя на десятом небе и был бы горд, как петух. Он и сейчас чувствовал радость в душе. Но это было совсем другое — это была другая радость, радость не просто за себя, а за то, что он сделал нечто важное и нужное для других.

Кедрин застал Велигая в той самой лаборатории, где встретился с ним впервые в день смерти Андрея. Там все было, как прежде. Будто что-то могло измениться оттого, что в кресле Кедрина сидел другой человек.

Едва Кедрин вошел в лабораторию, Велигай, сидевший, как и тогда, в кресле рядом с вычислителем, обернулся и знаком попросил его пройти и сесть в кресло у стола.

Прошло, наверное, более часа, прежде чем вычислитель закончил работу. И все это время Кедрин думал: «Какими же теперь должны стать скваммеры, как удержать в пластмассе радиал, выбиваемый неизвестным излучением?» Неизвестным для него, но, может быть, не для Велигая. Ведь неспроста он то появляется на спутнике, то вдруг оказывается на Земле. Вероятно, Велигай и занимается проблемой новых скваммеров. «Вот когда придется пожалеть, что у нас, в Приземелье, нет своих вычислительных центров!»

— Да, жаль... — незаметно для себя проговорил Кедрин.

— У нас там тоже будут свои вычислительные центры. И скоро... — сказал Велигай, подходя к Кедрину.

— Пожалуй, вы знаете, о чем я думал все это время?

— Это несложно — о скваммерах.

— Верно. И что вы думаете?

— Я думаю, что скваммеров не будет. А вы что думаете, Кедрин?

— Лететь на спутник.

— Тогда нам по пути.

— Кстати, Велигай, как вы считаете, мне здорово влетит за нарушение... за то, что работал?

— Бойтесь?

Кедрин вздохнул:

— Да.

Велигай рассмеялся и похлопал Кедрина по плечу так, как здороваются по пути на смену монтажники.

— Тогда я попрошу, чтобы добавочный срок наказания разложили на нас обоих.

Они вышли из института.

Велигай тяжело влез в лодку, уселся и подождал, пока Кедрин сел рядом. Затем дал команду автопилоту.

— Скажите, Велигай... Вот там будут свои вычислительные центры. Будет стопроцентная гарантия. Да?

— Да.

— Но ведь это значит, что рано или поздно строительство и Длинных кораблей придется передать машинам.

— Да. Когда корабли пойдут однотипными сериями... Но они пойдут однотипными сериями.

— Чем же тогда Приземелье будет отличаться от Земли?

— Разве что природой. Но ведь это еще надо сделать, Кедрин.

— Да. Машины будут вытеснять нас, а мы...

— Нет, мы не будем убегать от них. Все-таки командуем-то мы и всегда будем командовать. Мы будем всегда опережать их и уходить все дальше. Туда, где еще не могут эффективно работать машины. Туда, где может только человек...

— Но в конце концов...

— А конца не будет, Кедрин, — сказал Велигай. — Мир бесконечен, к счастью... Ох, еще сколько работы для человека! А теперь дай мне поразмышлять. Мне трудно думается при ускорениях и в невесомости — неудачный организм... А сейчас полтора часа самого лучшего времени для размышлений: полет в сумерках...

— Я подожду, — согласился Кедрин. — Это хорошо: полет в сумерках...

В сумерках зажигались звезды. Лодка мерно тянула в своем лодочном эшелоне, автопилот пощелкивал и помигивал цветными огоньками. За прозрачным куполом зажглись опознавательные огни, на пульте засветился экран локатора.

Кедрин и сам задумался. Итак, в скаммерах запах объяснен. А тогда, в спутнике? Разве там была поблизости схожая пластмасса?

Да, была. Иллюминатор в крышке резервного люка.

А откуда берется это излучение? Что это за излучение?

Это пока не известно. Как всегда, установление каких-то фактов порождает новые вопросы, возникает потребность объяснить новые факты. И так без конца...

«Ничего, — подумал Кедрин. — Во всяком случае, объяснение одного факта я им везу». Пожалуй, срок наказания ему не уменьшат. Это такой народ — монтажники...

И Ирэн. Все равно без нее он не может. Он готов сказать это всем и каждому. Если бы не она, он так и остался бы на Земле.

— Да, — негромко сказал Велигай.

— Вы... следите за моими мыслями?

— Немного, — сказал Велигай.

— Тогда скажите, бывают ли полосы несчастий?

— Сформулируй точнее...

— Одно несчастье за другим. Что это значит? Люди страда-

ют от этого запаха. Гибнет, как бы то ни было, но гибнет Слава Холодовский, а еще до этого летит реактор у Лобова. Почему такая система?

— Полоса несчастий, гм... — пробормотал Велигай. — Давнее определение... Я думаю, что это означает наш очередной шаг вперед.

— Почему?

— Потому, что когда вы входите в темную комнату, вам еще не ясно, на что там можно наткнуться, обо что ушибиться, что опрокинуть на себя. Это станет ясно, если зажечь свет. Но чтобы зажечь свет, надо войти в комнату. А она темна, и тот фонарик, которым мы ее предварительно освещаем, нам помогает не всегда. Ну, и мы натываемся на что-то...

— Но ведь явления совершенно разные, и все же...

— Явления одного порядка, — задумчиво сказал Велигай. — И то и другое — влияние неизвестных излучений. Реактор у Лобова полетел, вернее всего, потому, что автоматика вышла из-под контроля. Вам не надо рассказывать, сколь тонкой была настройка этих автоматов. Кстати, это наша вина — всегда надо предусматривать и неизвестные сегодня факторы, мы это иногда упускаем из виду. Вот такой фактор и вмешался, очевидно...

— Я понимаю, кажется. Излучение проникло через защиту их реактора — пластик...

— Может быть, и не проникло. Механика могла быть и вашей, той, что вы рассчитали. А автоматика работала в вакууме, и он тут мог нарушиться. Впрочем, — сказал Велигай, улыбаясь, — это лучше объяснит другой монтажник...

Высокое, обширное здание космовокзала вставало за бортом лодки. Его террасы поднимались выше лодочного эшелона, и могло показаться, что можно достигнуть Пояса, не выходя из пределов здания, а лишь поднимаясь и поднимаясь в его лифтах. Велигай привычным движением отключил автопилот и взял управление лодкой. Он мог и не делать этого, но, видимо, спутник Дробь семь уже оведал его своим дыханием, и надо было выгонять последние остатки земного спокойствия... Он посадил лодку на посадочную площадку точно, как профессионал, в узкую щель между тяжелым, медлительным, многокрылым энтомокаром и округлым треугольником аграплана, и в расстояние, оставшееся между бортами кораблей, нельзя было бы втиснуть и ладони. Они вылезли через нос.

— Надо записаться в рейс.

— Я записан.

— Мне надо записаться.

— И ты записан тоже...

— Однако, — сказал Кедрин, — вы хороший психолог...

— Да, — сказал Велигай. — Я хороший психолог. — Он взглянул вслед лодке, которую автопилот бережно поднял в воздух и теперь уводил в гараж. — А вообще-то я пилот по основной специальности. Звездолетчик с «Джордано»... Бывший звездолетчик, вернее. Но кто был звездолетчиком, тот уж останется им до самого конца. Понял, Кедрин? До самого конца...

На орбите Трансцербера становится горячо. Нет, не потому что Транс излучал слишком много инфракрасных; инфракрасных он излучает не больше, чем любой астероид. Хотя возможно еще, что Транс совсем не астероид. Просто достаточно большой метеор. Порядка двух-трех километров в диаметре — так примерно оценивают исследователи его размер теперь, когда стало возможно наблюдать его визуально.

Плотность Трансцербера должна быть совсем ничтожной, ибо масса его, как теперь уже ясно, невелика. Но в таком случае вовсе уж неясно, что произошло: действительно ли Герн засек Трансцербера или это просто совпадение и никакого Трансцербера не было?

Как бы там ни было, столкновение произойдет: «Гончий Пес», к сожалению, вышел на орбиту достаточно точно. Столкновение произойдет, и это становится настолько очевидным, что даже капитан Лобов решает провести внеочередной сеанс связи с Приземельем. О чем он говорит, никому не известно, но после сеанса он заявляет, что Длинный корабль будет готов на три недели — да, да, на три недели! — раньше самого краткого из намеченных сроков.

Это успокаивает, хотя и весьма относительно. А тут еще один из исследователей, горячий приверженец Герна, заявляет, что масса Транса могла быть и гораздо больше. Каким образом? Очень простым. Известно, что при достижении скорости, близкой к световой, масса летящего тела...

— Да, — возражают ему. — Но каким же образом?.. И какими же причинами?.. А вспомните-ка формулу, гласящую...

И возникает битва мнений и формул, самая горячая за все время полета. Указательные пальцы скреживаются, и от них сыплются искры. Гремят возгласы: «Но если принять Д равным...», «А помнит ли коллега уравнение пространственного поглощения Горича, которое?..» Коллега, разумеется, помнит. Вот капитан Лобов не помнит. Он стоит около забытых сейчас приборов и видит, как скорость сближения снова начинает стремительно нарастать. Он заглядывает в окуляр. Да, это тело приближается... На этот раз, кажется, все...

И он произносит еще несколько фраз, из-за которых затихшая было дискуссия вспыхивает с новой силой. А капитан Лобов прикидывает и, глядя на часы, начинает вести отсчет — разумеется, про себя: «Тридцать минут... Двадцать девять минут... Двадцать восемь...»

Двадцать восемь минут до корабля, — сказал Велигай. Снова вокруг были люди, на лицах которых лежал отблеск бескрайних пространств, «звездный загар», как его называли, хотя это вовсе не был загар, а просто суровость и откровенность, наложенные на лица жизнью в Заземелье. Цветные стены залов космопорта отбрасывали свет, в каких-то пересечениях создававший вдруг комбинации самых невероятных оттенков. Слышалась музыка, пахло цветами — очень много цветов

было высажено в залах для того, верно, чтобы еще раз посмотреть и крепко запомнили их люди, уходящие в поля, где нет цветов и где бывают зелеными звезды, а не листья.

Они прошли вперед, ближе к выходам. Цветные залы тянулись долгой анфиладой. Люди сидели, шли, стояли; доносились обрывки разговоров. Наконец впереди показался последний, предстартовый зал.

Здесь не было цветов и музыки. Здесь уже было пространство. Матовые стены убегали вверх, переходя в круглый потолок. Люди здесь уже собирались группами по кораблям, и можно было отличить орбитальников от жителей Заземелья и от многочисленных обитателей лунных материков. Пахло яблоками: почему-то все везли с собой яблоки.

Велигай и Кедрин подошли к передней стене зала. Она отбрасывала мягкий сумеречный свет, странно маленькие корабли стояли подле стены около таких же маленьких эстакад. Кедрин принял было их за модели; но прозвучали команды — и одна группа торопливо направилась к выходу и через минуту, во много раз уменьшенная, показалась, выйдя из тоннеля, на фоне четвертой стены. Тогда Кедрин понял, что это было стекло, и площадка космодрома внутрилунных орбит виднелась сквозь него, и корабли эти были настоящие корабли.

Пассажиры медленно втянулись в корабль. Закрылись люки. И вот началось зрелище, которого человеку никогда не будет слишком много: тяжелый корабль оторвался от Земли и медленно-медленно всплывал вверх, словно был легче воздуха, и этот воздух вытеснял его со дна кругоземного океана... Метр, и другой, и третий, и десятый прошел корабль вверх, а его двигатели молчали, и это было похоже на чудо, и, конечно, создавшие его люди были не из тех, что спят, пока работают машины.

— Как ловят ветер его паруса!.. — сказал стоявший рядом Велигай, и Кедрин согласился, хотя и не оценил сравнения, потому что никогда не ходил под парусами.

Чуть-то тихо шелестело за окном, и зал, чудилось, подрагивал от напряжения, а где-то под космодромом на полную мощность работали установки агра... Где-то высоко грянули, наконец, двигатели корабля, и теперь его «паруса» забрали полный ветер — элеф-компоненты гравитационного поля, и корабль скользнул вверх, и огни его мелькнули, исчезая... Кедрин вздохнул, вытер лоб.

— Здесь по-настоящему чувствуешь, что мы вышли в космос.

— Да, — сказал Велигай. — Неизбежно одно: жизнь. Жизнь и вечное развитие. Пусть исчерпает себя синтез гелия во всей доступной нам вселенной! Пусть происходит многое другое! Но вечно древо жизни.

— Даже тогда?

— Даже тогда. Только это будет уже не просто человечество — что-то гораздо большее. А в принципе, поскольку количество энергии во вселенной не уменьшается, надо будет найти просто новые способы ее преобразования. Переставить сосуды: нижний — вверх. Только и всего...

Он засмеялся. Кедрин спросил:

— А бессмертие?

— Человечество бессмертно.

Прозвучала команда. Вспыхнули табло. Площадка висела в воздухе на уровне люков корабля. Земля была далеко внизу. Они уселись в кресла, системы страховки плотно охватили их тела. Наступила тишина, весомость. Потом тихо загудели двигатели.

Снова были спутники, начиная с Дробь первого. Корабль обходил их по очереди. В зал Дробь седьмого Кедрин вступил с ощущением, словно здесь он прожил долгие годы своей жизни. Велигай похлопал Кедрина по плечу и заторопился к себе. Кедрин шел медленно: предстоящие встречи уже стояли перед его глазами. Первая из них произошла даже раньше, чем он ожидал. Маленький лысый человек подошел к нему, дружелюбно улыбаясь.

— Вы с корабля? — спросил он. — Может быть, вы хотели осмотреть спутник? Так это обыкновенный спутник. Вы прилетели работать?

— Я прилетел работать, Герн, — подтвердил Кедрин. — И не морочьте мне головы, не делайте вид, что вы не узнали меня.

— Ага, — сказал Герн. — Нет, конечно, я вас где-то видел... Я просто забыл. Здесь забудешь все на свете. А они были уверены, что вы скоро вернетесь на спутник... Вы понимаете, этот болтун, этот флибустьер пространства, он-таки построил эту схему! Ему удалось установить, что в момент аварии у Лобова все мы находились на одной прямой...

— Кто «мы»?

— Естественно: Трансербер, Лобов и мы — если учесть, конечно, расхождение лучей: вам ведь известно, что расхождение неизбежно при самой совершенной...

— Известно!

— Ну, конечно. Так, значит, вам понятно и то, с чем же мы имеем дело.

— Герн, я вас...

— Ну, ну... С направленным излучением, вот с чем! А? Мало того, один конец этой прямой нам уже известен. Это, конечно, Трансербер. Правда, тут ваш друг начинает строить абсолютно ненаучные гипотезы. Я с ним не согласен, но, может быть, он прав. Скажите, а вам не кажется, что это излучение имеет отношение к запаху? Ведь именно в то время мы испытали...

— Об этом потом, Герн. Один конец, вы сказали. А другой?

— Другой? Насколько можно судить, он направлен в район звезды Арвэ, которая... Впрочем, вам это ничего не даст. Вы ведь не знаете характеристик Арвэ...

— Я вижу, вы меня действительно вспомнили.

— Допустим, излучение направлено туда — или оттуда, пока никто не знает. И вообще я не берусь вам все это объяснять. Вы должны знать, что сведения лучше всего черпать из первоисточника. А это не я.

— Кто же?

— Он спрашивает! Гур, этот монтажник с большой дороги, этот похититель локаторов! Но сейчас его не оторвать от корабля.

— Говорите членораздельно, Герн. Что-нибудь с кораблем?

— А что с кораблем? — сказал Герн. — Сегодня сдача. Он готов. Готова эта чертова труба, готов кораблик!..

Кедрин резко повернулся. Герн еще что-то бормотал ему вдогонку. Кедрин стремительно зашагал по эскалатору, поднялся наверх, побежал по коридору. Она еще не успела выйти в пространство. Нет, конечно, не успела. Они оба выйдут вместе; сначала встретятся, потом проводят корабль, а потом...

На этот раз протяжный свист не провожал его — автоматы спутника сразу признали в нем своего, они граненые головки поворачивались бесшумно. Кедрин все замедлял шаги. Последний шаг перед ее дверью он сделал, напрягая все силы.

Он не знал, что скажет ей. Не было времени подобрать слова. Просто сейчас он увидит ее, а больше ничего ему не нужно.

Он положил руку на ручку двери и закрыл глаза.

Каюта была пуста.

Он шагнул вперед и сел. Было странно неуютно, хотя все как будто было на месте. Даже что-то валялось на кресле, свешиваясь, — нечто специфически женское, из туалета. Значит, она здесь. Она может войти каждую минуту. Она не вышла бы в пространство, не прибрав каюты.

Он ждал. Прошло много минут. Потом Кедрин вскочил. Кто же будет сидеть в каюте в день сдачи?

В гардеробном зале была пустота, люки были наглухо закрыты. Так! Здесь не достанешь скваммера — все в пространстве. Двести восемьдесят третий тоже, естественно, в пространстве. Но ничего. Есть еще выход...

Он заторопился знакомым путем — туда, где был выход в пришвартованный к спутникам корабль, населенный тренировочными скваммерами. По счастью, все они оказались на местах. Кедрин торопливо влез в один из них, проверил. Все было в порядке. Он прошагал к люку, встал на него — и сейчас же очутился в пустоте.

Он очутился в пространстве, в том самом, мысли о котором, как оказалось, все время жили где-то глубоко в нем рядом с воспоминаниями о красивейших местах Земли.

Он включил двигатель и устремился в рабочее пространство. И чем ближе подходил к рабочему пространству, тем холоднее ему становилось. Он помотал головой, потом с силой стукнулся затылком об амортизатор фонаря. Было больно. Потом закрыл глаза, открыл их, потрогал лоб, опять закрыл глаза и опять взглянул.

— Да, это было так, хотя этого не могло быть. Никак!

В пространстве не было скваммеров. Но были люди. Были монтажники без скваммеров. Без ничего! Почти голые — в пронизанном радиацией вакууме пространства.

Люди парили в пустоте, и радостные цвета их нарядов казались неестественными для взгляда, привыкшего к сумрачной монотонности скваммеров. Они купались в пустоте, как купаются люди в полных жизни волнах теплых морей.

— Да нет, — сказал Кедрин, — ерунда!

— Не виси на месте, Кедрин! — услышал он. — Делай свой шаг вперед!

Гур оказался тут, рядом. Яркая куртка, которую он обычно носил только на Земле, облегла его сильный торс, на руках

были тонкие перчатки, на голове — ничего... Кожа его лица отблескивала, и Кедрин тоскливо подумал, что сейчас сойдет с ума.

А его заметили, и с разных сторон рабочего пространства к нему уже слетались разноцветные, хохочущие, ликующие монтажники. Он узнавал многих. Внезапно и его охватило веселье.

— Сейчас и я к вам!.. — крикнул он, отводя руки за спину, к предохранителям. И в самом деле, это значит просто, что можно дышать в пространстве. Не может быть? Мало ли чего не могло быть...

— Стой! — рявкнул Гур. — Не порть праздника, ты, торопливейший! Убери руки!

Кедрин послушно убрал.

— Или, может быть, мы здесь в самом деле голые? — язвительно спросил Гур, кружа вокруг скваммера. — Нет, отсталый друг мой, это всего лишь прозрачная антирадиационная пленка — идеальная изоляция. — Он хлопнул себя по бедру. — Передвигаемся без ранцев, наведено поле, у нас — проводники под током. А, что говорить, высокочтимый! Сблаговолит дать скорость! Догоняй, иначе ты ничего не увидишь!..

Описав круг, он рванулся туда, где пока еще покоилось вытянутое, километровое тело Длинного корабля. Кедрин тронулся туда же, сопровождаемый сонмом разодетых монтажников, ярких и радостных.

Сегодня был их праздник — день корабля. Они создали его — люди, которые сейчас не напоминали более небесные тела, какими выглядели в скваммерах. Свободные в пустоте, не закрытые гулкой железной скорлупой, они казались и родившимися и выросшими здесь, в пространстве. Они населяли небо, как молодые и задорные боги.

Кедрин шел на малой скорости. Он все время искал глазами одно лицо. В пространстве стало возможно узнать человека в лицо, и он видел много знакомых лиц, кроме того, которое хотел увидеть.

Его не было. Мимо промахнул Дуглас: на его лице сияла неожиданная улыбка. Он махнул Кедрину рукой и умчался куда-то вперед, поближе ко входному люку корабля. Седов на миг вырвался из гущи летучей стаи, взвился над нею; его обычно каменное лицо выглядело взволнованным. Только ее не было, только ее!

— Не сердись, хорошая, — тихо сказал он вслух.

— Не буду. Только почему я — хорошая?

Кедрин охнул — он забыл, что говорит на волне Гура. Но тут же другая мысль ударила по нервам.

— Гур, — сказал он. — Она... еще больна?

— Нет.

— Но я ее не вижу...

— Увидишь... — сказал Гур.

«Увижу!» — подумал Кедрин.

Умело затормозившись, он повис в полуметре от зеленоватой, зеркальной брони корабля недалеко от люка, внешняя крышка которого была распахнута. Раздалась команда. Часть монтажников разлетелась в стороны, открывая широкий канал, по которому уже шел катер.

Он приближался. Седов стоял на откинутой площадке звездолета и был неподвижен, как статуя. И Кедрину показалось, что даже отсюда узнает он всегдашний холодноватый, пристальный взгляд. А катер подходил все ближе, и все знали, кого он несет в своей объемистой кабине. Катер плавно повернул, и хотелось верить, что и сам он слегка изогнулся в этом повороте, настолько красивым было это движение, и замер, выбросив голубоватое облачко, — замер напротив открытого люка. Тусклый борт катера раздвинулся, и несколько фигур легко скользнули из возникшего провала в пространство.

Это были они, новые хозяева корабля, до последней минуты безраздельно принадлежавшего еще людям Звездолетного пояса и в первую очередь монтажникам. Теперь пришли пилоты. В ярких мягких скафандрах они проскальзывали несколько метров пространства, что отделяло их от будущего дома, и выстраивались на крыльце этого дома; и монтажникам были видны их улыбающиеся лица и блестящие глаза.

Потом их командир — и Кедрин вспомнил пилота глайнера «Кузнечик», — мягко ступая, подошел к неподвижному шеф-монтеру и обнял его, и Седов тоже обнял нового капитана, а потом приглашающе протянул руку к освещенному зеву люка.

Капитан направился к люку, а Седов, сделав два шага, с силой оттолкнулся от края площадки и медленно поплыл в пространстве... Звездолетчики замахали руками. В телефонах сквамера Кедрина зазвучали их взволнованные, нерасчетливо громкие голоса. Потом они скрылись в выходной камере. Крышка люка медленно поползла вверх, навстречу ей изнутри выдвинулась вторая.

Светлое пятно закрылось, тотчас же раздалась команда. Монтажники отхлынули в стороны, занимая заранее определенные позиции. Тело корабля еще миг отблескивало в лучах осветителей, потом внезапно вспыхнули все иллюминаторы и опознавательные огни, и корабль превратился в лучшую драгоценность. И трудно было поверить, что это они, монтажники, создали такое чудо. Проба огней была всего лишь началом испытания корабля: с момента, когда зажглись ходовые огни, сооружение действительно стало кораблем, самостоятельной единицей Звездолетного флота. Он не принадлежал больше монтажникам, не принадлежал Поясу, хотя связь между ними и должна была сохраниться еще надолго, навеки. Был хорош, но и труден этот момент, когда уходил сын Пояса, и ему предстояло увидеть новые звезды, а здесь оставалось старое пространство и память, память...

Кто-то скользнул и замер поодаль, и Кедрин узнал шеф-монтера. И снова все сделалось неподвижным, только сам корабль, казалось, шевелился: открывались и закрывались, проходя испытание, грузовые люки, выдвигались смотровые площадки и мостики, шевелились, поворачивались, втягивались и вытягивались антенны. И каждый раз кто-то из монтажников — тот, кто монтировал этот мостик или антенну, горделиво взглядывал на соседей, хотя и так все знали, что ничто не может отказать.

Корабль шевелился, как ребенок,двигающий руками и ногами просто потому, кажется, что движение доставляет ему радость. Но ребенок встанет на ноги не скоро, а этот был уже

готов: челюсти люков закрылись, втянулись лишние антенны; и казалось, еще тише стало в безмолвном пространстве.

Все ждали этого момента, и все же ни один, наверное, не уловил первого, едва заметного издали содрогания корабля. Но он уже не висел на месте — затемнилась одна звезда, вторая... И вот движение стало уже заметным, и едва осязаемое взглядом голубоватое облачко дрожало в зоне выхода стартовых двигателей, а звездные будут включены лишь вдалеке от планеты. Корабль уходил в испытательный однодневный полет, сверкая, как созвездие, равный среди равных во вселенной, небесное тело галактического ранга... Он уходил, и никто не взялся бы предсказать его звездолетную судьбу, но все знали, что она будет прекрасна. Ход корабля резко убыстрился, корабль торопился в вечный день черного пространства — день, ибо не может быть ночи там, где сияют миллиарды солнц. Кедрин вздохнул и осмотрелся; Седов был рядом, с рукой, поднятой к глазам, и не требовалось особого усилия, чтобы представить себе, что было сейчас в глазах человека, который еще строил корабли, но не мог летать. Кедрин снова вздохнул — сочувственно, но шеф-монтер уже отнял руку, и голос его, произнесший команду, дрожал не больше, чем монолитные основания земных космодромов.

А корабль скрылся, он стал слабой звездочкой, затерявшейся в бездне. Монтажники медленно поплыли к спутнику. Кедрин занял место у входного люка. Его окликали и приветствовали. Казалось, все поняли, какой он славный парень. В другой раз он обрадовался бы этому, а сейчас просто кивал головой — и ждал...

Он вошел в спутник вслед за последним монтажником. Войти пришлось через корабль, там он оставил скваммер. Потом пошел в командную централь спутника. Как бы ни было, в первую очередь надо было доложить о том, что загадка запаха решена, а лишь потом узнать, где Ирэн. Кедрин был спокоен, только нижняя челюсть выдвинулась вперед и взгляд стал тяжелее.

Шеф-монтер сидел в кресле, и на лице его не было совсем ничего от бывшего пилота. Он был шеф-монтер — и все, и именно с таким выражением смотрел он на Герна. Гери порывисто расхаживал по комнате и ожесточенно полировал ладонями багровую лысину.

— Вот, — сказал Гери и схватил Кедрина за рукав. — Даже он знает, кто открыл Трансербер. А?

— Знает, — сказал Седов.

— И теперь корабль идет туда, а я должен сидеть здесь? У них есть место. До завтра они еще будут висеть в пространстве Полигона. И одного вашего слова достаточно, чтобы...

— Нет, — сказал Седов.

— То есть как «нет»? Как вам нравится! А то, что я...

— Нет. Они пойдут на пределе ускорений. А вы...

— Я! Ну и что? Со мной ничего не будет!

— Не будет, — сказал Седов, — потому что вы не полетите.

— Ха! А я хочу знать! Вот он, — Гери кивнул на Кедрина, — он тоже хочет знать. Но не знает...

— Я, — сказал Кедрин, — знаю природу запаха.

Герн пожал плечами.

— Ноль информации, — сказал он. — Это уже все знают. Кто-то сообщил с Земли, хотя, как он додумался, не имею понятия. А вот Трансцербер...

Дальше Кедрин не стал слушать. Он взглянул на Седова.

— Кто-то сообщил раньше меня?

— Нет.

— А костюмы? Как вы успели?..

— Просто, Кедрин. В мире все просто. Только простота эта, ох, как сложна!.. Скваммеры и так доживали свой век: броненосная техника, наследие прошлого. Пластик, из которого сделаны новые костюмы, был испытан заранее...

— Но ведь новое излучение...

— Да. Но Гур...

— Послушайте, — сказал Герн, который не мог так долго слушать не вмешиваясь. — Излучения излучениями, и Гур — это Гур. Но, может быть, вы мне, наконец, объясните, зачем он все время обстреливает Трансцербер направленным син-полем? Может быть, он думает его разрушить? Не удастся, поверьте мне, который что-нибудь понимает...

— Новое поле — мим, — сказал Седов, — на деле всего лишь один из компонентов син-излучения, — сказал Седов. — Герн, Герн, это уже все знают! Пока ты, — он повернулся к Кедрину, — шел к уяснению механики этого запаха, Гур, не зная ее, все же искал излучение. Скорее интуитивно, чем... И он нашел его. Теперь он рассчитывает на то, что тот, кто принимает мим, примет и син-сигналы — хотя бы одну из их составляющих. Одним словом, новый пластик проверен и на это поле. Бояться нечего, Кедрин.

— А раньше?

— Я никогда не боюсь, — сказал Седов. — Я разучился. Когда человек делает себя, он многому учится, но должен и что-то забывать — то, что досталось нам от предков.

— Как все это умно! — сказал Герн, переминаясь с ноги на ногу. — Но интересно, кто это должен принимать сигналы Гур? Камни? Так им глубоко безразлично, поверьте мне. У небесных тел есть один язык — язык астрономии. У них нет второй сигнальной...

— У небесных тел есть люди! — сказал Кедрин.

— И этот молодой человек летел вместе с Велигаем! Стыд!.. — сказал Герн. — И вообще я не знаю, что делается. Поля растут как грибы, а чтобы пустить человека убедиться — так нет! Жизнь — ребус. Полно перевернутых запятых...

Кедрин повернулся к выходу. Он шел по проспекту Бесконечных трасс. Дверь в ее каюту он распахнул рывком.

Женщина вскрикнула. Затем улыбнулась.

— Вот мы встретились, — сказала она. — Вы тогда убежали. Но я все равно здесь. Я сказала вам, что хочу на Пояс. И вот я...

— А она? — спросил Кедрин.

— Кто?

— Та, что жила здесь?

— Не знаю, мне дали эту каюту. Вы были на сдаче корабля? Как хорошо! Что нового на планете? Вы так и будете стоять в дверях?

— Нет, — сказал Кедрин.

Коридор был могильно тих. Монтажники, верно, уже собирались в кают-компанию. Там сегодня будет тесно и весело.

Он пошел к себе и лег. Кювета не была занята — ждала его. Кювета ждала... А ведь когда-то люди думали, что в счастливом будущем все будет хорошо и розово, верной будет всякая гипотеза, разделенной — каждая любовь. А может, когда-нибудь так и будет? Хотя вряд ли... Значит, нечего лежать...

Он поднялся, хотя что-то упрямо старалось положить его на лопатки. Принял душ и пошел в кают-компанию.

Там было действительно куда теснее, чем в пространстве. Говорил Велигай, поднимая бокал:

— ...Вот какую проблему должно решить человечество. И оно решит ее. Как? Самым простым образом.

Человек хочет остаться человеком. И, как ни странно, ему мало для этого одной Земли. Люди знали это уже в двадцатом веке, когда делали только первые шаги в Приземелье. Мудрец сказал: «Земля — колыбель человечества, но нельзя все время жить в колыбели». Подчеркиваю: нельзя...

Он перевел дух, отпил. Все молчали.

— Нельзя. Человечество вырастает. И вот настает для него время выйти в пространство по-настоящему. Не экспедициями, не научными станциями. Массой. Жизнью.

Кедрин поднялся. Стараясь ступать бесшумно, подошел к сидевшему неподалеку Гур, поманил его к двери. В коридоре Гур сказал:

— Ты мог бы и потерпеть.

— Нет, — сказал Кедрин. — Скажи, откуда берется мим-поле?

— Никто не знает. Конечно, у каждого есть свое мнение...

— А твое?

— Мое? Ты же серьезный человек, зачем тебе мнение прогно-сеолога? Я ведь такой...

— И в самом деле, — сердито сказал Кедрин. — Я смотрю, сегодня все одеты по-человечески, и только ты в своей леопардовой кацавейке. Ты что, не мог?

— Не мог, — грустно сказал Гур. — В том-то и вся беда! Мой выходной костюм несколько поврежден с тех пор, как я однажды лазил в нем в канал стартового двигателя... — Он вздохнул и извиняющимся тоном добавил: — Это было слишком срочно...

— Вот поэтому на тебя иногда и смотрят несерьезно!

— Ну, — усмехнулся Гур, — это еще как сказать...

Он сделал шаг вбок, входя в полосу света из кают-компания.

Это был миг тишины, и что-то чуть слышно звякнуло при его шаге и вспыхнуло на пестрой кацавечной груди... Шесть золотых эллипсов были на ней и три параболы — шесть дальних исследовательских полетов и три похода Дальней разведки, походов, отнимавших полжизни... И, значит, не менее полутора жизней уже прожил Гур, если мерять жизни не продолжительностью, а количеством свершений.

Кедрин только глотнул и не сказал ничего.

— Так что, — сказал Гур, — дело не в этом. Хотя я и установил, что это направленное излучение и направлено оно примерно в ту точку пространства, где находится пресловутый Транс, но выводы показались многим слишком фантастичными.

— Но не Седову?

— Седов слишком много летал для этого, — сказал Гур. — Надо много летать, чтобы всерьез относиться к фантастике... Но рано или поздно нам всем придется примириться с тем, что так называемые фантастические события происходят гораздо чаще, чем мы думаем. И чем дальше, тем будут происходить чаще, потому что необъяснимые факты определяются примерно квадратом числа фактов, уже известных и объясненных.

— И все же мне не ясно, в чем тут фантастика.

— Ах, не ясно?.. Итак, ты уже знаешь, что этот самый проклятый запах возникал у нас в определенные моменты, когда Транс, мы и звезда Арвэ, около которой, очевидно, находится что-то интересное, располагались на одной прямой.

— Знаю. Герн...

— Старый гениальный болтун. При чем тут Герн? Важно, что направленное излучение, как правило, в природе не встречается. Есть возможность предположить его искусственный характер. Иными словами, предположить, что Транс — это...

— Фантазия, Гур.

— Видишь? А почему, мой ортодоксальный...

— Потому... потому, что этого никогда не было. Никакие признаки...

— Вот, вот! Но тебе не кажется, что в таком случае фантастика и Звездолетный пояс?

— Ну, знаешь!.. Хотя ладно. Зачем же ты посылаешь им сигналы?

— Чтобы они их приняли. Вернее, их автоматы... Да, скорее всего.

— Они не поймут.

— Неважно. Хозяева автоматов поймут хотя бы, что вблизи — авторы этих сигналов. И этого будет достаточно, чтобы они сами разобрались в остальном, и их автоматика не устраивала нам неприятностей вроде лобовской или той нашей драки с экранами.

— Ты думаешь?

— Размышлять полезно всегда, только не в ущерб действию. Одним словом, скажу по секрету: я не удивлюсь, если...

— Ну?

— Да ничего... В общем, я думаю, Лобов вскоре расскажет все сам, и гораздо более подробно. А пока я пойду ко всем. У меня мало времени...

— Очередной эксперимент?

— Нет, куда серьезнее и тяжелее. Предстоит вычистить этот мой праздничный костюм.

— Возьми новый.

— Не позволяет совесть. Но он мне нужен. Уж ради тех, кому я сигналю, я надену праздничный. В ближайшем будущем, друг мой, я предвижу много необычных встреч.

— И все же не верится.

— А само собой, — сказал Гур рассеянно. — Так это ты для этого соизволил вытащить меня с места, которое, я уверен, уже занял какой-нибудь уставший корифей монтажа?

— Все зубоскалишь?

— Я серьезен, как академик Велигай, как тензорное исчисление, как разочарованный влюбленный.

В следующий миг Гур оказался прижатым к стене. Кедрин яростно глотал воздух.

— Где она? Или...

— Фу, как банально — душить человека!.. Разве ты ее не заметил?

— Где?

— В команде корабля. — Гур яростно схватил рукой воздух, перед ним была пустота. — Да послушай...

Он смотрел вслед убегающему, пока тот не скрылся за углом поперечного проспекта, ведущего к эллингам. Потом улыбнулся.

— Что ж, кричи, родившийся, — пробормотал он, — ибо дважды рождается человек, и оба раза в любви. Первый раз его порождает любовь родителей, а второй... Впрочем, я, кажется, становлюсь серьезным...

XX

Молчание на орбите Трансцербера. Проникая через иллюминаторы, голубоватый свет заливал рубку. Все молчат и, сами того не замечая, принимают такие позы, чтобы удержаться, устоять. Но не устоять, потому что Транс приближается со скоростью примерно километра три в секунду. Все происходит мгновенно и безболезненно.

Тишина. Потом кто-то из исследователей произносит:

— А зря мы заставили ребят волноваться там, на Земле...

И снова молчание.

Космический разведчик, набитый материалами, ушел к Земле три минуты тому назад. Он достаточно быстр, он уйдет. Но аппараты продолжают щелкать, замерять, записывать. Может быть, что-нибудь уцелеет, и экипаж Длинного корабля найдет.

Тишина. Только слышен размеренный, будничные голос капитана Лобова:

— Двенадцать...

И пауза. Страшно долгая пауза...

— Одиннадцать...

Бескрайная пауза.

— Десять...

Другой исследователь говорит:

— Интересно, что это все-таки такое?

— Восемь... — вместо ответа говорит капитан Лобов.

— Ну, — смущаясь, говорит третий исследователь. — Давайте, что ли, по обычаю...

Он неловко целует стоящего рядом пилота. Другие тоже целуются.

Это всегда выглядит немного смешно, когда целуются мужчины, хотя на самом деле это иногда бывает страшно.

— Шесть... — говорит капитан Лобов.

— «Наверх вы, товарищи...» — запекает кто-то.

— Четыре... — говорит капитан Лобов.

Голубое сияние в рубке становится все ярче...

На орбите Трансцербера все спокойно.

— И запишите, — скучным голосом говорит капитан Лобов. — Тело, именуемое Трансцербером и оказавшееся кораблем неизвестного происхождения — межзвездным автоматическим разведчиком, — обогнуло корабль «Гончий Пес» и ушло курсом сорок семь — двести двенадцать плюс... Установлена работа двигателей, характер которых не ясен. Трансцербер больше не наблюдается. Ну, и прочее, что надо. А я пойду спать. Да, работа двигателей сопровождается излучением в световом диапазоне. Это не забудьте. И приведите все в порядок. Думаю, скоро мы увидим и наш корабль...

Кедрин вышел из приемного шлюза в салон Длинного корабля и сощурился от спящего света. Перед ним стоял Седов. А позади него — Ирэн. Кедрин смотрел через плечо шефа.

— Послушайте, Кедрин, тут, на корабле, нет Элмо.

— Но, шеф...

— Нет Элмо, такого как на Земле, — здесь он чуть меньше.

— Шеф!

— Говорить буду я, вы — слушать. Вы зачислены в экипаж Длинного корабля.

Кедрин пытался открыть рот, но Седов предостерегающе поднял руку:

— Свяжитесь с Герном и возьмите необходимые исходные данные по расчетам Трансцербера.

И тут Кедрин увидел, что каменное лицо Седова может улыбаться, а глаза сверкать искринками веселья:

— Считайте, что вы сделали еще один шаг вперед.

Недавно мы закончили работу над повестью «Тонкая нить», которая будет публиковаться на страницах «Искателя» в будущем году.

Книга с острым и сложным сюжетом, написанная увлекательно, со знанием дела, воспитывающая читателя в духе преданности социалистической Родине, дающая яркие примеры мужества, самоотверженности, чувства долга (а именно таким примером служат герои приключенческих произведений), полезна, необходима. Нужны произведения, посвященные героическому труду наших славных чекистов, работников милиции, охраны общественного порядка.

Мы, авторы повести «Тонкая нить», твердо в этом убеждены. Но, конечно, быть сторонниками приключенческой литературы — одно, а написать приключенческую повесть — совсем другое. Мы взяли на себя смелость создать книгу о героическом труде чекистов и вынести ее на суд читателей потому еще, что оба с точки зрения профессиональных знаний владеем предметом достаточно.

«Тонкая нить» — наша первая совместная работа. До этого одним из нас написано несколько книг и десятки очерков и статей; из-под пера другого недавно вышла книга «Чекистка». Судить о литературных достижениях и недостатках нашей совместной работы предстоит читателям.

В основу повести положены подлинные события, герои ее — живые люди. Вот уже несколько лет, как мы задумали написать цикл произведений, главным героем которых будет рядовой чекист майор Миронов. В образе Миронова нам хотелось бы воссоздать лучшие черты чекиста наших дней, подлинного продолжателя славных традиций Феликса Дзержинского. Нам хотелось показать, как Миронов и его друзья, товарищи по работе, опираясь на помощь и поддержку советских людей, раскрывают изодранные козны врага, распутывают сложные и запутанные преступления.

Я. Науменко

А. Горбунев

А. КОНАН-ДОЙЛЬ

Шайна старой штольни

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

З аписи, с которыми вы познакомитесь ниже, были найдены среди бумаг distinguished доктора Джеймса Хардкастля, скончавшегося от туберкулеза 4 февраля 1908 года в Южном Кенсингтоне.

Все, кто близко знал покойного, утверждают в один голос, что доктор, человек аналитического склада ума, отменно рассудительный, вряд ли был способен на пустые фантазии или мистификацию. Поэтому совершенно исключено, чтобы он мог выдумать эту по меньшей мере загадочную историю.

Записи покойного были вложены в конверт с надписью: «Краткое описание событий и фактов, имевших место весной прошлого года близ фермы мисс Эллертон в северо-западном Дербишире».

«Дорогой Ситон!

Вас, быть может, заинтересует, а возможно, и огорчит сознание того, что ирония, с которой вы встретили мой рассказ, помешала мне поведать его кому-либо еще. Я оставляю эти записи. Быть может, люди посторонние проявят ко мне больше доверия, чем лучший друг».

Наведенные справки не позволили выяснить личность таинственного Ситона. Я могу лишь добавить, что с абсолютной достоверностью установлены и пребывание мистера Хардкастля на ферме Эллертонов и характер тревоги, охватившей в свое время население тех мест.

Вслед за этим несколько затянувшимся вступлением я привожу рассказ доктора без единой поправки. Изложен он в форме дневника, одни записи которого очень подробны, другие — сделаны лишь в самых общих чертах.

«17 апреля. Я уже чувствую благотворное влияние чудесного горного воздуха. Ферма Эллертонов расположена на высоте 1420 футов над уровнем моря. Климат здесь здоровый и бодрящий. Если исключить обычный утренний кашель, меня ничто не беспокоит. Парное молоко и свежая баранина позволяют надеяться на прибавку в весе. Думаю, Саундерсон будет доволен.

Обе мисс Эллертон очень забавны и милы. Это маленькие трудолюбивые старые девы. Все тепло их сердец, которое должно было бы согреть мужей и детей, они готовы отдать мне, чужому для них инвалиду.

ЧИСТАЯ СТАРЫЕ Страницы

Рассказ Конан-Дойля представлялся его современникам чистойшей выдумкой. Но теперь, полвека спустя, читатель, пожалуй, может посмотреть на него другими глазами. В настоящее время считается, например, доказанным, что в шотландском озере Лох-Несс обитает доисторическое «чудовище» — плезиозавр.

Кандидат биологических наук С. К. Клунов так пишет о работе экспедиции, которая изучает лохнесское «чудовище»:

«Материалы экспедиции... заслуживают полного доверия. Я регулярно получаю известия от участников экспедиции. Со мной согласен в этом вопросе член-корреспондент Академии наук СССР Лев Александрович Зенкевич, известный советский океанолог и гидробиолог. Эту же точку зрения разделяет крупнейший американский зоолог Сандерсон, но с некоторыми оговорками. Сандерсон считает, что в водах Лох-Несса скрывается не доисторическое пресмыкающееся, не звероящер, а неизвестное нам млекопитающее. Я же склонен думать, что «Несси» если не плезиозавр, то потомок или сородич плезиозавра, сохранившийся до наших дней благодаря благоприятным условиям озера Лох-Несс».

Старые девы — самые полезные на свете люди. Они резервные силы общества. Иногда о них говорят: «лишние» женщины. Но, бог мой, что было бы с бедными «лишними» мужчинами без их сердечного участия? Между прочим, по простоте душевной они довольно скоро открыли мне, почему Саундерсон рекомендовал именно эти места. Оказывается, профессор — уроженец этого края и, я уверен, в юности не раз гонял ворон на окрестных полях.

Ферма самое уединенное место в округе; окрестности ее поразительно живописны. При ферме есть пастбище, раскинувшееся по дну извилистой долины. Со всех сторон ее окружают известковые холмы самой причудливой формы. Они сложены из такой мягкой породы, что ее можно ломать пальцами. Вся местность — огромная впадина. Кажется, ударь по ней гигантским молотом, и она загудит, как барабан. А может быть, вдавится внутрь и обнаружит под собой огромное подземное море. Но уж большое озеро, ручаюсь, там должно быть, ибо ручьи, сбегаяющиеся сюда со всех сторон, скрываются в недрах горы. В скалах повсюду много ушей. Проходя ими, можно обнаружить широкие пещеры, уходящие вниз, в глубины Земли.

У меня есть маленький велосипедный фонарик. Мне доставляет удовольствие ходить с ним по этим таинственным пустынным местам и любоваться сказочными серебристо-черными бликами, играющими на стенах пещер, когда я бросаю луч фонаря на сталактиты, украшающие величественные своды. Погасишь фонарь — и перед тобой видения из арабских сказок.

Одна из этих расщелин в скалах меня особенно заинтересовала, ибо она творение не природы, а рук человека.

До приезда сюда я никогда не слыхал ничего о «Голубом Джоне». Так называют своеобразный минерал удивительного фиолетового оттенка. Находят его лишь в одном-двух местах на земном шаре. Он чрезвычайно редок. Простенькая ваза, сделанная из «Голубого Джона», стоит огромных денег.

Римляне своим удивительным чутьем обнаружили диковинный минерал в этой долине. Добывая его, они прорубили горизонтальную штольню глубоко в утробе горы. Входом в рудник, который все здесь называют каньоном Голубого Джона, служит вырубленная в скале арка. Сейчас она густо заросла кустарником.

Римские рудокопы вырыли внушительный тоннель. Он пересекает несколько глубоких впадин, по которым бежит вода. Кстати, входя в каньон Голубого Джона, не забудьте делать отметки на пути и, конечно же, запастись свечами, иначе вам никогда не найти обратную дорогу к дневному свету.

В штольню я еще не заходил. Но в тот день, стоя у входа в нее и вглядываясь в черную немую даль, дал себе зарок, как только восстановится здоровье, посвятить несколько дней исследованию этих таинственных глубин, чтобы установить, сколь далеко проникли древние римляне в недра дербиширских холмов.

Удивительно, как суеверны сельские жители! Я, например,

был лучшего мнения о молодом Армitedже, человеке с некоторым образованием, твердым характером и вообще славном малом.

Я еще рассматривал вход в каньон Голубого Джона, когда он пересек пастбище и подошел ко мне.

— О доктор! — воскликнул он взволнованно. — И вы не боитесь?

— Боюсь? Чего же? — удивился я.

— Страшилища, которое обитает тут, в штольне. — И он ткнул пальцем в темноту.

До чего же легко рождаются легенды в далеких сельских краях! Я спросил его о причине непонятного мне волнения. Оказывается, время от времени с пастбища пропадают овцы. По словам Армitedжа, их кто-то уносит. Он и слушать не пожелал мои предположения, что овцы могли убежать сами и заблудиться в горах.

— Однажды была обнаружена лужа крови и клочья шерсти, — сказал он.

Я заметил:

— Но это можно объяснить вполне естественными причинами. Кровь и клочья шерсти еще ни о чем не говорят.

— Овцы исчезали только в темные, безлунные ночи.

— Однако обычные похитители овец, как правило, и выбирают подобные ночи для своих набегов, — отпарировал я.

— Был случай, — настаивал Армitedж, — когда кто-то сделал в скале пролом и отбросил огромные камни на довольно порядочное расстояние.

— Вот уж это, пожалуй, дело человеческих рук, — согласился я.

Свои доводы Армitedж закончил уверением, что он и сам слышал рев какого-то зверя и что всякий, кто долго побудет возле штольни, также сможет услышать этот далекий рык невероятной силы.

Я не мог не улыбнуться этому доводу — ведь известно, что подобные звуки могут вызываться разрушительной работой подземных вод, текущих в глубоких трещинах известковых пород.

Моя недоверчивость разгневала Армitedжа. Он круто повернулся и ушел.

И тут произошло нечто загадочное. Я все еще стоял около входа в штольню, обдумывая слова Армitedжа, как вдруг из ее глубины до меня донесся необычайный звук.

Как описать его?! Прежде всего мне почудилось, что звук пришел из далекого далека, откуда-то из самых недр Земли. Во-вторых, вопреки первому предположению, он был очень громким. И, наконец, это не был гул, треск, грохот или что-либо иное, обычно ассоциирующееся с падением воды или камней. Это был вой — дрожащий и вибрирующий, как ржание лошади.

Я прождал возле каньона Голубого Джона еще с полчаса, а возможно, и более того. Звук, однако, не повторился. В выс-

шей степени заинтригованный тем, что произошло, я отправился домой, твердо решив осмотреть штольню в самом ближайшем будущем. Разумеется, доводы Армitedжа были слишком абсурдны, чтобы поверить им. Но этот странный звук!.. Он еще звучит в моих ушах, когда я пишу эти строки.

20 апреля. В последние три дня я предпринял несколько вылазок к каньону Голубого Джона и даже проник в штольню на небольшое расстояние. К сожалению, мой велосипедный фонарик слишком слаб, и я не рискую идти с ним дальше.

Решил действовать более методически. Звуков больше не слышал и готов прийти к заключению, что оказался жертвой обычной галлюцинации, вызванной, по-видимому, рассказом Армitedжа.

Разумеется, он от начала и до конца абсурден, и тем не менее кусты у входа в штольню выглядят так, словно через них прокладывало себе путь какое-то громоздкое существо. Я начинаю все больше и больше интересоваться этим делом.

Обеим мисс Эллертон ничего не сказал — они и так достаточно суверены. Купил несколько свечей и намерен произвести дальнейшие исследования самостоятельно.

Сегодня утром заметил, что один из множества ключев шерсти, раскиданных в кустах возле штольни, испачкан кровью. Конечно, здравый смысл подсказывает: козь скоро овцы бродят по крутым скалам, они могут легко и пораниться. И все же кровавое пятно так потрясло меня, что я в ужасе отпрянул от древней арки. Казалось, из черной глубины, в которую я глядел, струится зловонное дыхание. Может быть, и в самом деле там, внизу, затаилось неизвестное загадочное существо?

Навряд ли у меня возникли бы подобные мысли, будь я здоров. Но когда здоровье расстроено, человек становится мнительным и более восприимчивым ко всяческим фантазиям.

Я начал колебаться в своем решении и был готов уже отказаться от попытки проникнуть в тайну заброшенной штольни. Однако сегодняшней ночью интерес мой к этому загадочному делу вновь разгорелся, да и нервы немного окрепли. Надеюсь, завтра более детально заняться осмотром штольни.

22 апреля. Постараюсь изложить как можно подробней необычайные происшествия вчерашнего дня.

В каньон Голубого Джона я отправился после полудня. Признаюсь, опасения мои вернулись, стоило мне заглянуть в глубину штольни. Очень хотелось, чтобы кто-нибудь еще принял участие в моем исследовании.

Наконец, решившись, я зажег свечу, проложил себе дорогу через густой кустарник и вошел в шахту.

Она спускалась вниз под острым углом на расстояние около 50 футов. Пол ее покрывали обломки камней. Отсюда начинался длинный прямой тоннель, высеченный в твердой скале.

Я не геолог, однако же сразу заметил, что стены тоннеля состоят из более твердой породы, нежели известняк. Повсюду видны следы, оставленные кирками древних рудокопов. Они такие четкие, эти следы, словно их сделали лишь вчера.

Спотыкаясь на каждом шагу, я брел вниз по тоннелю. Едва мерцающая свеча освещала тусклым колеблющимся светом

только маленький круг возле меня, и от этого тени вдали казались еще более темными, угрожающими.

Наконец я добрался до места, где тоннель вливался в пещеру, по которой бежал быстрый ручей.

Это была пещера-гигант. С ее потолка и стен свисали длинные снежно-белые сосульки известковых отложений. От центральной пещеры — я смутно различал — отходило множество галерей, по которым, причудливо извиваясь, текли подземные потоки, исчезавшие где-то в глубине Земли.

Я остановился в раздумье: вернуться ли обратно или углубляться дальше в опасный лабиринт? Неожиданно мой взор упал под ноги — и я замер от изумления.

Большая часть пола штольни была усыпана обломками скал или твердой корой известняка. Но в этом месте с высокого свода капала вода, образовавшая довольно большой участок мягкой грязи. В самом центре его я увидел огромный вдавленный отпечаток, глубокий и широкий, неправильной формы, как если бы большой камень упал сюда сверху. Но вокруг не было видно ни одного крупного камня; не было видно вообще ничего, что могло бы объяснить появление загадочного следа.

А отпечаток этот был намного больше следа любого из существующих в природе животных. Но, кроме того, он был только один, а лужа грязи имела такие внушительные размеры. Вряд ли какое-либо из мне известных животных смогло бы перешагнуть ее, сделав лишь один шаг.

Подняв глаза, я всмотрелся в окружившие меня черные тени, и, признаюсь, у меня замерло сердце и невольно дрогнула рука, сжимавшая свечку.

Однако я тут же взял себя в руки, подумав, насколько нелепо сравнивать этот бесформенный отпечаток на грязи со следом какого-либо животного. Даже слон не мог бы оставить такой след. Поэтому я убедил себя, что не должен поддаваться бессмысленным страхам.

Прежде чем отправиться дальше, я постарался хорошенько запомнить какие-то приметы на стенах, по которым смогу найти вход в тоннель на обратном пути. Эта предосторожность была не лишней, ибо центральная пещера, как я уже говорил, пересекалась боковыми галереями. Убедившись в точности взятого направления и успокоив себя осмотром запаса свечей и спичек, я стал медленно продвигаться вперед по неровной каменистой поверхности одной из галерей.

И вот подхожу к описанию неожиданной и ужасной катастрофы. Мой путь пересек ручей шириной около 20 футов. Некоторое время я шел вдоль него, надеясь отыскать место, чтобы перейти на другую сторону, не замочив ног. Наконец такое место было найдено — почти из самой середины ручья торчал камень, на который я мог ступить, сделав широкий шаг.

Шаг этот стоил мне дорого. Камень, видимо подмытый водой, зашатался, и я полетел в ледяную воду. Свеча моя, конечно, исчезла; я барахтался в крошечной темноте.

Не без труда мне удалось подняться на ноги. В первые минуты это происшествие скорее позабавило, чем встревожило меня. Правда, свеча погасла и сгнула в потоке, но в моем кармане оставались еще две запасные свечи. Не мешкая, я достал одну из них, вытащил спичечный коробок, открыл его... И только тут с ужасом понял, в какое попал положение. Коробка промокла, и спички не зажигались.

Сердце словно сдавило ледяными пальцами. Вокруг непроглядная тьма. Она была такой плотной, физически ощутимой, что я невольно поднес руку к лицу, чтобы убедиться в реальности своего существования.

Я замер. Огромным напряжением воли мне удалось взять себя в руки. Попробовал восстановить в памяти пройденный по галерее путь. Но, увы!.. Приметы, которые я запомнил, находились высоко на стенах — их было не нащупать.

И все-таки я вспомнил, как примерно располагались стены галерей, и надеялся, идя вдоль них, на ощупь добраться до выхода из древнего римского тоннеля.

Двигаясь очень медленно, то и дело ударяясь об острые выступы скал, я принялся за поиски. Впрочем, прошло немного времени, и мне стала ясна вся безнадежность этого предприятия. В черной бархатной тьме моментально теряется всякое представление о направлении. Не сделав и дюжины шагов, я заблудился.

Журчание — единственный слышимый мною звук — показывало, где находится ручей, но стоило мне отойти от его

берега, как я тут же потерял ориентировку. Идея отыскать в полной темноте обратную дорогу через лабиринт известковых скал была явно неосуществимой.

Я сел на камень и задумался над бедственным положением, в котором неожиданно оказался. Я никому не сказал о намерении отправиться в каньон Голубого Джона, и было совершенно бесполезно рассчитывать на то, что люди, которые станут меня разыскивать, придут сюда. Нужно было полагаться только на себя.

Меня не оставляла надежда, что рано или поздно спички подсохнут. При падении в ручей я вымок только наполовину: к счастью, левое мое плечо оставалось над водой. Поэтому я сунул спички под мышку, рассчитывая высушить их теплом собственного тела. Но и в этом случае я знал, что раздобыть огонь смогу не ранее, чем через несколько часов. В общем мне ничего не оставалось, как только ждать.

К великой радости, в одном из карманов нашлись несколько бисквитов, захваченных мной перед уходом из дому. Я тут же с жадностью расправился с ними и запил водой из проклятого ручья, ставшего причиной моих злоключений. Затем, отыскивая на ощупь удобное сухое местечко для отдыха, я сел, вытянул натруженные ноги и принялся терпеливо ждать.

Было ужасно холодно. Одежда моя промокла, у меня не попадал зуб на зуб, но я утешал себя мыслью, что современная медицина рекомендует при моей болезни открытые окна и прогулки при любой погоде. Прошло немного времени, и я, убаюканный монотонным журчаньем потока, погрузился в тревожный сон.

Как долго он длился, сказать не могу, — может быть, час, а возможно, и несколько часов. Неожиданно я встрепенулся на своем жестком ложе. Кажется, во мне напрягся каждый нерв, и все чувства до крайности обострились. Миг назад я услышал странный, пугающий звук. О, это не было мирное журчанье ручья! Наступила тягостная тишина, но он, этот звук, все еще стоял в моих ушах.

Может быть, это разыскивающие меня люди? Но они наверняка стали бы кричать. Звук же, разбудивший меня, не был похож на человеческий голос.

Я застыл, трепеща, затаив дыхание. Звук донесся снова! Потом еще раз! Теперь он не прерывался...

Послышались шаги. Они, несомненно, принадлежали живому существу. Но что это были за шаги! За ними угадывался огромный вес и мягко ступающие, очень сильные и упругие ноги.

Шаги, незатихающие, решительные, зловеще раздавались в черной могильной темноте. Они приближались быстро и неотвратно!

Мороз пробежал у меня по коже, и волосы поднялись дыбом, когда я вслушался в равномерную вкрадчивую поступь. Это было какое-то гигантское существо. Судя по быстрым шагам, оно отлично ориентировалось в темноте.

Я прикип к скале, пытаюсь слиться с нею. Шаги зазвучали совсем рядом, потом оборвались, и я услышал энергичные всхлипы и бульканье. Огромная тварь лакала воду из ручья.

Затем вновь воцарилась тишина. Ее нарушали лишь сопенье и громкое фырканье.

Может быть, животное почуяло мое присутствие?! Я задыхался, у меня кружилась голова от омерзительного зловония, исходившего от этой твари.

Потом опять зазвучали шаги. Они раздавались уже по мою сторону ручья. Каменные осыпи грохотали в каких-нибудь нескольких ярдах от меня. Едва дыша, я съежился на своей скале.

Но вот шаги стали удаляться. До меня донесся громкий плеск воды — это животное перебиралось через поток. Наконец звуки совсем отдалились и пропали в направлении, где угадывался выход из штольни.

Долгое время я лежал на камнях, скованный ужасом. Я думал о рыке, который еще недавно слышал из глубины ущелья, о казавшихся мне смешными страхах Армитеджа, о загадочном отпечатке громадного следа на грязи. И вот только что подтвердилась совершенно невероятная реальность всего, что недавно еще казалось мне полнейшим абсурдом. Где-то глубоко в недрах горы таится диковинное страшное существо. Но я не видел его. Я ничего не могу сказать о нем, если не считать, что оно гигантских размеров, но удивительно ловко и подвижно.

Во мне шла ожесточенная борьба между чувствами, верящими в реальность существования чудовища, и рассудком, который утверждал, что такого быть не может. Наконец я был почти готов уверить себя, что все случившееся лишь часть какого-то болезненного кошмара и что причина этой странной галлюцинации, несомненно, кроется в моем нездоровье и диких условиях, в которые я сейчас попал. Бог мой, прошло всего лишь две-три минуты, и все мои сомнения рассеялись, как дым!..

Я снова достал спички и ощупал их. Они оказались совсем сухими. Согнувшись в три погибели, затаив дыхание, чиркнул одну из них. К моему восторгу, она сразу вспыхнула. Я зажег свечу и, испуганно озираясь на темные глубины штольни, поспешил к тоннелю.

По пути мне нужно было миновать участок грязи, где еще недавно я видел гигантский след. Приблизившись к нему, я замер в изумлении. На грязи появились три новых отпечатка! Они были невероятных размеров, их глубина и очертания свидетельствовали об огромном весе неизвестного чудовища.

Меня охватил безумный страх. Заслоняя свечу ладонью, я помчался по тоннелю к выходу из штольни и не остановился, пока не оставил далеко позади себя и римскую арку и густые заросли кустарника. Задыхаясь от бега, совершенно измученный, я бросился на траву, озаренную мирным мерцанием звезд.

Было три часа ночи, когда я добрался до дому. Сегодня чувствую себя совершенно разбитым и дрожу при одном воспоминании о моем ужасном приключении. Пока никому ничего не рассказывал. С этим надо быть крайне осторожным.

Что подумают бедняжки мисс Эллертон и как к этому отнесутся необразованные фермеры, если я поведаю им об этом случае? Надо поговорить с тем, кто может понять меня и дать нужные советы.

25 апреля. Дикое приключение в каньоне Голубого Джона стоило мне двух дней, проведенных в постели. Я уже писал, что нуждаюсь в человеке, с которым мог бы посоветоваться.

В нескольких милях от меня живет доктор Марк Джонсон. Его мне рекомендовал профессор Саундерсон. К нему-то я и отправился, как только немного окреп и стал выходить после болезни. Джонсону я подробно рассказал обо всем, что со мной приключилось.

Он внимательно выслушал меня, затем тщательно обследовал, особое внимание обратил на рефлексы и зрачки глаз. После осмотра доктор, однако, отказался обсуждать мой рассказ, заявив, что это не входит в его компетенцию. Но он дал рекомендательную записку к мистеру Пиктону в Кастльтоне и посоветовал немедленно отправиться к нему и рассказать подробно всю историю. По словам Джонсона, Пиктон как раз тот человек, который необходим мне и сможет помочь.

Мистер Пиктон, по-видимому, важная персона. Об этом свидетельствовали солидные размеры дома, к двери которого была прибита медная дощечка с его именем. Я уже собрался позвонить, когда какое-то безотчетное подозрение закралось в мой мозг. Войдя в лавчонку, находящуюся через дорогу, я спросил человека за прилавком, что он может сказать мне о мистере Пиктоне.

— О, мистер Пиктон лучший психиатр в Дербишире! — воскликнул он. — А вон там — его сумасшедший дом.

Я, конечно, тут же покинул Кастльтон и возвратился к себе на ферму, проклиная в душе лишенных воображения педантов, неспособных поверить в существование чего-то такого, что прежде никогда не попадало в поле их кротового зрения.

Теперь, немного успокоившись, я допускаю, пожалуй, что и сам отнесся к Армitedжу не лучше, чем доктор Джонсон ко мне.

27 апреля. Студентом я слыл смелым и предприимчивым человеком. Припоминаю как-то в Колтбридже во время «охоты» за привидениями я даже провел ночь в засаде на чердаке дома, где, по слухам, водились призраки. Является ли мое нынешнее состояние результатом возраста (в конце концов мне всего лишь тридцать пять лет) или это болезнь так изменила меня, но сердце мое всякий раз трепещет при воспоминании об ужасном каньоне и обитающем в нем чудовище.

Как поступить? День и ночь только и думаю об этом. Промолчу я — и тайна останется неразгаданной. Широко оповещу о случившемся — и тотчас передо мной возникнет альтернатива либо безумной паники во всей округе, либо полного недоверия к моему рассказу. В последнем случае могут ведь не нарочно и упрятать в сумасшедший дом.

В общем думаю, что наилучший выход — ждать и гото-

виться к новой экспедиции, которая должна быть лучше продумана и более осторожна, чем первая.

В качестве первого шага я съездил в Кастльтон и приобрел самые необходимые предметы — большую ацетиленовую лампу и хорошее двуствольное ружье. Последнее я взял напрокат и тут же купил к нему дюжину крупнокалиберных патронов, которые могли бы сразить и носорога. Теперь я готов к встрече с пещерным незнакомцем. Только бы немного окрепнуть, и я покончу с ним!.. Но кто он?.. Этот вопрос не дает мне покоя. Сколько самых немислимых версий выдвигал я и тут же отбрасывал прочь!

Фантастика какая-то! И в то же время — рев, следы гигантских лап, тяжелые крадущиеся шаги в черной штольне..

Невольно вспоминаются драконы из старинных легенд. Быть может, и они не так уж фантастичны, как об этом принято думать? Вероятно, в основе этих легенд лежат реальные факты. Неужели мне, единственному из всех смертных, уготовлено приоткрыть эту таинственную завесу?!

3 мая. Капризы нашей английской весны уложили меня на несколько дней в постель. За эти дни произошли события, зловещий смысл которых, пожалуй, никто, кроме меня, не сможет объяснить.

Последнее время у нас выдались темные, безлунные ночи; именно в такие ночи, по словам Армитеджа, и исчезают овцы. И, представьте себе, овцы действительно стали пропадать. Две из них принадлежали мисс Эллертон, одна — старому Пирсону и еще одна — мисс Мултон. Четыре овцы за три ночи! От них не осталось и следа, и вся округа только и говорит о цыганах-похитителях.

Но случилось и нечто более серьезное. Исчез Армитедж! Ушел из дому поздно вечером в среду и как в воду канул! Армитедж одинокий, и его исчезновение не было сразу замечено. Скорее всего он задолжал кому-то много денег и скрылся; возможно, нанялся на работу в другие края — таково всеобщее мнение.

У меня на этот счет особая точка зрения. Возможно, было бы правильной предположить, что исчезновение овец побудило Армитеджа принять какие-то меры, закончившиеся его собственной гибелью? Он мог, например, устроить засаду возле штольни на зверя, похищающего овец, и страшное чудовище утащило его в глубь горы. Какой невероятный конец для цивилизованного англичанина двадцатого века! Мне думается, это более всего походит на истину.

Но коли так, то я в какой-то степени несу ответственность за гибель этого несчастного и за все беды, которые могут еще произойти. Несомненно одно — сведения, которыми я располагаю, требуют от меня принять срочные меры для предотвращения возможных несчастий.

Сегодня поутру отправился в местное отделение полиции и рассказал всю историю. Инспектор записал ее в толстый гробсбук и поблагодарил меня с самым серьезным видом. Но не успел я выйти от него, как услышал за спиной взрыв хохота. Без сомнения, инспектор рассказывал о моем приключении.

Очевидно, придется самому принимать какие-то меры.

10 июня. С большим трудом, лежа в постели, взялся за дневник, последняя запись в который была сделана шесть недель назад. Я пережил ужасные потрясения — и физическое и духовное, однако достиг своей цели. Опасность, таившаяся в каньоне Голубого Джона, исчезла навсегда и никогда уже больше не возвратится. И это для общего блага удалось сделать мне, беспомощному инвалиду.

Насколько это в моих слабых силах, постараюсь изложить события с максимальной ясностью и полнотой.

Ночь в пятницу третьего мая выдалась безлунная, пасмурная. По моим предположениям, именно в подобные ночи чудовище выбирается на поверхность из древней штольни. Около одиннадцати часов я вышел из дому, захватив с собой лампу и ружье. Предварительно оставил записку на столике в спальне, в которой сообщал, что, если не вернусь ко времени, меня следует искать в старой штольне.

Добравшись до каньона Голубого Джона, я притаился среди скал возле входной арки, погасил лампу и стал терпеливо ожидать, держа ружье наготове.

Время тянулось томительно медленно. Внизу, в долине, мерцали огоньки в окнах фермерских домиков. Звон церковного колокола, отбивавшего часы в Чэппель-Дэле, едва долетал до меня. Темнота и гнетущая тишина только усиливали чувство одиночества и тоски. Мне приходилось призывать все свое мужество, чтобы побороть страх и желание поставить крест на опасном предприятии и поживее убраться домой на ферму. Но самоуважение, заложенное в натуре каждого человека, заставляет его идти по намеченному пути. Это чувство собственного достоинства и было моим спасением: оно укрепляло мои силы и уверенность в борьбе с инстинктом самосохранения, который гнал меня прочь отсюда. Я рад, что у меня хватило выдержки. Как бы дорого ни обошлась мне моя затея, мужество мое, во всяком случае, было безупречным.

На далекой церкви пробил полночь. Затем — час ночи... Два... Это был самый темный час ночи. Тучи проносились над самой землей, едва не цепляясь за вершины холмов, и в небе не было видно ни звездочки. Где-то в скалах громко вскрикнула сова. И снова тишина. Только стелющийся шелест ветра...

И вдруг я услышал его!

Из далекой глубины ущелья донеслись приглушенные шаги — мягкие, крадущиеся и в то же время такие тяжелые. Загрохотали камни, осыпающиеся под могучей поступью гиганта. Шаги приближались. Они уже звучали рядом. Затрещали кусты, и в ночи возникли неясные очертания фантастического первобытного чудовища.

Меня парализовали изумление и ужас. Я ожидал увидеть нечто страшное, и все же оказался совсем неподготовленным к тому, что предстало перед моими глазами в эту минуту. Я замер, боясь шелохнуться, когда огромная черная масса пронеслась почти бесшумно в нескольких ярдах от меня и скрылась в ночной темноте.

Но я твердо решил дожждаться возвращения чудовища и схватиться с ним. Уж на этот раз нервы мне не изменят! Оно не пройдет безнаказанно мимо меня! Стиснув зубы, я поклялся себе в этом. Ружье со взведенными курками было нацелено на вход в штольню.

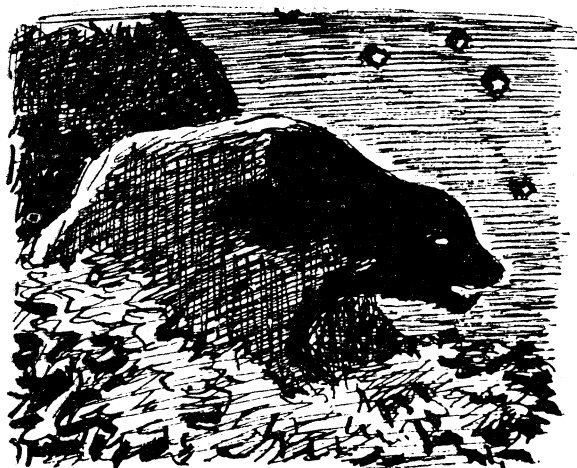
Стояла удивительная тишина. Со стороны спящей деревни, где на свободе бродило это воплощение ужаса, не доносилось ни звука. Я нервничал, ибо не мог знать, как далеко ушло чудовище, что оно делает, когда вернется обратно.

И все-таки я едва не пропустил его вторично. Ничто не предвещало появления зверя, мягко ступающего по траве. Он появился неожиданно, когда я совсем его не ожидал. Черная, быстро движущаяся масса снова пронеслась мимо меня, направляясь к входу в штольню. И снова моя воля была парализована — палец мертво застыл на спусковом крючке ружья.

Невероятным усилием я стряхнул с себя оцепенение и, вскинув ружье, выстрелил в удаляющуюся черную тень. Это случилось в тот самый момент, когда чудовище, продравшись через кустарник, было у входа в штольню. В свете яркой вспышки выстрела я мельком увидел косматую гору: грубую ошетилившуюся шерсть — серую сверху и почти белую внизу, огромное тело на коротких и очень толстых кривых лапах. Видение это длилось один миг. Затем послышался грохот камней — то чудовище бросилось в штольню.

Откинув страх, я засветил свою мощную лампу и, держа ружье наготове, кинулся вслед за ним.

Лампа залила тоннель ярким светом, совсем непохожим на желтое мерцание свечи, с которой я брел здесь двенадцать дней назад. Стремительно несясь по тоннелю, я не упустил из виду чудовище, бежавшее впереди меня. Оно мчалось большими скачками, раскачиваясь из стороны в сторону. Громадное

тело заполнило все пространство между стенами тоннеля. Шерстью, свисавшей длинными густыми космами, развевавшейся на бегу, животное напоминало гигантскую неостриженную овцу, но ростом превосходило самого крупного слона.

Сейчас мне и самому кажется невероятным, что я отважился преследовать такое страшилище в недрах Земли. Но когда в жилах человека закипает кровь от сознания, что из рук ускользает добыча, в нем пробуждаются первобытные инстинкты охотника, а осторожность и страх отступают прочь. Сжимая в руке ружье, забыв обо всем, я что есть силы бежал за чудовищем.

Я заметил, что животное очень быстро и проворно. Увы, очень скоро мне на собственном опыте привелось убедиться, что оно еще и коварно. Вообразив, что зверь бежит в панике и остается только преследовать его, я даже не подумал, что он может сам напасть на меня.

Ранее я уже писал, что тоннель ведет в большую центральную пещеру. До крайности возбужденный, я влетел в нее, боясь лишь одного — потерять след животного. И вот в этот момент чудовище неожиданно повернулось ко мне. Спустя миг мы оказались лицом к лицу.

То, что я увидел в ослепительном свете лампы, навсегда запечатлелось в моем мозгу. Зверь вскинулся на задние лапы, как медведь, и застыл передо мной, огромный, яростный. Ни в одном кошмаре моему воображению не являлось ничего подобного.

Я сказал, что зверь поднялся на задние лапы, как медведь. Он и напоминал его, только раз в десять был больше самого огромного из живущих на земле медведей. У него были длинные кривые лапы с изогнутыми когтями, бугристая и на вид очень толстая шкура, заросшая густой шерстью. Но самое страшное — громадная кроваво-красная разветвленная пасть, усаженная клыками, и белые выпученные глазищи, сверкавшие в ослепительном свете лампы.

Над моей головой взметнулись гигантские лапы, и чудовище с ревом бросилось на меня. Я отпрянул, уронил лампу и рухнул на камни без сознания...

В себя я пришел уже на ферме Эллертонов. Со времени этого ужасного происшествия в каньоне Голубого Джона минуло два дня. Всю ночь я пролежал бездыханный в штольне. У меня оказалось легкое сотрясение мозга, левая рука моя и два ребра были сломаны.

К счастью, оставленную мною записку нашли утром, и сразу же группа из дюжины фермеров бросилась на мои розыски. Меня обнаружили в бессознательном состоянии и отнесли домой.

От диковинного зверя не осталось и следа. Не были найдены даже пятна крови, которые могли бы свидетельствовать, что моя пуля попала в него. Кроме моего бедственного состояния да еще следов на грязи в тоннеле, ничто не подтверждает моих рассказов.

Сейчас уже прошло шесть недель. Я снова могу выходить

и греться на солнышке. Как раз напротив меня высится отвесный склон холма и видны серые известковые скалы. Там, на этом склоне, — темная расщелина, вход в древнюю штольню — каньон Голубого Джона.

Но каньон этот никогда уже не будет источником ужаса. Никогда больше ни одно загадочное существо не выползет из него, чтобы проникнуть в мир людей.

Ученые и образованные интеллигенты типа доктора Джонсона могут смеяться надо мной, но местные фермеры, люди простые, ни разу не усомнились в моей правдивости.

На следующий день после того, как ко мне вернулось сознание, сотни фермеров собрались у входа в каньон Голубого Джона.

Вот что писал об этом «Кастльтонский курьер»:

«Наш корреспондент, а также некоторые предприимчивые и смелые люди, прибывшие из Матлока, Бэкстона и других мест, тщетно требовали позволить им спуститься в штольню, чтобы обследовать ее из конца в конец и окончательно проверить рассказ доктора Джеймса Хардкастля. Местные сельские приняли иное решение. С самого утра они прилежно заваливали камнями вход в штольню. Возле нее поднимается крутой склон холма. Сотни добровольцев скатывали по нему огромные камни и обломки скал, пока каньон не оказался полностью забаррикадированным. Так закончился трагический эпизод, породивший столь великое возбуждение в умах жителей нашего края.

Кстати, местные жители разделились в суждениях по этому вопросу на два лагеря. Одни считают, что слабое здоровье и, возможно, некоторое повреждение мозга на почве туберкулезного процесса вызвали у доктора Хардкастля странные галлюцинации. По мнению приверженцев этой теории, доктор Хардкасль спускался в штольню, одержимый навязчивой идеей поисков фантастических чудовищ, а его ранения они объясняют падением со скалы. Противная сторона утверждает, что легенда о загадочном чудовище, таящемся в ущелье, родилась задолго до приезда почтенного мистера Хардкастля в наши края. Многие фермеры рассматривают рассказ доктора Хардкастля и его ранения, как лишнее подтверждение реальной почвы этой легенды.

Так обстоит дело и таким загадочным оно останется, ибо нет никакой возможности дать более или менее научное обоснование изложенным выше событиям».

Так, повторяю, писал «Кастльтонский курьер».

Возможно, со стороны газеты было бы более разумным, прежде чем печатать эту статью, направить ко мне своего корреспондента. Я — непосредственный участник событий, проанализировал их, как никто другой, и наверняка помог бы устранить некоторые недоумения, неизбежно возникающие при объяснении описываемой драмы, и этим приблизить вопрос к научному признанию.

Итак, попробую дать то единственно верное толкование, которое, как мне думается, способно пролить свет на это дело. Гипотеза моя может показаться неправдоподобной, но никто по крайней мере не станет утверждать, что она вздорна.

Моя точка зрения возникла, как видно из дневника, задолго до событий в каньоне Голубого Джона. Она предполагает, что в этой части Англии должно находиться большое подземное озеро, а возможно, даже и море, питаемое множеством ручьев, протекающих в недра Земли через пористые известняковые породы. Но хорошо известно: там, где много воды, должно быть и значительное испарение ее с последующим оседанием влаги в виде тумана или дождя. А последнее предполагает всегда наличие растительного мира, что, в свою очередь, допускает возможность существования животного мира в недрах Земли.

Я полагаю, что растительный и животный мир под землей возникал из тех видов флоры и фауны, которые существовали в ранний период истории нашей планеты, когда связь подземного и внешнего миров была более доступной. Впоследствии связь эта нарушилась, и животный мир подземных глубин переродился в соответствии с новыми условиями существования. Изменения коснулись всех существ, включая и тех чудовищ, одно из которых я видел.

Возможно, это древний пещерный медведь. Многие века наземные и подземные обитатели Земли были отделены друг от друга. Но вот образовалась брешь в глубинах земной коры, позволившая одному из обитателей недр выходить через древнюю римскую шахту на поверхность.

Как и все обитатели подземного мира, животное утратило зрение, но потеря эта, несомненно, была возмещена природой в чем-то другом. Возможно, в обонянии. Животное могло находить дорогу в полной темноте и нападать на овец, пасшихся на склонах близлежащих холмов. Что же касается темных ночей, которые оно выбирало для своих набегов, то, согласно моей теории, это можно объяснить чрезвычайно болезненным действием света на огромные выпуклые глаза животного, привыкшего к мраку. Вероятнее всего, яркий свет моей лампы и спас мне жизнь, когда я очутился с ним один на один.

Таково мое объяснение этой загадки природы. Я оставляю собранные мною факты на ваше усмотрение. Захотите поверить им — сделайте это, предпочтете усомниться — сомневайтесь. Ваше доверие или недоверчивость теперь уже не могут ни изменить изложенных мною фактов, ни оскорбить того, чья задача в этом мире уже выполнена...»

Так заканчивается странный рассказ покойного доктора Джеймса Хардкастля.

Перевод В. ШТЕНГЕЛЯ

Задолго до запуска первого искусственного спутника и первых полетов космонавтов вокруг Земли в космосе — на Луне и на некоторых других планетах — уже побывали многие путешественники — герои книг писателей-фантастов. Сегодня, когда мы ведем практическую подготовку к рейсам на далекие планеты, любопытно заглянуть и в «космическую» фантастику, вспомнить, как представлялись фантастам иные миры и путешествия к ним.

Героев книг везде ожидали встречи с разумными существами. Марсу в этом отношении повезло больше всего. Какими только не представляли себе фантасты марсиан! Это и страшные чудища, и прекрасная Аэлита, и разумные существа в облике насекомых, животных. Подметив такое, Э. Гамильтон написал рассказ-шутку «Невероятный мир». В рассказе все литературные марсиане учинили над прилетевшими с Земли космонавтами жуткую расправу: отослали землян обратно, и те нашли родную планету заселенной ожившими героями марсианских фантастов...

Нашла отражение в фантастике и гипотеза об искусственном происхождении спутников Марса.

Фантастов привлекала, конечно, таинственная Венера. Наши знания об утренней и вечерней звезде пока еще скудны и предположительны, но пищу романистам они давали. Многие писатели-фантасты насаждали на Венере пышную растительность, населяли ее ящерами, птеродактилями, даже первобытными «людьми».

Совсем иной описал эту планету Станислав Лем: его Венера покрыта пластмассой.

Без жителей не остался даже Меркурий, планета контрастов — холода и жары, вечного дня и вечной ночи. В фантастических романах описана жизнь на Меркурии — жизнь на кремниевой, а не на углеродной основе.

Встречи с представителями иных миров на Земле тоже довольно часто происходили на страницах фантастических произведений. Прилетают марсиане, прилетают обитатели неизвестных планет, прилетают откуда-то крошечные существа-невидим-

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

Борис ЛЯПУНОВ

ВСТРЕЧИ, КАТАСТРОФЫ, ГИПОТЕЗЫ

ки, жители далекой туманности, планет из системы Альфа Центавра, Сириуса, других звездных систем.

Посещали нас кибернетические роботы — разведчики, посланные из других миров. И однажды метеорит принес на Землю «зародыш» чужой жизни, который развился в разумное существо. Наконец неведомая планета-спутница другой звезды жалуется к нам в гости! В одном из фантастических романов А. Беляева к Земле приближается звезда со своими планетами, и на одну из них отправляется экспедиция.

Визиты гостей из космоса не всегда оканчивались благополучно.

Уэллс описал космическую катастрофу, которая произошла при вторжении в нашу солнечную систему небесного странника. Такая же тема увлекла других фантастов. Многие из них находили и способ справиться с неожиданным бедствием — изменить орбиту залетевшей планеты.

Ну, а как совершались путешествия героев книг в космос?

Корабль, использующий психическую энергию человека, летит на Луну... Было и такое. Автор серии романов о Тарзане Э. Берроуз переносит на Марс «астральное» тело человека, который совершает как бы мысленное небесное путешествие. Такой же «способ» посещения других планет предложил и К. Фламарион.

Чрезвычайно изобретательны французские романисты Ле-Фор и Графиньи. Они посылают своих героев в снаряде, выброшенном действующим вулканом; на корабле, использующем лучевое притяжение Солнца; в снаряде с реактивно-винтовым двигателем, рабочим телом для которых служит... астероидная масса.

Но были и другие книги.

К. Э. Циолковский еще в 1896 году начал писать научно-фантастическую повесть «Вне Земли». Впервые она была опубликована, но не полностью, в 1918 году, в журнале «Природа и люди». Отдельной же книгой вышла в 1920 году в Калуге. Теперь она обрела вторую жизнь. Юрий Гагарин, вернувшись из космоса, удивлялся, насколько верно предвидел Циолковский в своем научно-фантастическом произведении многое из

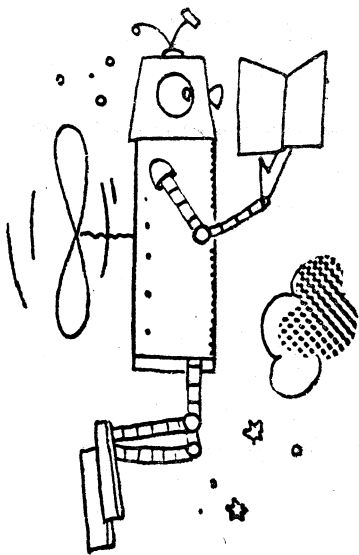

Рисунок Г. КОВАНОВА

того, что довелось пережить и увидеть первому космонавту. Советская автоматическая межпланетная станция сфотографировала обратную сторону Луны. А еще сравнительно недавно только фантасты описывали ракету-автомат, заснявшую Землю и Марс из мирового пространства.

Ученые стремятся изучать на Земле природу иных миров, чтобы лучше знать, с чем встретятся космонавты в будущих полетах. «Кусочек» Луны или Марса в лаборатории — это звучит фантастично, но над их созданием сейчас работают. Рассказ, в котором описана такая работа, появился всего десятилетие назад.

Можно ли использовать световое давление для космических путешествий? Нельзя ли применить в ракетных двигателях «минус-материю», или, иначе говоря, антивещество? Эти идеи казались не так давно совершенно фантастическими.

Но сейчас в технической литературе можно встретить проекты «солнечного паруса» — двигателя для орбитальных кораблей, использующего давление света. Ученые обсуждают идеи звездолетов с антивеществом в качестве рабочего тела.

Теперь все реже можно встретить в «космической» фантастике абсурды и курьезы, каких было когда-то немало.

Жизнь идет вперед, но простор для мечты остается. Больше того, он растет, ибо открываются новые горизонты.

На 2-й стр. обложки: иллюстрация
О. Безухова к очерку Д. Пипко «Выше, дальше,
быстрее...»

На 3-й стр. обложки: «Космос». Рисунок
Е. Скрынникова

На 4-й стр. обложки: «Опоры». Фото
А. Полякова с выставки «Семилетка в действии»

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАН-
ЦЕВ, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

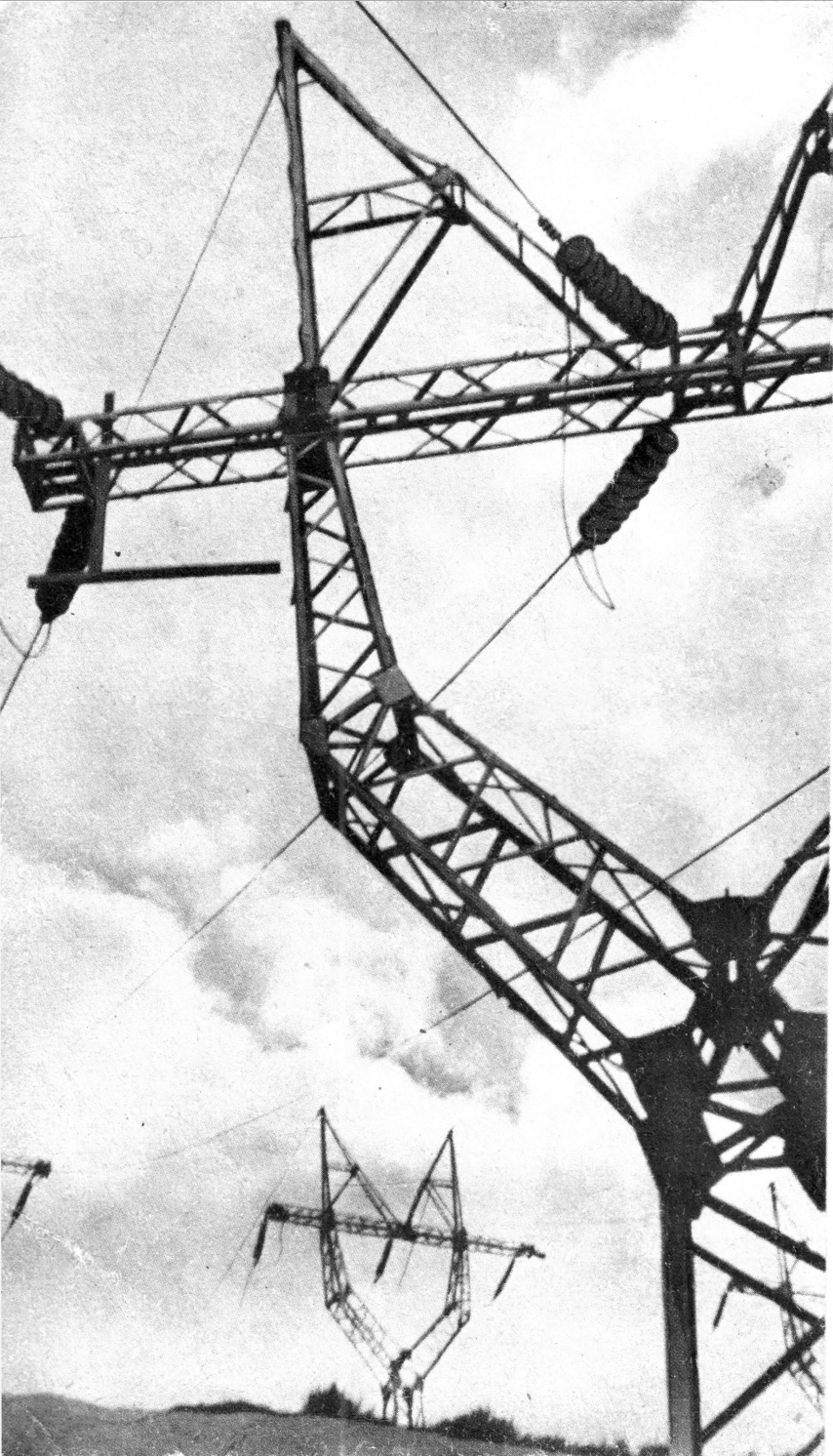
Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10.

А10408. Подп. к печ. 14/X 1964 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1661.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.